

DOCUMENT RESUME

ED 052 650

FL 002 378

TITLE Russian Basic Course: Reader, Volume II.
INSTITUTION Defense Language Inst., Washington, D.C.
SPONS AGENCY Department of Defense, Washington, D.C.
REPORT NO R-01RU47
PUB DATE Jun 71
NOTE 301p.
AVAILABLE FROM Director, Defense Language Institute, Department of
the Army, U.S. Naval Station, Anacostia Annex,
Washington, D.C. 20390 (With specific permission)

EDRS PRICE MF-\$0.65 HC Not Available from EDRS.
DESCRIPTORS Colleges, Cyrillic Alphabet, Instructional
Materials, *Language Instruction, *Modern Languages,
Reading Instruction, *Reading Materials, Russian,
*Russian Literature, *Short Stories, Textbooks,
Vocabulary Development

ABSTRACT

This anthology of short stories is representative of well-known 19th and 20th century Russian writers. Eleven stories, often adapted or abridged, are arranged in order of increasing difficulty and intended for use in intermediate and advanced phases of the Russian Basic Course. The selections, all in Cyrillic script, include: (1) A. S. Pushkin's "The Station Master," "The Shot," "The Queen of Spades," and "The Captain's Daughter"; (2) L. N. Tolstoy's "The Captive of the Caucasus"; (3) A. B. Chekhov's "At the Summer House" and "Fat and Thin"; (4) L. S. Lench's "The Fine"; (5) I. A. Ilf's and E. P. Petrov's "Tonya"; (6) K. G. Paustovsky's "Snow"; and (7) M. A. Sholokhov's "The Fate of a Man." Russian-English vocabulary lists are included. (RL)

ED052650

01RU47

R U S S I A N
Basic Course

READER

Volume II

U.S. DEPARTMENT OF HEALTH, EDUCATION & WELFARE
OFFICE OF EDUCATION

THIS DOCUMENT HAS BEEN REPRODUCED EXACTLY AS RECEIVED FROM THE
PERSON OR ORGANIZATION ORIGINATING IT. POINTS OF VIEW OR OPINIONS
STATED DO NOT NECESSARILY REPRESENT OFFICIAL OFFICE OF EDUCATION
POSITION OR POLICY.

June 1971

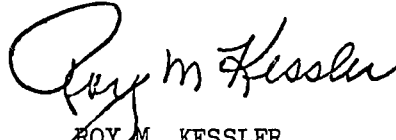
DEFENSE LANGUAGE INSTITUTE

7 002 378

DEFENSE LANGUAGE INSTITUTE

This pamphlet is for use by the faculty, staff and students of the Defense Language Institute solely for official purposes. It is NOT for general distribution. It may NOT be released to other persons, quoted or extracted for publication, or otherwise copied or distributed without specific permission in each instance from the Director, Defense Language Institute.

"PERMISSION TO REPRODUCE THIS COPYRIGHTED MATERIAL BY MICROFICHE ONLY HAS BEEN GRANTED BY ~~Defense Language Inst.~~ TO ERIC AND ORGANIZATIONS OPERATING UNDER AGREEMENTS WITH THE U. S. OFFICE OF EDUCATION. FURTHER REPRODUCTION OUTSIDE THE ERIC SYSTEM REQUIRES PERMISSION OF THE COPYRIGHT OWNER."

ROY M. KESSLER
Colonel, USA
Director

PREFACE

This collection includes short stories of well-known XIX and XX century Russian writers as well as those from the contemporary Soviet period.

The original texts have been adapted and abridged.

The short stories in this Reader have been arranged in the order of increasing difficulty and are intended for use in intermediate and advanced phases of the Russian Basic Course.

A vocabulary comprising words and idiomatic expressions not familiar to all students is supplied at the end of each story.

All inquiries concerning these materials, including requests for authorization to reproduce part or all of it, should be addressed to the Director, Defense Language Institute, U.S. Naval Station, Anacostia Annex, Washington, D.C. 20390.

TABLE OF CONTENTS

<u>Story</u>	<u>Author</u>	<u>Page</u>
The Station Master	A.S.Pushkin	3
The Shot	A.S.Pushkin	24
The Queen of Spades	A.S.Pushkin	45
The Captain's Daughter	A.S.Pushkin	71
The Captive of the Caucasus	L.N.Tolstoy	135
At the Summer House	A.P.Chekhov	150
Fat and Thin	A.P.Chekhov	157
The Fine	L.S.Lench	163
Tonya	I.A.Ilf and E.P.Petrov	177
Snow	K.G.Paustovsky	242
The Fate of a Man	M.A.Sholokhov	258

Александр Сергеевич

ПУШКИН

Лейб

1799 ~ 1837

Александр Сергеевич Пушкин - великий поэт, прозаик и драматург, родоначальник русской художественной литературы, создатель современного русского литературного языка.

Пушкин родился в Москве. Принадлежал к старинному дворянскому роду. С 1811 по 1817 г. учился в Царскосельском лицее.

В печати первое стихотворение Пушкина появилось в 1814 году. К 1820 г., когда он написал поэму "Руслан и Людмила", Пушкин был уже сложившимся поэтом.

За свои политические эпиграммы был выслан из Петербурга (1820 г.) на юг.

В южной ссылке были созданы романтические поэмы "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", "Братья разбойники", "Цыганы".

В 1824 г. Пушкин был сослан в имение отца - село Михайловское. Там была написана историческая трагедия "Борис Годунов" и несколько глав романа в стихах "Евгений Онегин", который является первым русским реалистическим романом.

В 1826 г. Пушкин вернулся из ссылки. С 1826 по 1830 гг. были созданы "Полтава", "Домик в Коломне", "Повести Белкина". В 30-х годах в творчестве Пушкина преобладает проза ("Дубровский", "Пиковая дама", "Капитанская дочка" и др.). В это же время им создана поэма "Медный всадник".

Пушкин основал журнал "Современник", ставший лучшим периодическим изданием XIX века.

27 января 1837 г. Пушкин был смертельно ранен на дуэли и умер 29 января 1937 года.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

ПО А.С.ПУШКИНУ

1. Дуня

Это было летом в 1816 году. Мне нужно было проехать через городок Н. Я был уже недалеко от станции, когда пошёл сильный дождь. Я приехал на станцию весь мокрый от дождя. Мне было холодно, и я хотел переменить одежду и выпить чаю.

- Дуня! - позвал станционный смотритель, - принесёшь самовар! При этих словах в комнату вошла девушка лет четырнадцати. Какая она была красавица!

- Это твоё дочь? - спросил я смотрителя. - Да, - ответил смотритель и с любовью посмотрел на неё. - Моя Дуня девушка умная, добрая и хозяйка хорошая. Порядок любит. Вся в мать.

Дуня пошла за самоваром. Я дал отцу Дуня мой паспорт, а сам начал осматривать комнату станционного смотрителя. Всё в комнате было чисто и даже красиво. На окнах цветы, на стенках картинки, в углу кровать. Везде был порядок. Через несколько минут Дуня пришла с самоваром. Маленькая красавица заметила, что она очень понравилась мне. Она посмотрела на меня своими большими светлыми глазами и

мы начали разговаривать. Дуня говорила со мной просто и уверенно. Видно было, что она привыкла разговаривать с проезжими людьми и что она их не боялась.

Я пригласил смотрителя и его дочь выпить со мной чаю. Мы с Дуней пили чай, а отцу я дал вина. Мы долго сидели за столом и разговаривали, как старые друзья. Через некоторое время дождь прошёл. Мне нужно было ехать дальше, но я не хотел уезжать от смотрителя и его дочери. Наконец я попрощался. Отец пожал мне руку и пожелал мне всего хорошего. Дочь вышла за мной. Мои лошади были уже готовы. Мы вышли из дома. Я посмотрел на маленькую красавицу и спросил её:

- Дуня, можно тебя поцеловать? - Да, можно, - просто ответила Дуня. Мы остановились у дома и я поцеловал её. Этот поцелуй я долго помнил.

2. Опять у смотрителя

Прошло несколько лет. Мне опять нужно было проехать через городок Н. По дороге я думал, как хорошо будет снова увидеть смотрителя и его дочь. С этими мыслями я подъезжал к станции. Мои лошади остановились у дома смотрителя. Я открыл дверь и вошёл в комнату, которую так хорошо помнил. Стол и кровать стояли на том же месте, но на окнах не было

цветов. Я посмотрел кругом и сейчас же заметил, что комната была уже не та; не тот порядок, не так чисто. По всему видно было, что в доме не было хозяйки.

Смотритель спал. Я стоял у его кровати и не знал, что делать. Через несколько минут он открыл глаза и встал. Передо мной стоял старый, больной человек. Я с трудом узнал станционного смотрителя.

Что стало с ним? Ведь прошло только три года. Как мог он за это короткое время стать таким стариком? С тяжёлым сердцем я смотрел на больного старика, на его усталое лицо и печальные глаза.

- Ты меня не узнаешь? - спросил я его, - мы ведь старые друзья!

- Может быть, - ответил он сердитым голосом. -
- Здесь дорога большая. Много людей проезжает.

- А как Дуня? - продолжал я спрашивать.

- Бог её знает, - ответил он сердито.

- Где же она? Вышла замуж? - спросил я опять. Старик ничего не ответил, как будто не слышал меня. Я больше ничего не спрашивал и только попросил его принести мне чаю.

Прошло некоторое время. Старик вернулся с самоваром. Мы сели за стол. Я начал пить чай, а старику дал вина. Он выпил один стакан, а потом другой. По-немногу, от вина его лицо стало яснее. Он больше не

сердился и даже говорить стал другим голосом. Видно было, что он теперь узнал меня.

— Так вы помните мою Дуню? — сказал он. — Ах, Дуня, Дуня! Что за девушка была. Все проезжие её любили. Иногда останавливались победать, а ведь только хотели на Дуню посмотреть и с ней поговорить! С какой нежностью бедный зритель говорил о своей дочери.

Я дал ему ещё один стакан вина. Он сидел в молчании. Видно было, что он думал о своей дочери.

— Иногда приезжает барин усталый и сердитый, но как только Дуня приходит в комнату, барин на неё посмотрит и больше не сердится. Как я любил мою Дуню! Но кончилось и наше счастье и я потерял свою дочь.

Тут он начал рассказывать о своём несчастье.

3. Рассказ зрителя

Это было три года тому назад. Однажды поздно вечером, когда Дуня сидела в своей комнате и шила себе платье, к дому подъехала тройка. Проезжий, в высокой шапке и военной форме, с большим шумом вошёл в комнату и начал кричать: "Где лошади? Мне нужно ехать дальше. Дайте мне сейчас же лошадей!" — Лошадей не было. Дуня привыкла к таким сценам. Как только она услышала шум, она выбежала из своей

кóмнаты и спросила проёзжего:

- Не хотите ли пообёдать, ба́рин?

- Хорошó, - сказа́л он, - пообёдать мо́жно. Я
о́чень голоден.

Проёзжий смотре́л на красáвицу Ду́ню и ви́дно бы́ло, что он бо́льше не серди́лся. Он снял ша́пку и свою́ мо́крую оде́жду. Это был высóкий краси́вый офице́р с бо́льшими тёмными глаза́ми. Он сел на скаме́йку и на́чал разговáривать со смотре́телем и его́ до́щерью.

- Иди́, Ду́няша, принеси́ обе́д, - сказа́л смотре́тель. - Ба́рин о́чень го́лоден. Ду́ня принесла́ обе́д. Ме́жду тем пришли́ ло́шади. Смотре́тель поше́л посмотре́ть, гото́ва ли трóйка для молодóго офице́ра. Когда́ он верну́лся, молодóй проёзжий лежа́л на скаме́йке. Ему́ бы́ло о́чень пло́хо. У него́ си́льно бо́ле́ла голова́. Что де́лать?

Смотре́тель положи́л больно́го на свою́ кровáть. Прошлó не́сколько часóв, но офице́ру не ста́ло лу́чше. У него́ всё ещё бо́ле́ла голова́ и он не мог ё́хать да́льше. Ду́ня не отходи́ла от больно́го. Она́ всё вре́мя сидела́ у его́ кровáти и шила́. Больно́й ча́сто проси́л пить, и ка́ждый раз, когда́ Ду́ня подава́ла ему́ холо́дный квас, он жал ей ру́ку и до́лго смотре́л на неё свои́ми тёмными глаза́ми. При смотре́теле больно́й офице́р не говори́л почти́ ни сло́ва. Каза́лось, что ему́ бы́ло о́чень

плóхо, но он всё-таки выпил два стака́на ча́ю и пообéдал с большо́м аппети́том.

На друго́й день больно́му ста́ло ху́же. Смотрíteль посла́л за до́ктором. К обе́ду прие́хал до́ктор. Он нача́л счита́ть пульс больно́го, посмотре́л ему́ в го́рло, погово́рил с ним не́сколько мину́т по-фра́нцу́зски, а пото́м сказа́л смотре́телю по-ру́сски: - Ваш прое́зжий о́чень бо́лен. Ему́ нельзя́ продо́лжать пое́здку. Он до́лжен лежа́ть в кровáти не́сколько дней.

Молодо́й офице́р дал до́ктору два́дцать рубле́й за визи́т и пригласи́л его́ пообéдать с ним. До́ктор согласи́лся. По́дали обе́д. До́ктор и офице́р е́ли с большо́м аппети́том и выпили мно́го вина́. До́ктору ну́жно бы́ло е́хать да́льше. Он кре́пко пожа́л офице́ру ру́ку и они́ попрощáлись.

Проше́л ещё́ оди́н день. Больно́му ста́ло лу́чше. По все́му до́му мо́жно бы́ло слы́шать сме́х офице́ра. Он пел пе́сни, грóмко смея́лся и вéсело разговáривал с прое́зжими. Он все́м о́чень нра́вился. А до́брому смотре́телю да́же жаль ста́ло, что офице́р до́лжен скóро уе́хать.

4. О́тъезд офице́ра

Прише́л день о́тъезда. Бы́ло о́чень тепло́. День был я́сный. На небе́ ни одно́го о́блака. Ду́ня сто́яла у дс́ма и вéсело разговáривала с сосéдями. На ней

было новое платье. Было воскресенье и она хотела идти в церковь. Тройка была готова. Офицер попрощался со зрителем, поблагодарил его и хорошо за всё заплатил. Он подошёл к Дуне, попрощался с ней и спросил её:

- Вы, Дуня, в церковь идёте? До церкви, кажется, далеко. Не хотите ли вы со мной поехать? Нам ведь по дороге. Дуня ничего не отвечала.

- Что же ты молчишь, Дуняша? Поблагодари барина. До церкви далеко. Поезжай с баринком. Ведь барин не волк, - бояться нечего ... Поезжай, Дуняша. Дуня села около офицера и они быстро поехали. Прошёл час, другой. Зритель сидел дома и, как всегда, ждал свою дочь. Но Дуня всё не было. Наконец он сам пришёл в церковь. Когда зритель подходил к церкви, две старухи прошли мимо него.

- Дуняшу мою не видели сегодня? - спросил он. - Нет, не видели, - ответили старухи и пошли дальше. Когда зритель подошёл ближе, он увидел, что у церкви никого не было. Он вошёл в церковь. Там было темно. Только у икон горело несколько свечей. Дуня в церкви не было. "Где Дуня?" - подумал старик. - "Может быть она пошла к соседям? Может быть она поехала с офицером до другой станции? Но нет! Ведь Дуня всегда приходила из церкви прямо домой". У него

кружилась голова. Всё было как в тумане и он не мог ничего понять. Бедный смотритель пришёл домой ни живым, ни мёртвым. К вечеру вернулась тройка без Дуня.

— Ваша Дуня уехала с офицером. — Это было всё, что ему сказал кучер. Бедный отец не понимал, как он мог сам послать Дуню с офицером. Ведь он сам ей сказал, что бояться нечего. Как мог он быть таким слепым? Как жить ему без Дуня?

Тяжело было бедному смотрителю. Он опасно заболел. Тот же доктор приехал к нему. Бедный смотритель лежал в той же комнате, где несколько дней тому назад его дочь, Дуня, подавала молодому офицеру квас.

Старик рассказывал доктору о своём несчастье и тогда доктор сказал ему: "Когда я сюда приехал, офицер сказал мне по-французски, что он не хочет уезжать отсюда. Ваша дочь ему очень понравилась. Он просил меня сказать вам, что он так опасно болен, что не может ехать дальше. Я сначала не соглашался, но ваш проезжий показал мне свой пистолет. Я очень испугался и не знал, что делать. Поэтому я вам тогда ничего об этом не сказал." Теперь бедному отцу всё стало ясно. Он всё понял. Старик горько заплакал.

5. Смотритель ищет дочь

Старик долго болел, но к концу лета ему стало лучше. Это было тяжёлое время для старого смотрителя. С утра до вечера старик думал о своей дочери. Как только он закрывал глаза, перед ним стоял молодой офицер, который увёз его дочь. Из паспорта офицера смотритель знал, что имя его Минский. Смотритель даже помнил, что Минский ехал из Смоленска в Петербург. По ночам старик не мог спать. Мысли о его несчастной дочери приходили ему в голову одна за другой. Он вспоминал все разговоры офицера с его дочерью, его весёлые песни, его громкий смех. Старик теперь вспомнил, как офицер любил сидеть около Дуни, как много он ей рассказывал о жизни в Петербурге. "Кучер мне сказал, что моя бедная Дуняша всю дорогу плакала. Может быть моя Дуняша хочет вернуться домой. Мне нужно идти в Петербург искать мою Дуню".

Раз поздно ночью, когда кругом всё было тихо, старик открыл дверь и вышел из дома. Только луна освещала тёмную улицу. Бедный отец пошёл пешком в Петербург.

Там жил его друг, старый сержант, которого он знал уже много лет. Смотритель остановился у него в доме. На другой день он начал искать Минского. Старик скоро узнал, где живёт офицер, и рано утром

пошёл к нему. У дверей большого дома, где жил Минский, стоял швейцар. Старик подошёл к нему:

- Скажи моему барину, что старый солдат хочет его видеть и с ним поговорить. Твой барин меня хорошо знает.

- Никак нельзя. Барин спит. Теперь слишком рано. Он встанет в десять часов.

Старик должен был уйти, но он вернулся в десять часов. Швейцар открыл дверь и показал ему куда идти. Минский скоро вышел к нему.

- Что тебе нужно? - спросил офицер. Казалось, что Минский не узнал смотрителя. Со слезами на глазах старик тихо сказал:

- Где моя дочь? Отдайте мне её. Зачем вам Дуня? Как мне без неё жить? ... Отдайте мне мою Дуню ...

Минский быстро повёл старика в свою комнату и закрыл за ним дверь. - Мне тебя жаль, - сказал Минский, - я знаю, как тебе тяжело. Я знаю, что тебе трудно без Дуня, но и я без неё жить не могу. Дуня не может к тебе вернуться. Теперь поздно об этом думать. Зачем она тебе? Дуня меня любит. Она привыкла к жизни в Петербурге. Подумай только: что за жизнь для неё будет теперь у тебя на маленькой станции?

Старик стоял и слушал. Он не мог сказать ни слова. Офицер ещё долго рассказывал, как счастлива Дуня, как она привыкла к своему дому и к красивым вещам и как она любит свою новую жизнь в этом большом городе. Потом офицер вложил отцу что-то в руку и открыл ему дверь. Смотритель вышел на улицу. Некоторое время он стоял перед домом, как во сне. Вдруг он заметил, что у него в руках деньги. Ему их дал офицер, который увёз его дочь. Со слезами на глазах бедный отец смотрел на деньги. Пять ... десять ... пятнадцать рублей

Горько и обидно было старику. Он сердито бросил деньги на землю и быстро пошёл по улице. Через минуту он остановился, подумал и вернулся. Но денег на земле больше не было. Хорошо одетый молодой человек поднял деньги. Старый смотритель это видел, но ничего не сделал.

6. Отец и дочь

На другой день смотритель решил вернуться домой на свою станцию. "Только бы ещё раз увидеть мою Дуню", - думал бедный отец, - "только бы в последний раз на неё посмотреть". Через два дня он снова пошёл к дому Минского. Старик подошёл к дверям и постучал. Швейцар вышел к нему и сердито закричал:

- За чём опять пришёл? Что тебе здесь нужно?

- Твой барин дома? Мне нужно его видеть, - спросил старик.

- Я сказал тебе, что сюда нельзя. Барина нет дома.

Швейцар вытолкнул бедного смотрителя на улицу и закрыл за ним дверь. Но старик всё ещё не уходил. Он стоял на улице перед закрытой дверью и думал о своём несчастье.

В тот же вечер смотритель пошёл в церковь. Он долго стоял перед иконой и молился. Он молился за свою бедную Дуню. Наконец он вышел из церкви и медленно пошёл домой. Был праздник и на улицах было много людей. Вдруг мимо него быстро проехал молодой офицер. Это был Минский. Старик сейчас же узнал его. Тройка Минского остановилась перед высоким домом недалеко от церкви. Смотритель видел, что Минский вошёл в дом. Счастливая мысль пришла ему в голову. Он подошёл к дому, куда вошёл Минский, и спросил кучера:

- Скажи мне, чьи это лошади, не Минского-ли?

- А ты почему спрашиваешь? За чём тебе знать?

- Твой барин просил меня передать Дуне это письмо, а я вот не знаю, где живёт Дуня.

- Здесь она живёт, в этом доме, - ответил кучер.

- Тóлько сли́шком пóздно ты пришёл с письмóм. Тепéрь он сам у неё.

-Ну, что же? Дéлать нéчего. Жаль, что я опоздáл, но всё равно́, я дóлжен передáть письмó.

С éтими словáми смотрíteль подошёл к двéри дóма и постучáл. Прoшлó нéсколько тяжёлых секунд. Молодáя служáнка открыла ему́ дверь и он вошёл в тёмный коридóр.

- Что вам нýжно? - спросила его́ служáнка Дúни.

- Твоя́ хозяйка дóма? - тóхо спросил старик.

- Да, она́ дóма.

- У меня́ для неё письмó.

- К ней тепéрь нельзя́, - сказа́ла служáнка. - Ты мóжешь дать мне письмó. У неё тепéрь гость.

Старик ничегó не отвéтил. Он бýстро прошёл мимо служáнки, подошёл к друго́й двéри и открыл её.

Перед ним была́ большáя свётлая кóмната. Никогдá старик не ви́дел тако́й краси́вой кóмнаты и так мнóго прекра́сных вещей. Но глазá смотрíteля остано́вились на Дúне. Дúня сидела на дивáне. Она́ была́ одéта по послéдней мóде. Молодо́й офицёр держáл её рýку, и она́ с любóвью смотре́ла ему́ в глазá. Бédный отéц! Никогдá его́ дочь не казáлась ему́ тако́й краси́вой.

- Кто там? - спросила Дúня. Старик молчáл. Дúня

подняла голову, узнала его, закричала и упала на пол.

Минский начал её поднимать и тоже увидел старого отца, который всё ещё стоял у двери.

- Что тебе здесь нужно? - сердито закричал он.

- Что ты за мной везде ходишь? Сейчас же уходи отсюда! - Минский открыл дверь и сильной рукой вытолкнул старика в коридор. Бедный отец долго ходил по шумным улицам Петербурга. Поздно вечером он пришёл домой. Всю ночь смотритель говорил со своим другом, сержантом, о своём несчастье.

На другой день он занял деньги у своего друга и уехал из Петербурга домой, на свою станцию. "Вот уже три года, как я живу без Дуня", продолжал рассказывать старик. - "Хорошо ли ей теперь, или плохо - ничего не знаю. Жива ли она или нет, - только Бог знает. Я часто думаю, что много в Петербурге таких девушек, как моя Дуня. Сегодня им хорошо, а завтра смотришь, - они на улице. Иногда я даже думаю, что лучше ей умереть. Сам моей дочери могилы желаю."

Так кончил свой печальный рассказ мой старый друг, станционный смотритель.

Во время рассказа он часто останавливался, горько плакал, - и пил вино стакан за стаканом. Его слёзы сильно тронули моё сердце. Когда я, наконец, уехал, я ещё долго думал о бедном старике и его дочери.

7. Кладбище

Недавно я остановился в маленькой деревне, недалеко от города Н., и вспомнил о моём друге. Я старался узнать, что стало с несчастным стариком, но я только узнал, что его станции уже больше нет. Когда я спросил, жив ли старый смотритель, никто не мог мне дать ответа. Я очень хотел снова увидеть моего друга или услышать что-нибудь о нём. В деревне мне дали лошадей и я решил поехать в город Н.

Было холодно. На небе были тёмные тучи. Я остановился у дома, где несколько лет тому назад я поцеловал Дуню.

Я долго стоял у двери и стучал. Из дома вышла молодая женщина и спросила, что мне нужно.

- Смотритель дома? - спросил я.

- Он умер год тому назад.

- Отчего же он умер?

- Слишком много пил.

Я начал жалеть о моей поездке и о семи рублях, которые я заплатил за лошадей.

- А где его могила? - спросил я опять.

- Недалеко отсюда, барин.

- Не может ли кто-нибудь показать мне дорогу на кладбище?

- Мѡжно. Эй, Вѡнька, - закричала она. - Иди с бѡрином на кладбище. Он хочет видеть могилу смотрителя.

Из дома вѡбежал мальчик лет десяти.

- Ты знал смотрителя? - спросил я мальчика.

- Как не знать? Я знал его хорошо. Дѡбрый он был. Любил играть с нами, и все дѡти его ѡчень любили.

Мы вместе пошли на кладбище.

- Проезжие его помнят? Спрашивают иногда о нем? - спросил я.

- Теперь у нас проезжих мало, но вот летом приезжала дама. Она о нем спрашивала. Приходила к нему на могилу.

- Какая дама? Расскажи мне, - спросил я мальчика.

- Красивая дама, - ответил мальчик, - богатая и дѡбрая. Приезжала она сюда с тремя маленькими детьми, со служанкой и со старым лакеем. Барыня стала спрашивать о смотрителе, и, когда ей сказали, что он умер, она начала плакать и сказала своим дѡтям, что ей нужно пойти на кладбище. - Я хотел ей показать, где кладбище, но она сказала: - "самѡ дорогу знаю", и дала мне рубль. Такая дѡбрая была дама .

Мы пришли на кладбище. Я никогда не видал такого печального мѡста: ни цветов на могиле, ни даже забора вокруг кладбища.

- Вот моги́ла ста́рого смотре́теля, - сказа́л мне ма́льчик и показа́л на моги́лу, над кото́рой сто́ял то́лько крест с ма́ленькой ико́ной.

- И она́ приходи́ла сюда́? - спроси́л я.

- Приходи́ла, - о́пять нача́л расска́зывать ма́льчик. - Я смотре́л на неё отсу́да. Она́ краси́вые цветы́ принесла́ и на моги́лу положи́ла; сама́ на моги́ле лежа́ла и пла́кала. Потóм она́ пошла́ в це́рковь, там до́лго моли́лась; мно́го де́нег дала́ для це́ркви и у́ехала.

Ма́льчик убежа́л домо́й, а я ещё до́лго сто́ял у моги́лы смотре́теля. На небе́ бы́ли те́мные ту́чи. Ско́ро поше́л ма́ленький дождь. Ста́ло темно́. Бы́ло по́здно, и мне ну́жно бы́ло э́хать да́льше. Мои́ ло́шади бы́ли гото́вы, и я у́ехал из городка́ Н.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "СТАНЦИО́ННЫЙ СМОТРИ́ТЕЛЬ"

Глава 1

мо́крый	wet
вся в мать	just like (her) mother, living image of her mother
уве́ренно	confidently, assuredly
ви́дно	is seen, one can (could) see
прое́зжие лю́ди	transients, passers-by
не́который	some, certain
<u>проща́ться</u> <u>попроща́ться</u>	to bid farewell, to say good-bye
<u>пожима́ть</u> <u>пожа́ть</u>	to shake (a hand), squeeze
<u>жела́ть</u> <u>пожела́ть</u>	to wish
<u>целова́ть</u> <u>поцелова́ть</u>	to kiss
поцелу́й	kiss

Глава 2

сно́ва	once again, anew
мысль (f.)	thought, idea
круго́м	around
по все́му	by all indications, by everything
ста́рик	old man (старуха -old woman)
уста́лый	tired

лицо́ (р1. лица)	face
печа́льный	sad
серди́тый	angry, sullen
как бу́дто	as if
поне́мнóгу	little by little
не́жность	tenderness
молча́ние	silence
несча́стье	misfortune, trouble, ill luck

Глава 3

одна́жды	once, once upon a time
тро́йка	team of three horses
ша́пка	fur cap
<u>крича́ть</u> кри́кнуть	to shout, yell emit a yell
закрича́ть	to scream
сце́на	scene, outburst of temper, stage (theater)
квас	kvass (Russian homemade sour beverage)
пульс	pulse
визи́т	visit, call (medical)
<u>соглаша́ться</u> согласи́ться	to agree, consent
кре́пко	firmly, strongly
сме́х	laughter
пе́сня	song

Глава 4

<u>благодарить</u> поблагодарить	to thank
волк	wolf
ико́на	icon
свеча́	candle
<u>кружиться</u> закружиться	to spin, whirl
ку́чер	coachman
слепой	blind
пистолёт	pistol
<u>пугаться</u> испугаться	to get frightened
го́рько	bitterly
<u>плакать</u> заплакать	to cry, weep

Глава 5

несча́стный	unfortunate, unlucky, unhappy
<u>вспоминать</u> вспомнить	to recollect, recall
<u>освещать</u> осветить	to illuminate, light up
швейца́р	doorman
каза́лось	it seemed
слеза́ (р1. слёзы)	tear, tears
<u>вкладывать</u> вложить	to insert
оби́дно	hurting(ly)

Глава 6

вытáлкивать
вытолкнуть

to push out, force out

моли́ться
помоли́ться

to pray

стуца́ть
постуца́ть

to knock

служáнка

female servant

гость

guest, visitor

мо́да

fashion, mode, style

держáть
подержáть

to hold, keep

шумный

noisy

моги́ла

grave

трога́ть
тро́нуть

to affect, touch
(to move - emotional)

Глава 7

кладбище

cemetery

что-нибудь

something

жалéть
пожалéть

to regret, be sorry

крест

cross

В Ы С Т Р Е Л

по А.С.ПУШКИНУ

1. Наш друг Сильвио

Я был тогда офицером и мы жили в маленьком городке. Все знают жизнь офицера: утром мы учим солдат, потом обед в ресторане, а вечером вино и карты.

В этом городе мы никого не знали. Не было ни одного дома, куда мы могли бы ходить в гости. Молодых девушек было мало, и даже в карты мы всё время играли только друг с другом.

Но у нас там был один знакомый. Он не был военным. Ему было около тридцати пяти лет, и нам, молодым офицерам, казалось, что он уже стар.

Это был умный, красивый и уверенный в себе человек. Он не любил много говорить и никогда не рассказывал нам о своей жизни. Видно было, что у него была какая-то тайна, и нам, молодым офицерам, это, конечно, очень нравилось. Наш знакомый казался русским, но имя его было не русское. Его звали Сильвио.

Сильвио был раньше офицером. Никто не знал, почему он теперь жил в этом маленьком городе. Никто не знал, богатый ли был Сильвио человек или бедный.

Иногда у него было много денег, и тогда он жил богато. Иногда же денег у него было мало, но для нас, офицеров, его дом был всегда открыт. Мы у него часто обедали. К обеду всегда было очень много вина и часто даже шампанское.

Квартира у Сильвио была маленькая и бедная, но везде было много книг. Сильвио любил читать военные книги и сентиментальные романы и он давал их нашим офицерам. У него была большая коллекция пистолетов, и он прекрасно стрелял.

Как все офицеры, мы часто разговаривали о дуэлях. Сильвио не любил этих разговоров. Иногда мы просили его:

— Расскажите нам, Сильвио, о ваших дуэлях.

— Да, иногда дуэли были, — холодно отвечал Сильвио.

Мы, конечно, заметили, что ему неприятно было об этом говорить, но мы ещё больше хотели узнать его тайну.

Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили, как всегда, очень много вина. После обеда мы сказали нашему хозяину, что мы

хотім играти в карти. Нам подали карты, и мы начали играть.

Сильвио почти никогда не играл, но в этот вечер он держал банк и записывал счёт.

За столом сидел молодой офицер, который недавно приехал в этот город. Мы его мало знали, и он был у Сильвио в первый раз. Всем было очень весело. Мы пели песни, пили вино и шампанское и много смеялись.

Сильвио продолжал держать банк и записывать счёт. Вдруг молодой человек посмотрел на Сильвио и сказал:

— Мне кажется, что вы сделали ошибку.

Сильвио ничего не ответил и продолжал записывать счёт. Молодой человек сказал ему ещё раз, что он сделал ошибку в счёте. Сильвио опять ничего не ответил, даже не посмотрел на офицера и продолжал писать. Эта сцена нам казалась очень весёлой, и мы громко смеялись. Тогда офицер, весь красный от игры и от шампанского, встал и бросил в Сильвио стакан вина, который он держал в руке. Стакан упал на пол.

Блédный и сердитый, Сильвио подошёл к офицеру и тихо сказал:

— Сейчас же уходите отсюда. Благодарите Бога,

что это случилось у меня в доме .

Мы все, конечно, видели эту сцену, но мы не сказали ни одного слова и скоро ушли домой. Мы ждали дуэли.

2. Отъезд Сильвио

На другой день мы спрашивали друг друга: "Ну, что? Жив ли ещё бедный офицер?"

Но скоро этот офицер сам подошёл к нам. Он был очень весел и даже смеялся. Мы все начали его спрашивать:

— Ну, как? Расскажите! Когда была дуэль? Где Сильвио?

— Никакой дуэли не было, — ответил молодой человек. — Сильвио не послал ко мне секунданта .

Прошло три дня. Дуэли не было. Офицер был ещё жив.

Скоро мы узнали, что у Сильвио с офицером был разговор и, что инцидент был ликвидирован. Прошло ещё некоторое время, никто об этой истории больше не говорил и всё было по-старому.

Но я не мог понять, почему у Сильвио не было дуэли с офицером.

Сильвио меня очень любил, и мы часто встречались. Но после этого несчастного вечера я приходил

к Сильвио не так часто, как раньше. Мой друг это скоро заметил.

Раз Сильвио пришёл к нам, офицерам, и сказал:— Я только что был на почте и получил письмо от старого друга. Мне нужно сегодня вечером уехать. Приходите все ко мне в гости. Мы пообедаем у меня в последний раз, выпьем шампанского и попрощаемся.

Когда я пришёл к Сильвио, наши офицеры были уже там. Всё было готово к отъезду. На стенах не было больше его пистолетов.

Мы сели за стол. Хозяин был очень весел. Мы много пили, пели песни, рассказывали анекдоты и весело смеялись.

Было поздно. Сильвио нужно было ехать. Мы пожелали ему много счастья, попрощались с ним и начали уходить. У двери Сильвио остановил меня:

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он тихо. Все гости ушли, а я остался.

Несколько минут Сильвио сидел в молчании. Я заметил тревогу на его бледном лице. Потом Сильвио посмотрел на меня и сказал:

— Я уезжаю сегодня вечером, но перед отъездом я хочу с вами поговорить и хочу вам всё рассказать. Вы ведь заметили, что мне всё равно, что обо мне думают другие офицеры. Я вас всегда любил и мы были

хорошими друзьями. Не думайте и теперь плохо обо мне .

Он остановился. Опять было неприятное для меня молчание.

— Вы, конечно, знаете, — продолжал Сильвио, — что мне нетрудно было бы убить на дуэли этого молодого офицера. Я ведь лучше его умею стрелять. Все это знают. Его жизнь была в моих руках, но я не хотел драться. Знаете ли вы, что шесть лет тому назад я получил пощечину и мой враг ещё жив?

Я не мог понять моего друга.

— Вы с ним не дрались? — спросил я.

— Да, я с ним дрался. Вот посмотрите, что у меня осталось от этой дуэли.

Сильвио вышел из комнаты, но через минуту вернулся. На голове у него была красная офицерская шапка. Я сейчас же заметил, что эта шапка была прострелена.

3. Дуэль

Сильвио молчал несколько минут и курил трубку. Он держал в руках свою красную шапку и смотрел на то место, где она была прострелена.

— Я тоже был раньше офицером, — продолжал рассказывать Сильвио. — Вы ведь хорошо знаете мой характер: я всегда люблю везде быть первым. Я часто

играл в карты, много пил и прекрасно стрелял.

Дуэли были в большой моде, когда я был молодым, и я тоже часто дрался на дуэлях.

Не только наши офицеры, но даже командиры меня очень любили. Но вот однажды к нам приехал молодой офицер. Я не могу сказать вам его имени. По всему видно было, что он из хорошей семьи и что он очень богат.

Подумайте: молодой человек из богатой семьи, умный, красивый и веселый. Весь город его знал. Денег у него было много. Что это был за счастливый человек!

Наши офицеры его любили, и он, конечно, очень нравился женщинам. Вы легко можете понять, как мне это было неприятно.

Однажды мы все были на балу в одном богатом доме. Я заметил, что наш новый знакомый очень понравился хозяйке дома, и что она всё время с ним танцевала. Хозяйка дома была красивая женщина и она мне самому давно нравилась.

Молодой человек стоял около неё. Они шутили, смеялись и весело разговаривали друг с другом. Я был так сердит, что подошёл к молодому офицеру и начал громко смеяться над ним. Кровь бросилась офицеру в голову, и он дал мне пощёчину.

Мы бросились друг на друга. Все гости начали кричать. Поднялся шум. В эту же ночь у нас была дуэль.

Я стоял с моими секундантами и ждал молодого офицера. Было ещё темно. Через некоторое время я увидел его. Он шёл пешком со своим секундantom. Он держал в руках шапку, в которой были вишни, а секундонт нес его пистолеты.

Скоро всё было готово для дуэли. Я должен был стрелять первым, но моя тревога была так сильна, что я не был уверен в себе и сказал офицеру:

— Мне всё равно. Вы можете стрелять первым, если хотите.

Офицер не согласился. Тогда один из наших секунднтов сказал, что у него в шапке два номера. Кто возьмёт первый номер, тот стреляет первым.

Молодой человек положил руку в шапку. У него был первый номер. Офицер посмотрел на меня, поднял свой пистолет и выстрелил. Он прострелил шапку, которую я вам только что показал.

Теперь мне нужно было стрелять. Его жизнь была в моих руках. Я стоял против него в молчании и смотрел на него. Я так хотел заметить на его лице тревогу. Я так хотел видеть, что он боится. Но, нет! Подумайте только: уверенный и веселый, он стоял под моим пистолетом и ел свои вишни!

- Для чего брать у него жизнь? - думал я. - Ведь видно, что он не боится смерти. Я бросил пистолет.

- Мне кажется, что вам всё равно - жить или умереть, - сказал я моему врагу. - Я не хочу вам мешать. Продолжайте есть ваши вишни. Желаю вам хорошего аппетита!

- Вы мне совсем не мешаете, - ответил офицер. - Вы можете стрелять. Если вы не хотите стрелять сегодня, можете стрелять завтра или же в другой раз. Выстрел ваш. Я всегда готов.

Я сказал секундантам, что сегодня стрелять не хочу. Так кончилась наша дуэль.

Скоро после этого я ушёл из армии. С того времени я живу в этом маленьком городке.

Вы знаете, каждый день я думаю об этой дуэли и о моём выстреле.

Сильвио показал мне письмо, которое он получил утром и дал мне его прочитать. В письме ему писали о свадьбе одного офицера.

- Вы, конечно, понимаете, кто этот офицер, - сказал Сильвио. - Вот почему я сегодня ночью еду в Москву. У него скоро свадьба. Пришло время для моего выстрела. Да, я долго ждал этого дня. Теперь пришёл мой час.

Сильвио сердито бросил на пол красную шапку.

которую прострелил его молодой враг. Он начал, как тигр, ходить по комнате. Как жестоко было его лицо!

Вошёл лакей. "Лошади готовы, барин. Можно ехать." Мы вышли на улицу. Сильвио попрощался со мной. Он ещё раз посмотрел на меня и сказал:

— Теперь вы, конечно, понимаете, почему я не хотел драться с офицером, который бросил в меня стакан с вином. Мне нужно было жить для этой минуты.

Тройка уехала. Я стоял на улице один. Ночь была тихая. Одна за другой мысли проходили в моей голове. Мысли о Сильвио, о его тайне ... о его душе ... обо всём, что он мне только что рассказал.

Когда я вернулся домой, перед моими глазами всё ещё было жестокое лицо Сильвио.

4. В деревне

Прошло несколько лет. Я ушёл из армии и жил в маленькой деревне. Мне не нравилась эта новая жизнь. Я часто думал о весёлой и шумной жизни офицера.

Я вставал очень поздно. До обеда у меня всегда было много работы, но по вечерам, когда я оставался один, я не знал, что делать. Мои соседи мне не нравились, и я никогда не ходил к ним в гости. Так тяжело мне было жить в этой деревне одному — без друзей, что я иногда даже пил. Но и от этого мне

не становилось лучше, а только болела голова.

Недалеко от меня была деревня графини Б. В доме графини жил только её старый лакей. После того как графиня вышла замуж, она уехала с мужем в Петербург.

Однажды за обедом я, как всегда, попросил моего лакея рассказать мне, что нового. Лакей мне ответил:

- Много у нас нового, барин. Говорят, что графиня на лето приехала в свою деревню

Я был очень рад, когда узнал, что графиня с мужем приехали. Через несколько дней я поехал к ним в гости.

Мои лошади остановились у дома моих новых соседей. Я вошёл в дом. Лакей повёл меня в комнату графа и попросил меня подождать. В этой большой комнате было много дорогих вещей, много книг и картин.

Минут через пять вошёл граф. Ему было не больше тридцати лет. Он поздоровался и попросил меня сесть.

Мне приятно было сидеть и разговаривать с этим человеком. Мы говорили обо всём, будто мы знали друг друга всю жизнь и будто всегда были хорошими друзьями.

Минут через десять в комнату вошла графиня. Это была красивая молодая женщина. Граф познакомил нас, и она тоже начала весело со мной разговаривать.

Я так давно не был в гостях и так давно не говорил с молодыми женщинами, что когда графиня вошла, мне трудно было продолжать разговор. Я начал ходить по комнате и смотреть на книги и картины.

Я всегда любил книги и много читал по-русски и по-французски, но о картинах я знал очень мало. Вдруг я остановился у одной картины и начал смотреть на неё.

Я заметил эту картину не потому, что она мне понравилась больше других, а потому что я увидел, что в одном месте её прострелили два раза.

- Вот хороший выстрел, - сказал я графу и показал на место, куда попали эти выстрелы.

- Да, выстрел хороший ... Вы хорошо стреляете? спросил граф.

- Не плохо. А как вы, граф, любите стрелять?

- Я раньше много стрелял, - ответил граф, - но вот уже четыре года, как я не брал в руки пистолета.

- Да, конечно, я это хорошо понимаю, - продолжал я. - Когда я был офицером, мы стреляли три или четыре раза в день. У меня был один друг, который стрелял лучше всех наших офицеров. Как только мой друг видел муху на столе, он кричал своему лакею: "Эй, Кувька! Скорее, принеси мой пистолет. Муха на

столé!" Вы смеётесь, графиня, но это так и было.

Графиня вёсело смеялась.

- Ну, что же было? Рассказывайте дальше, - продолжала она спрашивать.

- Лакéй Кузька приносил пистолёт, мой друг брал его и бах! - Прямо в муху.

Граф и графиня громко смеялись, когда я встал и показal им, как мой друг стрелял в муху.

- Да, я вижу, что ваш друг умёл прекрасно стрелять, - сказаl граф. - Скажите, как его звали?

- Я не думаю, граф, что вы знаете моего друга. Он уже тогда не был офицером. Его звали Сильвио.

- Сильвио, - закричал граф. - Нет, не может быть! Вы сказали Сильвио?

- Вы его знали, граф? Сильвио был моим лучшим другом. Я его очень любил. Сильвио прекрасно стрелял.

- Знал ли я Сильвио?.. Да, конечно. Как мне не знать Сильвио? - продолжал граф. - Скажите, он вам не рассказывал о том, что было однажды на балу в одном доме?

- Вы говорите, граф, о пощечине, которую Сильвио получил от одного офицера, и о дуэли?

- Да, конечно! Сказаl ли вам Сильвио имя этого офицера?

- Нет, этого он мне не хотѣл сказа́ть. Но, ска-
жите, граф, не вы ли это?

- Да, это был я сам. Говори́л ли вам Си́львио, что я
ви́дел его́ ещё раз и что здесь, в этой ко́мнате, мы про-
должа́ли на́шу дуэ́ль? Вы ведь замéтили эту карти́ну,
кото́рая прострéлена два ра́за в одно́м мéсте?

- Бо́же мой! Не рассказывай ничего́. Я да́же и
тепе́рь бою́сь слу́шать об это́м, - сказа́ла графи́ня.

- Нет, дорогáя. Мне ну́жно всё рассказáть. Ведь
наш сосéд и Си́львио бы́ли хоро́шими друзья́ми.

Граф сел ближе ко мне и нача́л свой рассказ.

5. Расска́з гра́фа

Пять лет тому́ наза́д по́сле на́шей сва́дьбы мы
прие́хали сюда́. Это бы́ло са́мое счастли́вое вре́мя моей
жи́зни.

Одна́жды графи́ня и я е́хали верхом. Вдруг ло́шадь
графи́ни остано́вилась и не хотéла иди́ти да́льше.

- Вече́р тёплый, ещё светлó и не́бо я́сное. Возьми́
с собо́й мою ло́шадь, а я хочу́ пойти́ пешко́м, - попро-
си́ла меня́ жена́.

Когда́ я подъе́хал к до́му, лакéй сказа́л мне, что
у нас гость. Наш гость не хотéл сказа́ть лакéю своего́

имени, но он ждал меня в моей комнате.

Было уже темно. Я вошёл в комнату и увидел человека, стоявшего у окна. Мой гость подошёл ко мне и спросил тихим голосом:

— Вы меня узнаете, граф?

Я смотрел на него. Мне казалось, что я его встречал раньше.

— Сильвио! — закричал я, узнав гостя.

— Да, граф. Это я — Сильвио. Хорошо, что вы меня ещё не забыли. Вы помните нашу дуэль? Помните, что я тогда не стрелял. Вот теперь я приехал за своим выстрелом.

Я не знал, что ответить, и стоял молча. Потом я подошёл к окну и сказал:

— Стреляйте как можно скорее. Моя жена может вернуться каждую минуту. Стреляйте, Сильвио!

Он меня не слушал и ходил медленно по комнате.

— Здесь слишком темно. Принесите свечи, — сказал Сильвио.

Лакей принёс свечи. Я быстро закрыл дверь и сказал лакею, что никому теперь нельзя входить в мою комнату. Я ещё раз попросил Сильвио сейчас же стрелять.

Он держал в руке пистолет и начал медленно

считáть: "раз ... два ... три ..."

Я тóже считáл секúнды. Я дýмал о женé. Сильвио всё ещё не стрелял.

— Я жалéю, граф, что у вас нет пистолéта, сказа́л он. — Иди́те и принесите ваш пистолéт. Ведь éто дуэ́ль. Да напишите два нóмера, как éто б́ло пять лет тому́ наза́д. Кто возьмёт пёрвый нóмер, тот стреляет пёрвым. Пóмните, граф?

Я не хотел согласиться, но боя́лся, что моё́ женá мо́жет войти́ в ко́мнату ка́ждую мину́ту. Я б́стро причёс пистолéт, написа́л два нóмера и положи́л их в ша́пку. У меня́ о́пять был пёрвый нóмер.

— Счастли́вый вы человек, граф, — сказа́л Сильвио. Он сто́ял прóтив меня́ и жестóко смея́лся. Я всё ещё пóмню éтот смех.

Это была́ са́мая тяжёлая мину́та в моё́й жи́зни. Я в́стрелил. Сла́ва Бо́гу! Мой в́стрел попал не в Сильвио, а вот в éту карти́ну.

Граф показа́л на карти́ну. Его́ молодáя женá, вся блéдная, сидéла и слúшала рассказ гра́фа.

Сильвио сто́ял против меня́, — продолжа́л граф, и смотре́л на меня́ свои́ми жестóкими глаза́ми. Его́ лицó горéло. Он нача́л ме́дленно поднима́ть свой пистолéт.

Вдруг дверь открýлась, и вошла́ моё́ женá. Уви́дев

нас с пистолётами в руках, она остановилась у двери.

— Не бойся, моя милая, — сказал я жене, — это была только шутка. Иди в другую комнату и выпей стакан холодной воды. Приходи потом сюда и поговори с моим старым другом. Он может тебе рассказать о нашей офицерской жизни.

Маша не хотела уходить. Она боялась.

— Скажите, так ли это? — спросила она у Сильвио.

— Графиня, я вижу, что ваш муж любит шутить, — холодно ответил Сильвио. — Однажды в гостях он дал мне пощёчину. В другой раз он в шутку выстрелил в эту красную шапку. Видите вы это? — Сильвио показал графине то место в шапке, куда попал мой выстрел много лет тому назад.

— Я чуть не умер от этой шутки, — продолжал он. — Вот теперь я подумал, что, может быть, мне тоже можно в шутку выстрелить в вашего мужа.

Сильвио снова поднял свой пистолет. Моя бедная жена упала к его ногам и начала плакать.

— Встань, Маша, — кричал я, — этого нельзя делать! Чего вы ждёте, Сильвио? Стреляйте!

— Зачем же теперь стрелять, граф? Теперь я доволен. Я видел, как вы боялись. Ваша жена плакала у моих ног. Это всё, что мне нужно. Нет, теперь стрелять я больше не хочу.

Жестокий Сильвио открыл дверь. Но у двери он остановился и быстро посмотрел кругом. Его глаза остановились на картине, в которую попал мой выстрел несколько минут тому назад.

Сильвио поднял свой пистолет и выстрелил в то же самое место ...

Граф кончил свой рассказ. Скоро я попрощался с моими новыми соседями и вернулся домой.

Я никогда больше не видел Сильвио.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ВЫ́СТРЕЛ"

Глава 1

друг дру́га	each other
ста́рик	an old man
уве́ренный уве́рен	sure, confident
ви́дно	apparently, one can see
та́йна	secret, mystery
<u>каза́ться</u> <u>показа́ться</u>	to seem
ша́мпанское	champagne
<u>держа́ть</u> подержа́ть	to hold, keep
<u>петь</u> спеть	to sing
пе́сня	song
сце́на	scene, stage
бле́дный	pale

Глава 2

отъе́зд	departure
не́которое вре́мя	some time
по-ста́рому	as before; as of old
несча́стный	unfortunate, unhappy
<u>проща́ться</u> <u>попроща́ться</u>	to bid farewell, to say good-bye

<u>остава́ться</u> оста́ться	to stay, remain
молча́ние	silence
трево́га	alarm, alert
всё равно́	all the same
<u>дра́ться</u> подра́ться	to fight
поще́чина	slap in the face
ша́пка	cap
простре́лить (perf.)	to shoot through

Глава 3

харáктер	disposition, character
мо́да	fashion
танцевáть	to dance
сам	oneself
кро́вь (f)	blood
<u>бросáться</u> <u>бро́ситься</u>	to rush, dash
шум	noise
<u>нести́-носи́ть</u> поне́сти	to carry
<u>соглаша́ться</u> <u>согласи́ться</u>	to agree
сме́рть (f)	death

враг	enemy
<u>мешать</u> помешать	to hinder, disturb, to mix
жестокий	cruel, brutal
лошадь (f)	horse
мысль (f)	thought, idea

Глава 4

граф	count, earl
графиня	countess
(как) будто	as if
муха	fly
лучший	the best

Глава 5

верхом	on horseback, mounted
как можно скорее	as soon as possible
свеча	candle
желать	to wish
<u>приносить</u> принести	to bring
смех	laughter
самый тот самый	the most the same
<u>гореть</u> сгореть	to burn
милый	nice, kind, dear
шутка	joke

П И К О В А Я Д А М А

по А.С. ПУШКИНУ

1. Тайна трёх карт

Однажды у гвардейского офицера Нарумова играли в карты. Долгая зимняя ночь прошла; гости сели ужинать в пять часов утра. Когда подали шампанское, разговор оживился и все приняли в нём участие.

- Посмотрите на Германа! - сказал один из гостей, указывая на молодого военного инженера: - он никогда не брал карты в руки, никогда не сыграл ни одной партии, а до пяти часов утра сидит с нами и смотрит на нашу игру!

- Меня очень интересует карточная игра, но я не могу рисковать деньгами, - сказал Герман.

Герман расчётливый немец, вот и всё, - заметил Томский. - Но меня удивляет, почему моя бабушка, графиня Н., не играет в карты!

- Что же тут удивительного, - сказал Нарумов, - что восьмидесятилетняя старуха не играет в карты?

- Так вы ничего не знаете? - спросил Тóмский.

- Нет! Ничего!

- О, так послушайте, - и Тóмский рассказáл слéдующее:

- Лет шестьдесят томú наза́д моя ба́бушка была́ о́чень краси́ва, е́здила в Пари́ж и имела́ большо́й успе́х. Сам Ришельё ухажива́л за ней. В то вре́мя да́мы игра́ли в фарао́н*. Одна́жды она́ проигра́ла герцо́гу Орлеа́нско-му о́чень мно́го де́нег и не могла́ запла́тить. При́ехав домо́й, ба́бушка объя́вила де́душке ско́лько она́ проигра́ла и приказа́ла запла́тить. Поко́йный де́душка о́чень лю́бил ба́бушку, но и бо́ялся её как огня́; одна́ко, услы́шав о тако́м ужа́сном про́игрыше, он катего́рически отка́зaлся пла́тить. Ба́бушка дала́ ему пощёчину и пошла́ спать.

На друго́й день не помогли́ ни угрoзы, ни уго́воры. Де́душка пла́тить не соглаша́лся. Ба́бушка не зна́ла, что де́лать. Она́ была́ хорошо́ знако́ма с одни́м замеча́тельным челове́ком. Вы слы́шали о гра́фе Сен-Жерме́не, о кото́ром рассказывают так мно́го интере́сного? Вы зна́ете, что он называ́л себя́ алхими́ком? Над ним смея́лись, как над шарлатано́м, а Казанóва в своих записках говори́т, что он был шпио́ном. В о́бществе

* назва́ние карточной игры́

Сен-Жермен был человек очень приятный. Бабушка до сих пор очень любит его и сердится, если о нём плохо говорят. Бабушка знала, что Сен-Жермен был очень богат. Она решила просить у него денег и написала ему записку с просьбой немедленно к ней приехать. Граф приехал сейчас же, выслушал её просьбу и задумался. "Я могу дать вам эту сумму, - сказал он, - но я знаю, что тогда вы не будете спокойны, пока не вернёте мне денег; а я не хочу, чтобы вы беспокоились. Есть другой путь: вы можете отыграться." -

"Но, дорогой граф, - ответила бабушка, - я говорю вам, что у меня совсем нет денег". - "Деньги здесь не нужны, - продолжал Сен-Жермен, - выслушайте меня". Тут он открыл ей тайну, за которую каждый из нас дорого бы дал ...

Молодые игроки удвоили внимание. Томский закурил трубку и продолжал.

- В тот же самый вечер бабушка поехала в Версаль. Герцог Орлеанский вёл игру; бабушка извинилась, что не привезла своего долга, и села с ним играть. Она выбрала три карты и они выиграли одна за другой. Таким образом бабушка совершенно отыгралась.

- Случай! - сказал один из гостей.

- Сказка! - заметил Герман.

- Как! - сказал Нарумов, - у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты подряд, а ты до сих пор не знаешь этой тайны?

- Нет! - ответил Томский. - У неё было четверо сыновей, в том числе и мой отец, но никому из них она не открыла своей тайны. Говорят, что однажды она открыла тайну трёх карт покойному Чаплицкому. Когда Чаплицкий был ещё молодым человеком, он проиграл в карты около трёхсот тысяч и был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к молодым людям, почему-то пожалела Чаплицкого. Она назвала ему три карты, взяв с него честное слово, что он никогда не будет больше играть. Чаплицкий поставил три карты одну за другой и все три карты выиграл. Он отыгрался и остался ещё в выигрыше ... Однако пора спать: уже без четверти шесть.

Наступило утро. Молодые люди допили свои рюмки и разъехались по домам.

2. Компаньонка графини

Старая графиня Н. сидела перед зеркалом. Три служанки окружали её. Графиня сохранила все привычки своей молодости и одевалась так же долго, как и

шестьдесят лет тому назад. У окна сидела за книгой молодая девушка - компаньонка графини. Её звали Елизавета Ивановна. Через некоторое время графиня со своими служанками вышла из комнаты. Елизавета Ивановна осталась одна; она отложила книгу в сторону и стала смотреть в окно. Вскоре на другой стороне улицы из-за углового дома появился молодой офицер. Она покраснела, взяла свою книгу и низко наклонила над неё голову. В это время вошла графиня.

- Прикажи, Лизанька, - сказала она, - подавать карету, мы поедem прогуляться.

- Сейчас! - ответила тихо девушка и побежала в переднюю.

- Лизанька, Лизанька! Куда ты бежишь?

- Одеваться.

- Успеешь. Садись сюда и посчитай волух ...

Девушка взяла книгу и прочитала несколько строк.

- Громче! - сказала графиня. - Что с тобой? У тебя такой слабый голос.

Елизавета Ивановна стала читать громче.

Когда она прочитала две страницы, графиня сказала:

- Брось, какая чепуха!.. Готова карета?

- Карета готова, - ответила Елизавета Ивановна.

посмотрев на улицу.

- Почему ты не одета? - спросила графиня, - всегда нужно тебя ждать!

Лиза побежала в свою комнату. Не прошло и двух минут, как графиня начала звонить в колокольчик.

Три девушки одновременно вбежали в дверь.

- Почему не приходите сразу, - закричала на них графиня. - Скажите Елизавете Ивановне, что я её жду.

Елизавета Ивановна вошла, одетая и в шляпке.

- Наконец! - сказала графиня. - А какая погода? Кажется ветер. Откройте окно. Так и есть: ветер! И очень холодный! Лизанька, мы не поедem: не надо было одеваться.

- И вот моя жизнь! - подумала Елизавета Ивановна.

В самом деле, Елизавета Ивановна была очень несчастна. Графиня Н., конечно, не была злой, но она была капризной и холодной эгоисткой. Она и теперь ещё ездила на балы, на которых сидела в углу, одетая по старинной моде. Елизавета Ивановна была домашней мученицей. Она подавала чай и получала выговоры за лишний расход сахара; она читала вслух книги и была виновата во всех ошибках автора; она ездила с графиней на прогулки и отвечала за погоду

и за мостовую. В обществе все её знали и никто не замечал. На балах она танцевала только тогда, когда не было пары. Часто, оставшись одна, она плакала в своей бедной комнате, где стояли только комод, зеркало и деревянная крашеная кровать.

3. Герман

За неделю перед описанной сценой, Елизавета Ивановна сидела с книгой у окна. Посмотрев на улицу, она увидела напротив молодого военного инженера. Он стоял неподвижно и смотрел на её окно. Она опустила голову и занялась работой; через пять минут посмотрела опять, — молодой человек стоял на том же месте. Она перестала смотреть на улицу и читала около двух часов, не поднимая головы. Подали обед. Она встала и, посмотрев на улицу, опять увидела офицера. Это её удивило.

Дня через два, выходя с графиней, чтобы сесть в карету, она снова увидела офицера. Он стоял у самого дома. Возвращаясь домой, она подбежала к окну, — офицер стоял на том же месте и смотрел на неё.

После этого каждый день молодой человек, в определённое время, появлялся под окнами их дома.

Работая у окна, она чувствовала его приближение, — поднимала голову и смотрела на него всё дольше и дольше. Через неделю она ему улыбнулась ...

Герман был сыном немца, который долго жил в России. Отец, когда умер, оставил ему маленький капитал. Герман не расходовал капитала и процентов с него; он жил только на своё жалованье и не позволял себе никаких лишних расходов. В душе он был игроком, но никогда не брал карт в руки. Он решил, что его состояние не позволяет ему рисковать деньгами в карточной игре.

Однако рассказ о трёх картах всю ночь не давал ему покоя. На другой день, вечером, гуляя по Петербургу, Герман случайно вышел на одну из главных улиц и подошёл к богатому, освещённому дому.

— Чей это дом? — спросил он у швейцара.

— Графини Н. — ответил швейцар.

Герман остановился около дома, думая об его хозяйке и её тайне. Он поздно вернулся домой, и в эту ночь видел во сне карты, зелёный стол и горы золота. Он ставил карту за картой, и всё время выигрывал ... Проснулся он поздно и пошёл опять ходить по городу. Неизвестная сила опять привела его к дому графини Н. Он остановился и стал смотреть на окна.

В одном окнѣ он увидѣл голову дѣвушки, наклонѣнную над книгой или работой. Дѣвушка посмотрѣла в окно и увидѣла его. Эта минута рѣшила его судьбу.

4. В спальне графини

Когда Елизавета Ивановна сняла пальто и шляпу, графиня послала за ней и приказала опять подавать карету. Они пошли садиться в карету. Выйдя на улицу, Елизавета Ивановна опять увидѣла молодого офицера. Проходя мимо, он взял её за руку и передал ей письмо. Она положила письмо в карман и всю дорогу очень волновалась. Дома она прочитала это письмо; в нём Герман писал о своей любви. Это первое письмо она вернула, бросив его в окно с маленькой запиской, в которой она просила ей больше не писать. Но Герман не перестал писать. Елизавета Ивановна каждый день получала от него письма. Потом Елизавета Ивановна стала на них отвечать. Наконец она бросила ему в окно слѣдующее письмо:

"Сегодня бал у англійского посла. Графиня будет там. Я еду с ней и мы останемся на балу часов до двух ночи. Вот вам возможность встрѣтить меня. Приходите сюда в половине двенадцатого. Идите прямо на лестницу. Вы никого не встрѣтите. Из передней

идите налево до спальни графини. В спальне есть две маленьких двери: правая в кабинет, куда графиня никогда не ходит, а левая дверь в коридор с узкой лестницей. Войдите в левую дверь и поднимитесь по лестнице. Она ведёт в мою комнату. Там ждите меня, пока я не вернусь с бала".

Герман с волнением ожидал назначенного времени. Ровно в половине двенадцатого он подошёл к дому графини и вошёл в ярко освещённую переднюю. Там никого не было. В зале и в гостиной было темно. Герман прошёл их и вошёл в спальню. Старинные диваны и кресла стояли около стен. В углу за широкой стояла железная кровать. Справа была дверь в кабинет, слева другая - в коридор. Герман её открыл и увидел узкую лестницу, которая вела в комнату Елизаветы Ивановны ... Но он вернулся и вошёл в кабинет.

Время шло медленно. Всё было тихо. В гостиной часы пробили двенадцать. Герман стоял в тёмном кабинете за полуоткрытой дверью и ждал. Он был спокоен. Часы пробили час, потом два часа и, наконец, он услышал шум подъезжающей кареты. Карета подъехала к дому и остановилась. В спальню вошла старая графиня и села в кресло. Елизавета Ивановна прошла в свою комнату. Герман слышал её лёгкие шаги по ступеням лестницы. Спальня графини была слабо

освещенá. Графиня сидела в кресле, шевеля губами и качаясь направо и налево.

Герман тихо вышел из кабинета и подошел к ней.

- Не бойтесь, - сказал он тихим голосом. - Я вам ничего не сделаю, я пришел просить вас о помощи.

Старуха молча смотрела на него и, казалось, не понимала его.

- Вы можете сделать меня богатым, - сказал Герман. - Я знаю, что вы знаете три карты ...

Герман остановился. Графиня, казалось, поняла его и искала слов для ответа.

- Это была шутка, - сказала она наконец. - Поверьте мне, это была шутка!

- Это неправда, - сердито сказал Герман. - Вспомните Чаплицкого, которому вы помогли. Назовите мне эти три карты.

Графиня молчала. Герман упал на колени.

- Для кого вам хранить вашу тайну? Не откажите мне в просьбе! Откройте мне вашу тайну! Подумайте, вы стары, жить вам уже недолго ... Счастье человека находится в ваших руках. Не только я, но и дети мои будут благодарить вас ...

Старуха не отвечала ни слова.

Гёрман встал.

- Стáрая вѣдьма! - сердито сказа́л он. - Я за-
ста́влю тебя́ отвеча́ть ...

С э́тими слова́ми он вы́нул из карма́на пистоле́т. При ви́де пистоле́та гра́финя подняла́ ру́ку, как бу́дто защища́ясь от вы́стрела ... пото́м вдруг упала на спи́нку крѣсла и оста́лась без движе́ния.

- Не притворя́йтесь! Я спра́шиваю в послед́ний раз, - сказа́л Гёрман и взял её за́ руку. - Вы назо-
вете́ мне ва́ши три ка́рты? Да́ или нет?

Гра́финя не отвеча́ла. Рука́ её была́ холодна́, как лёд. Гёрман уви́дел, что она́ умерла́.

5. Разбитая любовь

Елизавета́ Ива́новна сидѣла одна́ в своей ко́мнате. Приѣжав домб́й, она́ с волне́нием вошла́ к себе́ в ко́мнату, наде́ясь найти́ там Гёрмана. С пер́вого взгля́да она́ уви́дела, что его́ нет. Она́ се́ла, не раздева́ясь, и ста́ла вспоми́нать всю стра́нную исто́рию своего́ знако́мства. Она́ ви́дела Гёрмана, зна́ла его́ и́мя то́лько пото́му, что он подпи́сывал не́которые свои́ пи́сьма, но она́ никогда́ с ним не говори́ла, не слы́хала его́ го́лоса. Она́ си-
де́ла до́лго ...

Вдруг дверь отворилась и Гэрман вошёл.

- Где же вы бы́ли? - спросила она испуганным шёпотом.

- В спальне у старой графини, - ответил Гэрман.
- Я сейчас от неё. Графиня умерла.

- Боже мой!.. Что вы говорите?..

- И кажется, - продолжал Гэрман, - я виноват в её смерти.

Гэрман сел на окно около неё и рассказal всё.

Елизавета Ива́новна слушала его с ужасом. Значит, все эти страстные письма о любви были ложью. Его желание познакомиться с ней, прийти к ней, всё это не было любовью! Денег, - вот чего он хотел! Бедная девушка была только невольной помощницей убийцы!.. Она заплакала. Гэрман смотрел на неё молча. Слезы бедной девушки не трогали его сердца, он не чувствовал жалости при мысли о мёртвой старухе. Его мучила только потеря тайны, от которой он ожидал богатства.

- Вы чудовище! - сказала наконец Елизавета Ива́новна.

- Я не хотел её смерти, - ответил Гэрман, - пистолет мой не заряжен.

Она замолчала. Становилось светло. Наступило утро.

Елизавета Ива́новна посмотре́ла на Ге́рмана. Он сиде́л на окне́, скрестив ру́ки на груди́. В э́той по́зе он напоми́нал портре́т Наполео́на.

- Как вам вы́йти из до́ма? - сказа́ла наконец Елизавета Ива́новна. - Я ду́маю провести́ вас по ле́стнице, но для э́того на́до идти́ че́рез спáльню, а я бою́сь.

- Расска́жите мне, как найти́ э́ту ле́стницу, и я выйду́ сам.

Елизавета Ива́новна вста́ла, вы́нула из комо́да ключ, дала́ его́ Ге́рману и расска́зала, как найти́ вы́ход. Ге́рман взял ключ и вы́шел. Он соше́л вниз по ле́стнице и воше́л о́пять в спáльню графьи́ни. Ме́ртвая стару́ха сиде́ла в кресе́ле. Лицо́ её бы́ло споко́йно. Ге́рман остано́вился и до́лго смотре́л на неё. Наконец он проше́л в кабинéт, откры́л ключо́м дверь, и по те́мному коридору́ вы́шел на у́лицу.

6. При́зрак графьи́ни

Че́рез три дня, в де́вять часо́в утра́, Ге́рман поше́л в монасте́рь, где в гробу́ лежа́ло те́ло у́мершей графьи́ни. Ге́рман был о́чень суеве́рным. Смерть графьи́ни не дава́ла ему́ поко́я и он реши́л пойти́ на её по́хороны, что́бы попроси́ть у неё проше́ния.

Цѣрковь была полна. Гѣрман с трудом прошѣл сквозь толпу народа. Гроб стоял на возвышеніи посреди цѣркви. Графиня лежала в нём, с руками, сложенными на груди, в бѣлом атласном платьѣ.

Церковная служба кончилась. Родственники и знакомые стали подходить прощаться к гробу. Наконец, Гѣрман тоже решился подойти. Он взошёл на ступени возвышенія и наклонился, чтобы поцеловать лоб мѣртовой графини. В эту минуту ему показало, что она открыла один глаз и насмѣшливо посмотрѣла на него. Гѣрман отступил назад и упал на пол. Его подняли. В то же время Елизавету Ивановну вѣнесли в обмороке из цѣркви.

Цѣлый день Гѣрман был очень расстроен. За обѣдом в ресторане он выпил много вина. Возвратясь домой, он лёг, не раздеваясь, на кровать, и скоро заснул. Он проснулся ночью: луна освещала его комнату. Он посмотрѣл на часы. Было без четверти три. Сон у него прошѣл. Он сел на кровать и стал думать о похоронах графини.

В это время за дѣврью он слышал незнакомые шаги. Кто-то шѣл тихо, шаркая туфлями. Дверь открылась и вошла женщина в бѣлом платьѣ. Гѣрман посмотрѣл и узнал графиню!

- Я пришла к тебе, потому что мне приказано

исполнить твою просьбу, - сказала она. - Трѣйка, семѣрка и туз вѣиграют тебѣ подряд, но ты должен ставить только одну карту в сутки, и всю жизнь потом больше не играть. Прощаю тебѣ мою смерть, но с условием, что ты женишься на Елизаветѣ Ивановне ...

С этими словами она повернулась и тихо вышла из комнаты. Герман долго не мог прийти в себя. Он вышел в другую комнату. Никого нигдѣ не было. Дверь на улицу была заперта.

7. Роковая карта

В домѣ Чекалинского собирались богатые игроки. Сам Чекалинский провѣл всю свою жизнь, играя в карты. Он имѣл хорошую репутацию и двери его дома были открыты для всех.

Однажды вѣчером Нарумов привѣз к нему Германа. Они прямо прошли в гостиную, где за длинным столом сидѣл хозяин дома Чекалинский и держал банк. Около него было человек двадцать игроков.

Нарумов представил ему Германа. Чекалинский пожал ему руку, и со словами - "Будьте как дома", - продолжал игру.

- Позвольте поставить карту, - сказал Герман. Чекалинский улыбнулся и молча поклонился в знак

согласия. Герман выбрал карту и мелом написал на столе цифру.

- Сколько? Простите, я не вижу, - спросил позыин.

- Сорок семь тысяч, - ответил Герман. При этих словах все головы повернулись в сторону Германа.

- Он с ума сошёл, - подумал Нарумов, услышав сумму, которую назвал Герман.

- Эта сумма велика. Я должен вас предупредить, что мы играем только на деньги, - сказал Чекалинский. Герман вынул из кармана деньги и дал их Чекалинскому, который сосчитал их и положил на карту Германа.

Чекалинский начал сдавать карты. Направо легла десятка, налево тройка.

- Выиграла! - сказал Герман, показывая свою карту.

Чекалинский на секунду остановился, но затем, улыбаясь, спросил Германа:

- Хотите получить?

- Пожалуйста, - ответил Герман.

Чекалинский вынул деньги из кармана и передал их Герману. Герман взял деньги и уехал домой.

На другой день вечером, он опять приехал к

Чекалинскому. Он опять поставил на карту сборок семь тысяч и весь свой вчерашний выигрыш. Чекалинский сдал карты. Валёт лёг направо, семёрка налево. Герман открыл семёрку.

Все ахнули. Чекалинский смутился. Он отсчитал девяносто четыре тысячи и передал Герману. Герман спокойно принял их и сразу ушёл.

На третий вечер Герман опять появился у карточного стола. Все его ожидали. Генералы оставили вист, чтобы видеть такую необыкновенную игру. Офицеры встали с диванов. Официанты собрались в гостиной. Все окружили Германа. Герман взял карту и покрыл её горой денег. Это было похоже на дуэль.

Чекалинский стал сдавать. Руки у него дрожали. Направо легла дама, налево туз.

- Туз выиграл! - сказал Герман, и открыл свою карту.

- Ваша дама бита, - сказал Чекалинский.

Герман вздрогнул. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он ошибиться. Вместо туза у него была пиковая дама. В эту минуту ему показалось, что пиковая дама посмотрела на него и улыбнулась ...

- Старуха! - закричал он с ужасом.

Чекалинский взял со стола свой выигрыш. Герман

стоял неподвижно, потом он медленно отошёл от стола.
Чекалинский стасовал карты и игра продолжалась.

Заключение

Герман сошёл с ума. Он сидит в больнице, не отвечает ни на какие вопросы, и всё время повторяет:
"Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!.."

Елизавета Ивановна вышла замуж за хорошего молодого человека. Он где-то служит и довольно богат.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ПЬИ́КОВАЯ ДА́МА"

Глава 1

та́йна	secret, mystery
гварде́йский	elite, guard
<u>оживля́ться</u> оживи́ться	to become lively
<u>рискова́ть</u> рискну́ть	to risk, take a gambling chance
расче́тливый	calculating, thrifty, economy minded
<u>удивля́ть</u> удиви́ть	to surprise, astonish, amaze
удиви́тельный	surprising, astonishing, amazing
уха́живать за (+ Instr.)	to court
<u>прои́грывать</u> проигра́ть	to lose (in sports, cards, competition)
поко́йный	deceased
одна́ко	however, nevertheless, yet
прои́грыш	loss
категори́чески	categorically
угро́за	treat, menace
угово́ры	persuasion
ша́рлатан	sharlatan, impostor, cheat
запи́ска	note
шпио́н	spy
<u>заду́мываться</u> задумать́ся	to muse, be preoccupied with thought

сúмма	sum, amount
<u>оты́грываться</u> оты́граться	to win back
<u>удва́ивать</u> удво́ить	to double
ска́зка	fairy tale, fable
<u>уга́дывать</u> угада́ть	to guess
подря́д	in a row, one after another
че́тверо	foursome, group of four
отча́яние	despair
че́стный	honest, honorable
вы́игрыш	winnings
рю́мка	wine glass

Глава 2

<u>о́кружать</u> о́кружить	to surround
<u>сохраня́ть</u> сохрани́ть	to preserve
привы́чка	habit
моло́дость (f.)	youth
вско́ре	soon (after)
углово́й	corner (Adj.)
<u>красне́ть</u> покрасне́ть	to blush
<u>наклона́ть</u> накло́нить	to bend, tilt
каре́та	coach, carriage
чепуха́	nonsense, rubbish

колоко́льчик	bell (small handbell)
одновре́менно	simultaneously, at the same time
злой	wicked, malicious, mean
ста́ринный	ancient, old-fashioned, antique
му́ченик(му́ченица - f.)	martyr
ли́шний	extra, unnecessary, superfluous
расхо́д	outlay, expenditure, expense
вслух	aloud
мостова́я	pavement (cobblestone)
комо́д	dresser
кра́шенный	painted

Глава 3

напрóтив	opposite, across
неподви́жно	motionless
<u>опуска́ть</u> опустить	to lower, draw down
<u>расхо́довать</u> израсхо́довать	to spend
опреде́ленный	definite, specific
прибли́жение	approaching, oncoming
проце́нт	interest, percent
жа́лованье	salary
душа́	soul, spirit, heart
поко́й	rest, tranquility
освеще́нный	illuminated, lighted

Глава 4

посóл	envoy, ambassador
возмóжность (f.)	possibility, opportunity, chance
назнáченный	assigned, appointed
ши́рма	screen
полузакрýтый	half-closed
ступéнь (f.)	step, footstep
<u>шевелить</u> <u>пошевелить</u>	to move, stir
губá (pl. губы)	lips
<u>качáться</u> <u>покачáться</u>	to swing, rock
колéно (pl. колéни)	knee
<u>хранить</u> <u>сохранить</u>	to keep, store
вéдьма	witch
<u>заставлять</u> <u>заставить</u>	to force, compel
<u>защищáться</u> <u>защититься</u>	to defend, protect (oneself)
<u>притворя́ться</u> <u>притвориться</u>	to pretend

Глава 5

взгляд	glance, look, glaze
знако́мство	acquaintance
úжас	terror, horror, fright

стра́стный	passionate
желáние	wish, desire, longing
невóльный	involuntary, unintentional
уби́йца	murderer
жа́лость (f.)	pity
бога́тство	wealth, fortune
чудо́вище	monster
<u>заряжа́ть</u> заряди́ть	to load, charge
<u>скре́шивать</u> скрести́ть	to cross
пóза	pose

Глава́ 6

при́зрак	ghost, phantom
гроб	coffin
те́ло	body
суеве́рный	superstitious
пóхороны	funeral
проще́ние	forgiveness
возвыше́ние	elevation
<u>скла́дывать</u> сложи́ть	to put (lay) together
атла́сный	satin (adj.)
лоб	forehead

насмéшливо	mockingly
óбморок	faint
<u>расстраиваться</u> расстроиться	to feel upset
<u>засыпáть</u> заснуть	to fall asleep
шаг	step
шáркать	to scrape one's feet, drag one's feet
<u>исполня́ть</u> исполнить	to carry out, fulfill, execute
туз	ace (cards)
<u>Глава́ 7</u>	
роковой	fatal
репутация	reputation
знак	sign, symbol
цифра	numeral, cipher, figure
<u>прошáть</u> простить	to forgive
<u>сходíть</u> с ума́ сойти	to go mad, lose one's mind
<u>предупрежда́ть</u> предупредить	to warn, caution, forestall
валéт	jack (cards)
<u>смущáться</u> смутиться	to be embarrassed
необыкновенный	unusual, extraordinary

дрожа́ть
задрожа́ть

to tremble, shake, shiver

вздра́гивать
вздрогну́ть

to shudder, flinch

тасова́ть
стасова́ть

to shuffle (cards)

КАПИТА́НСКАЯ ДО́ЧКА

по А.С. ПУШКИНУ

1. Сержант гвардии

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости служил в гвардии и вышел в отставку в 1755 году. С тех пор он жил в своей симбирской деревне, где и женился на моей матери Авдотье Васильевне. Ещё ребёнком я был записан в Семёновский полк сержантом, по протекции князя Б., нашего близкого родственника. Пока я учился, я считался в отпуске. Образование в это время было простое. Читать и писать я научился от нашего слуги Савельича, который был моим дядькой.

Потом отец взял французского Бопрё, чтобы продолжать моё образование. Савельич был очень недоволен приездом нового учителя.

Бопрё на родине был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию, чтобы стать учителем. Он был добрый человек, но любил выпить. Мы с ним скоро стали приятелями, и он, вместо того чтобы учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, научился от меня кое-как говорить по-русски, — и потом каждый из нас занимался своим делом. Мы

жили с ним душа в душу. Другого учителя я и не желал.

Но вот однажды, во время урока географии, когда Бопрé мирно спал на кровати, а я из новой карты делал змея, в комнату вошёл отец.

Увидев мои упражнения в географии, он сначала взял меня за ухо, потом побежал к Бопрé и разбудил его очень неосторожно. Бедный француз хотел встать, и не мог: он был совсем пьян.

В тот же день француз потерял место в нашем доме, к большой радости Савельича.

Так кончилось моё образование.

Между тем мне исполнилось 16 лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью, когда мать варила варенье, а отец читал журнал, он вдруг спросил у матери:

- Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?

- 16 уже, - ответила мать.

- Хорошо, - сказал отец, - порá ему на службу.

Мысль о моём скором отъезде так напугала мать, что она уронила ложку и заплакала.

Напротив того, трудно описать мою радость. В мыслях я уже видел себя офицером гвардии в Петербурге, и будущая жизнь казалась мне свободной и весёлой.

Отец не любил ни менять своих решений, ни откладывать их выполнения. День моего отъезда был назначен.

Отец объявил, что хочет написать моему будущему начальнику.

- Не забудь, Андрей Петрович, - сказала мать, - послать от меня привёт князю Б. и попроси его помочь Петруше в Петербурге.

- Что за вздор! - ответил отец. - Для чего мне писать князю Б.? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Пить вино и играть в карты? Нет, пусть послужит он в армии, да понюхает пороха, да будет солдат, а не бездельник в гвардии. Где его паспорт, дай его сюда!

Отец прочитал мой паспорт со вниманием, положил его на стол и начал своё письмо.

Кончив письмо, отец позвал меня и сказал:

- Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старому товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством.

Так кончились все мои надежды. Вместо весёлой петербургской жизни, меня ждала скучная жизнь в провинции. Но спорить было нечего.

На другой день утром к дому подъехала кибитка. Мы положили туда чемоданы. Родители благословили

меня. Отец сказа́л мне:

- Проща́й, Пётр. Служи́ ве́рно, слу́шайся нача́ль-
ников, и по́мни посло́вицу: Береги́ пла́тье сно́ву, а
честь смо́лоду.

Мать пла́ча приказа́ла мне беречь моё здоро́вье, а
Саве́льицу смотре́ть за ребёнком. Я сел в кибитку с
Саве́льичем и мы по́ехали.

2. Проводни́к

Я подвезжа́л к ме́сту моего́ назначе́ния. Круго́м
была́ степь, покрыва́тая сне́гом. Вдруг ямщи́к посмотре́л
в сто́рону и сказа́л:

- Ба́рин, не прика́жешь ли верну́ться?
- Э́то заче́м? - спроси́л я.
- Ви́дишь, ве́тер поднимáется.
- Так что же?
- А ви́дишь, что там? - Ямщи́к показа́л на восто́к.
- Вон э́то о́блачко!

Я уви́дел на горизонте бе́лое о́блачко. Ямщи́к
объясни́л мне, что бу́дет мете́ль. Я слы́шал о мете́лях
в тех ме́стах и знал, что иногда́ це́лые о́бзы пропа-
да́ли в снегу́.

Саве́льич то́же сове́товал верну́ться. Но я, на-
де́ясь до́ехать до сле́дующей ста́нции во́время, приказа́л

ехать скорее.

Между тем ветер становился сильнее. Облако поднималось и скоро покрыло всё небо. Пошёл снег — началась метель.

Скоро мы потеряли дорогу. Лошади остановились. Делать было нечего. Вдруг я увидел что-то чёрное.

— Эй, ямщик! — закричал я. — Смотри, что это там вперёд?

— А Бог знает, барин! Кажется двигается. Должно быть или волк или человек.

Я приказал ехать к неизвестному предмету, который сейчас же стал двигаться нам навстречу.

Через две минуты мы подъехали к человеку.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога здесь; я стою на твёрдой земле, — ответил путник.

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — не знаешь ли ты эту сторону? Можешь ли довести нас до станции?

— Места, слава Богу, знакомые. Да видишь, какая погода, ничего не видно. Лучше подождать, пока кончится метель.

Я уже решил провести ночь в степи, как вдруг он быстро сел рядом с ямщиком и сказал:

— Поезжай направо! Слава Богу, тут деревня

близко, слышишь запах дыма?

Мы медленно поехали по глубокому снегу. Скоро я заснул.

Когда я проснулся, лошади стояли, Савельич держал меня за руку, говоря:

- Выходи, барин, приехали!

- Куда приехали? - спросил я, открывая глаза.

- На постоянный двор, Господь помог.

Я вышел из кибитки, метель ещё продолжалась.

Хозяин встретил нас у ворот и ввёл меня в комнату, небольшую, но довольно чистую. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка. Хозяин был яицкий казак.

Савельич внёс за мной чемоданы и потребовал огня, чтобы приготовить чай.

- Где же проводник? - спросил я у Савельича.

- Здесь, ваше благородие, - ответил мне голос сверху.

Я посмотрел на печь и увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза.

- Что, брат, холодно?

- Как не холодно без тулупа, барин. Был тулуп, да пропил вчера: мороз показался невелик.

В эту минуту хозяин вошёл с самоваром. Я предложил нашему проводнику чашку чая; мужик отпил немного и сказал:

- Ваше благородие, прикажите лучше подать стакан водки: чай не наше казацкое питьё.

Я охотно выполнил его желание.

Хозяин вынул из шкафа стакан, подошёл к проводнику и посмотрел ему в лицо:

- Эхэ! - сказал он, - опять ты в наших местах! Откуда Бог принёс?

Тут начался разговор на воровском жаргоне, из которого я ничего не понял. Только потом мне стало ясно, что дело шло о бунте яицких казаков.

Скоро мы все легли спать, и я заснул, как убитый.

Проснувшись утром довольно поздно, я увидел, что метель прошла. Лошади были готовы. Я заплатил хозяину, позвал проводника и поблагодарил его за помощь. Савельичу я приказал дать ему рубль на водку. Савельич рассердился.

- Рубль на водку! - сказал он. - Как хочешь, барин, у нас нет лишних рублей. Если каждому давать на водку, так скоро сами будем голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги находились в его руках.

- Хорошо, - сказал я, - если не хочешь дать денег, дай ему мой заячий тулуп!

- Для чего ему заячий тулуп, барин, он, собака, пропьёт его в первый же день. Ведь заячий тулуп почти новый!

- Это не твоё дело, старик, - сказа́л проводник, - пропью́ я его́ или нет. Его́ благородие даёт мне свой тулуп, твоё дело не возража́ть, а слу́шаться.

- Сейчас же принеси́ сюда́ тулуп! - приказа́л я Савельичу.

Савельич принёс тулуп, и мужик тут же надел его́.

- Спаси́бо, ва́ше благородие, - сказа́л он, - никогда́ не забуду́ этого́.

Попроща́вшись, он пошёл в свою́ сторо́ну, а мы поехали́ да́льше. Ско́ро я забы́л о метели, о своём проводнике́ и о заячьем тулупе.

При́ехав в Оренбу́рг, я пра́мо пошёл к генера́лу. Прочита́в письмо́ моего́ отца́, он сказа́л, что я буду́ назначен офице́ром в Белогорскую кре́пость, под кома́нду капита́на Миро́нова.

На друго́й день я прости́лся с генера́лом и по́ехал к ме́сту моего́ назначе́ния.

3. Кре́пость

Белогорская кре́пость находила́сь в сорока́ верста́х от Оренбу́рга. Доро́га шла по круто́му бе́регу реки́ Я́ика (тепе́рь Ура́л). За ней бы́ли видны́ киргизские сте́пи, покры́тые бе́лым сне́гом. Я ду́мал о капита́не Миро́нове, моём бу́дущем нача́льнике. Я представля́л

себе его сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы.

Мы ехали довольно быстро.

- Далеко ли до крепости? - спросил я у своего ямщика.

- Недалеко, вон уже видна крепость, - ответил он, показывая на маленькую деревню впереди нас.

Я приказал ехать прямо к коменданту. Через несколько минут кибитка остановилась перед домом около церкви. Никто не встретил меня. Я вошёл в дом.

В комнате у окна сидела старушка и шила.

- Кого вам надо? - спросила она, продолжая своё занятие.

Я ответил, что приехал на службу и хотел бы видеть коменданта.

- Ивана Кузьмича нет дома, - сказала она, - он пошёл в гости к отцу Герасиму, но всё равно, садись, сударь, я его хозяйка.

Она приказала позвать урядника ... Вошёл урядник, молодой высокий казак.

- Максимиш! - сказала ему капитанша. - Покажи господину офицеру квартиру.

Урядник повёл меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки. Половина избьи была занята хозяином - другую дали мне. Савельич приготовил чай, но я лёг

в постель, не поужинав. На другой день утром, когда я одевался, дверь открылась, и ко мне вошёл молодой офицер. Он был невысок, с лицом довольно некрасивым, но живым. Мы познакомились. Его фамилия была Швабрин. Он тоже служил в нашей крепости.

Мы с ним очень весело разговаривали, когда вошёл инвалид и от имени комендантши позвал меня обедать. Швабрин пошёл вместе со мной. Подходя к дому коменданта, мы увидели на площади человек двадцать старых инвалидов, перед которыми стоял комендант и командовал.

Увидев нас, он к нам подошёл и сказал мне несколько добрых слов, потом послал нас к Василисе Егоровне, сказав, что здесь нам смотреть нечего. Василиса Егоровна встретила меня, как старого знакомого.

— Где же Иван Кузьмич? — спросила она, — всё ещё учит солдат?

В эту минуту в комнату вошла девушка лет восемнадцати. Это была Маша, дочь коменданта. Сначала она мне не очень понравилась. Швабрин описал её мне полной дурочкой.

Между тем подали щи. Комендантша послала прислугу за мужем.

— Скажи барину, что гости ждут, учёние не уйдёт. Капитан скоро пришёл.

- Что это ты, сударь? - сказала ему жена, -
кушанье давно подано, а тебя нет.

- Послушай, Василиса Егоровна, - ответил капитан, -
я был занят службой.

- Вздор всё! - сказала капитанша, - Один разгово-
р, что ты солдат учишь; сидел бы лучше дома, да Богу
молился ... Дорогие гости, прошу к столу!

Мы сели обедать. Комендантша всё время разговаривала. Спрашивала меня, кто мои родители, живы ли они, где живут и сколько у них крестьян. Услышав, что у отца моего триста крестьян, она сказала:

- Есть же на свете богатые люди! А у нас, сударь, только одна прислуга Палашка, но, слава Богу, живём понемногу. Одно плохо: Маше порá замуж, а мы люди бедные, кто её возьмёт. Хорошо, если найдётся добрый человек, иначе останется она невестой на всю жизнь.

Я посмотрел на Машу, она вся покраснела и смотрела в свою тарелку. Мне стало её жаль, и я хотел переменить разговор.

- Я слышал, - сказал я, - что на вашу крепость хотят напасть башкиры.

- От кого, сударь, ты слышал это? - спросил Иван Кузьмич.

- Мне так сказали в Оренбурге, - ответил я.

- Вздор! - сказал комендант. - У нас давно о них не слышно. Башкиры боятся, да и киргизы тоже. А если нападут, то я им так покажу, что лет на десять будет довольно.

- А вам не страшно, - продолжал я, обращаясь к капитанше, - оставаться в крепости, где так опасно?

- Привыкла, сударь, - ответила она. - Когда лет двадцать тому назад перевели нас из полка сюда, Боже мой, как я боялась этих нехристей! А теперь так привыкла, что с места не сдвинусь, если услышу, что они близко.

- Василиса Егоровна очень храбрая дама, - заметил важно Швабрин.

- А Марья Ивановна, - спросил я, - такая же храбрая, как вы?

- Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья. А когда года два тому назад Иван Кузьмич в мои именины решил стрелять из нашей пушки, так Маша чуть не умерла от страха. С тех пор больше не стреляем из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншей пошли спать, а я пошел к Швабрину, с которым я провёл весь вечер.

4. Жизнь в крепости

Прошло несколько недель и я привык к жизни в Белогорской крепости. В доме коменданта я был принят, как родной. Муж и жена были люди хорошие. Иван Кузьмич, вышедший из солдатской семьи, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый.

Василиса Егоровна смотрела на дела службы, как на свои домашние дела и управляла крепостью, как своим домом. Мária Ивановна скоро перестала меня бояться. Мы познакомились ближе. Я нашёл в ней хорошую и умную девушку. Скоро я полюбил эту добрую семью, а также и старого Ивана Игнатьевича, помощника коменданта.

Я был произведён в офицеры. Служба была нетрудная. В крепости не было ни парадов, ни учений, ни караулов. Обедал я почти всегда у коменданта, где обычно проводил остаток дня. Вечером туда иногда приходил отец Герасим с женой. Швабрина я тоже встречал часто, но его шутки насчёт семьи коменданта мне очень не нравились. Я слышал от других, что он хотел жениться на Маше, но получил отказ.

5. Военный совет

Однажды вечером (это было в начале октября 1773-го года) я сидел один дома, когда меня позвали к коменданту.

У коменданта я нашёл Швабрина, Ивана Игнатьевича и казацкого урядника — Максимыча. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Маши. Комендант запер дверь, вынул из кармана бумагу и сказал нам:

— Господá офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал.

Генерал писал, что донской казак Емельян Пугачёв, убежавший из-под ареста, поднял бунт в яицких сёлах. Выдавая себя за умершего царя Петра III, он собрал шайку разбойников и уже взял несколько крепостей. Мы должны были принять меры для защиты крепости.

— Принять меры, — сказал комендант, — легко сказать. Разбойник, видно, силен, а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков. Не хочу тебя обижать, Максимыч, на казаков твоих надежда плохая. — Урядник улыбнулся.

— Но делать нечего, господá офицеры! — сказал комендант, — поставьте часовых и вышлите ночные дозоры. В случае нападения запирайте ворота и выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри за своими казаками. Пушку надо осмотреть и вычистить. А главное, держать дело в тайне, чтобы никто в крепости не узнал об этом раньше времени.

Скоро всё-таки об этой новости узнали все. И вот как это случилось.

Ива́н Кузьми́ч, хотя́ и о́чень любя́л же́ну, но никогда́ не открыва́л ей служе́бной та́йны. Получи́в пи́сьмо́ от гене́ра́ла, он посла́л же́ну к отцу́ Ге́расиму, сказа́в, что у того́ есть интере́сные но́вости из Оренбу́рга, кото́рые он де́ржит в секре́те. Васи́лиса Егоровна́ сейча́с же посла́ла в го́сти к же́не отца́ Ге́расима и, по сове́ту Ива́на Кузьми́ча, взяла́ с собо́й Ма́шу, что́бы ей не́ было ску́чно одно́й.

Коменда́нт, оста́вшись по́лным хозя́ином в до́ме, сейча́с же посла́л за на́ми, а Пала́шку за́пер в сара́й, что́бы она́ не могла́ услы́шать, о че́м мы бу́дем говори́ть.

Васи́лиса Егоровна́, верну́вшись без новосте́й, узна́ла, что у Ива́на Кузьми́ча был во́енный сове́т и что Пала́шка была́ под замко́м. Она́ поняла́, что муж обма́нул её, и начала́ допрос. Но Ива́н Кузьми́ч был гото́в к нападе́нию и не вы́дал та́йны.

- А для че́го ты за́пер Пала́шку? -спроси́ла коменда́нтша. Ива́н Кузьми́ч не́ был пригото́влен к тако́му вопро́су. Он испуга́лся и не зна́л, что сказа́ть. Васи́лиса Егоровна́ уви́дела, что он ей всё равно́ не ска́жет пра́вды и переменя́ла разгово́р.

На друго́й день, возвра́щаясь из це́ркви, она уви́дела помо́шника коменда́нта: Ива́н Игна́тьевич вынима́л из пу́шки ка́мешки, бро́шенные туда́ детьми́.

- Что знача́т э́ти во́енные пригото́вления? -

подумала комендантша. — Неужели киргизы хотят напасть?

Она подошла к Ивану Игнатьевичу, твердо решив узнать тайну.

— Боже мой! Вот какие новости! — сказала она. — Что из этого выйдет?

— Не бойся Василиса Егоровна! — ответил Иван Игнатьевич. — Бог поможет, солдат у нас довольно, пороку много, пушку я вычистил. С Божьей помощью защитимся от Пугачёва.

— А что за человек этот Пугачёв? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьевич заметил, что он выдал военную тайну, но было уже поздно. Василиса Егоровна заставила его рассказать всё.

Через несколько дней недалеко от крепости был арестован башкирец с прокламацией Пугачёва.

По этому случаю комендант опять хотел собрать своих офицеров. Он позвал жену и сказал:

— Послушай, Василиса Егоровна, говорят, отец Герасим получил из города интересные ...

Довольно врать, Иван Кузьмич, возразила комендантша. — Ты хочешь собрать совет и без меня поговорить о Пугачёве, но в этот раз не обманешь.

Иван Кузьмич очень удивился.

— Ну, жена, если ты всё знаешь, — сказал он, — так оставайся, мы поговорим при тебе.

- Давно́ бы так, - отве́тила она́, не тебе́ меня́ обманыва́ть; посыла́й за офице́рами.

Мы собрали́сь опять. Коменда́нт прочита́л нам проклама́цию Пугачёва. Разбо́йник объявля́л, что скоро́ приде́т к на́шей кре́пости, предлага́л казака́м и солда́там поступи́ть в его́ па́йку, а командира́м советова́л сда́ться, угрожа́я сме́ртью.

- Како́й разбо́йник! - закрича́ла коменда́нтша. - Что он нам предлага́ет! Выйти́ к нему́ навстре́чу и положи́ть к его́ нога́м знаме́на! Ах он соба́чий сын!

- Ви́дно, он пра́вда силен, - заме́тил Шва́брин.

В э́ту мину́ту в ко́мнату вбежа́ла Пала́шка.

- Несча́стье, ба́рин! - закрича́ла она́. - Кре́пость Нижеозёрная взята́ се́годня́ у́тром. Рабо́тник отца́ Ге́расима сейча́с верну́лся отту́да. Коменда́нт и все офице́ры пове́шены. Все солда́ты взяты́ в плен. Скоро́ разбо́йники бу́дут здесь.

Коменда́нт Нижеозёрной кре́пости был мне знако́м; э́то был ти́хий молодóй челове́к. Не́сколько неде́ль тому́ наза́д он был в гостя́х у Ива́на Кузьми́ча со своёй молодо́й жено́й. Нижеозёрная находи́лась в двадца́ти пяти́ верста́х от нас. С ча́су на ча́с нам на́до бы́ло жда́ть нападе́ния Пугачёва. Я испуга́лся за судьбу́ Ма́ши.

- Послу́шайте, Ива́н Кузьми́ч! - сказа́л я коменда́нту, - наш долг защища́ть кре́пость, об э́том и говори́ть не́чего. Но ну́жно подума́ть о безопа́сности же́нщин.

Пошли́те их в Оренбу́рг, е́сли доро́га ещё свобо́дна.

Ива́н Кузьми́ч посмотре́л на же́ну и сказа́л ей:

- Пра́вда, Васи́лиса Егóriвна, не лу́чше ли посла́ть вас в Оренбу́рг?

- Вздор! - отве́тила коменда́нтша, - чем Белогoрская кре́пость плоха́? Сла́ва Бо́гу, два́дцать второ́й год в ней живём. Ви́дели мы и башки́ров и кирги́зов, заче́м нам Пу́гачёва боя́ться.

- Ну, хоро́шо, - сказа́л Ива́н Кузьми́ч, - остава́йся, е́сли ты на на́шу кре́пость наде́ешься. Но с Ма́шей что де́лать? Что е́сли разбо́йники возьму́т кре́пость?

- Ну, тогда́ ... - тут Васи́лиса Егóriвна остано́вилась и замолча́ла.

- Нет, Васи́лиса Егóriвна, - продо́лжа́л коменда́нт, заме́тив, что же́на слу́шает его́, мо́жет быть в пе́рвый раз в жи́зни, - Ма́ше здесь остава́ться нельзя́. Пошлём её в Оренбу́рг: там и войск и пу́шек дово́льно, и стена́ ка́менная. И тебе́ сове́тую с ней пое́хать; хотя́ ты и стару́ха, а посмотре́й, что с тобо́й бу́дет, е́сли разбо́йники возьму́т кре́пость?

- Хоро́шо, - сказа́ла коменда́нтша, - пошлём Ма́шу. А мене́ не проси́: не пое́ду. Вме́сте жить, вме́сте и умира́ть.

- Пусть бу́дет по-твоёму, - отве́тил коменда́нт. - Но жда́ть нельзя́, иди́ собира́ть Ма́шу в доро́гу.

6. Атака

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я хотел рано пойти к крепостным воротам, чтобы в последний раз проститься с Машей, когда она будет уезжать.

Ночь прошла быстро. Я уже хотел выйти из дома, когда дверь открылась и вошёл капрал, который сказал мне, что все казаки ночью ушли из крепости и что около неё ездят всадники Пугачёва. Мысль, что Мária Ивановна ещё не уехала, испугала меня. Я быстро дал капралу несколько приказаний и бросился к коменданту. По дороге я встретил Ивана Игнатьевича.

- Куда вы? - спросил он, - Иван Кузьмич на валу, он послал за вами. Пугачёв пришёл.

- Уехала ли Мária Ивановна? - спросил я.

- Нет, - ответил старик, - крепость окружена.

Плохо, Пётр Андреевич!

Мы пошли на вал. Там уже стоял весь гарнизон, а также почти все жители крепости. Пушку привезли туда вчера. По степи, недалеко от крепости, ездил человек 20 всадников. Они казались казакami, но между ними были также башкиры.

Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам:

- Ну, ребятшки, постойм сегодня за матушку-царицу и покажем всему свету, что мы люди храбрые и верные.

Комендánt приказáл Ивáну Игнáтьевичу вы́стрелить из пúшки по всáдникам. Снаря́д пролетéл над н́ими и упáл далекó позади́, не попáв в цель. Всáдники ускáкали.

На вал пришлá Васили́са Егóровна и с ней Мáша.

— Ну что? — спроси́ла комендáнтша. — Как идéт бой? Где же неприятель?

— Неприятель недалекó, — отвéтил Ивáн Кузьми́ч.

В éто врéмя из-за холмá, находíвшегося в полуверстé от крéпости, вы́ехала толпá всáдников и скóрo вся степь была́ покрýта ими. Мéжду всáдниками на бéлом конé ёхал человек в крáсной одéжде с са́блей в руке́: éто был сам Пугачёв.

По его́ приказáу четы́ре человекá поскакáли галóпом к крéпости. Когда́ они́ подъéхали, мы уви́дели, что éто бы́ли на́ши измéнники из казакóв. Оди́н из них держáл над ша́пкой лист бума́ги, у друго́го на пике́ была́ голова́ калмыкá Юлáя, пропáвшего из крéпости прошлой но́чью. Они́ перебрóсили гóлову Юлáя к нам чéрез стéну. Голова́ упáла к ногáм комендáнта. Измéнники крича́ли:

— Не стреля́йте, выходите́ к царю́! Царь здесь!

— Я вам покажу́! — закрича́л Ивáн Кузьми́ч. — Ребáта, стреля́й!

Солдáты дáли залп. Казáк, держáвший письмó, упáл с лóшадии; други́е поскакáли наза́д. Комендáнт позва́л

капрала и приказал ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и вернулся, ведя лошадь убитого. Он передал коменданту письмо. Комендант прочитал его и выбросил. Между тем бунтовщики готовились к наступлению. Скоро пули начали летать над нашими головами.

- Василиса Егоровна! - сказал комендант. - Здесь женщинам не место: уведи Машу, да не забудь надеть на неё крестьянское платье.

Комендантша с дочерью ушли.

Бунтовщики сходили с лошадей и собирались вокруг своего начальника.

- Теперь стойте крепко, - сказал комендант, - будет атака.

В эту минуту мы слышали громкие крики, бунтовщики бросились к крепости.

Пушка наша была заряжена шрапнелью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и тогда выстрелил. Шрапнель попала в самую середину толпы. Бунтовщики сначала остановились, потом начали отступать. Их начальник остался один впереди. Он держал саблю высоко над головой и что-то кричал. Бунтовщики собрались и снова двинулись к крепости.

- Ну, теперь в контратаку! - сказал комендант. - Ребята, открывай ворота, бей в барабан! Вперёд за мной!

Комендánt, Ива́н Игна́тьевич и я бы́стро вы́бежали из ворот крѣпости, но испуганный гарнизо́н не двинулся.

— Что же вы стоите, солдатúшки? — закрича́л комендánt. — Умира́ть, так умира́ть, де́ло солдатское!

В э́ту мину́ту бунтовщи́ки набежа́ли на нас. Бараба́н замолча́л, гарнизо́н бро́сил рúжья. Меня́ сб́или с ног, но я встал и вме́сте с бунтовщи́ками вошёл в крѣпость. Комендánt, ра́ненный в го́лову, сто́ял в толпе́ разбо́йников, кото́рые требо́вали от него́ ключей. Я бро́сился к нему́ на по́мощь, но не́сколько казако́в схватили́ меня́. Нас повели́ по у́лицам. Вдруг в толпе́ закрича́ли, что "царь" на пло́щади ждёт плѣнных и принима́ет прися́гу. Нас повели́ на пло́щадь.

Пугачёв сидѣл пе́ред до́мом комендántа. На нём была́ кра́сная оде́жда, а на голове́ высо́кая каза́цкая ша́пка. Лицо́ его́ показáлось мне знако́мо. Каза́цкие старши́ны окружа́ли его́. Оте́ц Ге́расим, блѣдный и испуганный, сто́ял в стороне́ с кресто́м в руках.

На пло́щади ста́вили ви́селицу. Нас повели́ к Пугачёву.

— Кото́рый из них комендánt? — спроси́л Пугачёв.

Наш уря́дник вы́шел из толпы́ и показáл на Ива́на Кузьми́ча. Пугачёв стро́го посмотре́л на него́ и сказа́л:

- Как ты мог идти против меня, твоего царя?

Раненный комендант собрал свои последние силы и ответил твёрдым голосом:

- Ты мне не царь, а вор и разбойник!

Пугачёв дал знак рукой, несколько казаков схватили старого капитана и повели к виселице. Через несколько минут я увидел Ивана Кузьмича висющим в воздухе. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьевича.

- Присягай царю Петру Фёдоровичу! - сказал ему Пугачёв.

- Ты нам не царь, - ответил помощник коменданта, повторяя слова своего капитана. По приказу Пугачёва его тоже схватили и повесили. Теперь была моя очередь. Я смотрел на Пугачёва, готовясь повторить ответ моих храбрых товарищей. Вдруг я увидел Швабрина, одетого в казачью одежду. Он подошёл к Пугачёву и тихо сказал ему несколько слов.

- Повесить его, - сказал Пугачёв, не посмотрев на меня.

Меня повели к виселице.

Вдруг я услышал крик:

- Стойте, проклятые, подождите!

Казакі остановились.

Я посмотрел назад и увидел, что Савельич лежит у ног Пугачёва.

- Отец родной! - просил бедный дядька, - отпусти его, а для примера и страха прикажи лучше повесить меня, старика.

Пугачёв дал знак и меня сейчас же освободили.

- Царь наш тебя прощает, - говорили мне.

Меня снова подвели к Пугачёву.

- Целуй руку, целуй руку! - говорили все около меня. Но я решил, что я лучше умру, чем поцелую его руку. "Будь, что будет", - решил я.

- Сударь мой, Пётр Андреевич! - говорил Савельиц, стоя за мной, - что тебе стобит! плюнь, да поцелуй, поцелуй у разбой... (тьфу) у него руку.

Я не двигался.

- Уведите его, - сказал Пугачёв, - он от радости не знает, что делать.

Меня увели, но оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение страшной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя крест.

Гарнизонные солдаты стояли тут же. Они тоже подходили к руке Пугачёва. Он объявил им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал и объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него.

В эту минуту мы слышали крик. Из двери выбежала

Васили́са Егоровна. За ней бежали два казакá.

- Отцы́ родные, - кричала́ бедная стару́шка, - отпустите́ меня́, отведите́ к Ива́ну Кузьми́чу.

Вдруг она́ посмотре́ла на виселицу и узна́ла своего́ му́жа.

- Разбо́йники! - закричала́ она́, - что вы с ним сде́лали? Дорого́й мой Ива́н Кузьми́ч! Не убили́ тебя́ ни пу́ли турецкие, ни штыки́ шведские - пропа́л ты от прокля́того во́ра!

Тут молодо́й каза́к уда́рил её са́блей по голове́. Коменда́нтша упала́ мёртвая. Пугачёв уёхал, наро́д бро́сился за ним.

7. Незванный гость

Я оста́лся на пло́щади оди́н. Бо́льше всего́ меня́ беспоко́ила судьба́ Ма́ши. Я бро́сился искать её. По́лный трево́жных мы́слей, я вошёл в коменда́нтский дом. Там всё бы́ло разгра́блено. Ко́мната Ма́ши была́ пуста́. Стра́шная мысль пришла́ мне в го́лову. Я предста́вил себе́ Ма́шу в руках разбо́йников. Сёрдце моё остано́вилось. В э́ту мину́ту я услы́шал лёгкий шум, и из-за шка́фа вы́шла Пала́ша, бле́дная и испуганная.

- Где Ма́рья Ива́новна? - спроси́л я.

- Барышня жива́, - отве́тила Пала́ша, - она́ у отца́ Герасима.

- У отца́ Герасима! - закрича́л я в страхе. - Бо́же мой! Да там Пугачёв!

Я бросился к до́му отца́ Герасима, Пала́ша побежа́ла за мной. Отту́да бы́ли слы́шны гро́мкие кри́ки и пе́сни. Я посла́л Пала́шу вы́звать жену́ отца́ Герасима.

Че́рез мину́ту ма́тушка вы́шла ко мне.

- Где Ма́ша? - спроси́л я.

- У меня́, - отве́тила ма́тушка. - Она́ больна́, лежи́т в кровати. Ну, Пётр Андре́евич! Чуть не случи́лось несча́стье! Пугачёв уви́дел Ма́шу и спроси́л, кто она́. Я сказа́ла, что э́то моя́ ро́дственница. Сла́ва Бо́гу! Он пове́рил.

Узна́в, что Ма́ша пока́ в безопа́сности, я поше́л на свою́ кварта́иру.

Проходя́ ми́мо пло́щади, я уви́дел, что не́сколько башки́рцев снима́ли пове́шенных. По кре́пости бе́гали разбо́йники, гра́бя офице́рские дома́. Везде́ бы́ли слы́шны кри́ки пья́ных бунтовщи́ков. Я пришёл домо́й. Саве́льич встрети́л меня́ у двэри.

- Сла́ва Бо́гу, - сказа́л он, уви́дев меня́. - Я уже́ ду́мал, что разбо́йники тебя́ о́пять схвати́ли. Ну, су́дарь Пётр Андре́евич! Ве́ришь и́ли нет? Все́ у нас разгра́били, ниче́го не оста́вили. А узна́л ли ты, су́дарь, их нача́льника?

- Нет, не узнал, а кто он такой?

- Как, сударь?! Разве ты забыл нашего проводника? Ведь ты ему свой новый заячий тулуп дал!

Я очень удивился. Теперь я понял, почему Пугачёв простил меня. Заячий тулуп, данный разбойнику спас меня от виселицы.

Савельич вышел. Я, оставшись один, стал думать о своём новом положении. Оставаться в крепости с бунтовщиками я не мог. Я был офицером и помнил о своём долге. Но как было оставить Машу одну во власти разбойников? Я не знал, что мне делать. В эту минуту прибежал один из казаков, который сказал мне, что Пугачёв хочет меня видеть.

Я пошёл за казакom.

Подходя к комендантскому дому, я заметил, что тело бедной комендантши всё ещё лежало перед входом. У двери стояло два казака на карауле. Войдя в дом, я увидел необычайную картину. За столом сидели Пугачёв и человек десять казацких старшин. Швабрина и нашего урядника там не было.

- А, ваше благородие! - сказал Пугачёв. - Честь и место, прошу садиться!

Я молча сел на углу стола. Сидевшие за столом разбойники пили и разговаривали между собой об утренней атаке и о том, что делать дальше. Каждый предлагал свои планы и свободно спорил с Пугачёвым.

На этом странном военном совете было решено идти к Оренбургу. Выступление было назначено на завтра.

Когда гости стали прощаться, я тоже хотел встать, но Пугачёв сказал мне:

- Сиди, я хочу с тобой поговорить!

Мы остались одни.

- Что, ваше благородие, - сказал он мне, - испугался ты наверно, когда мои казаки хотели тебя повесить? Если бы не твой слуга, висел бы ты теперь на виселице. Я сразу же узнал старого дурака. Думал ли ты, что твоим проводником был сам великий государь?.. Ты сильно виноват передо мной, - продолжал он, - но я простил тебя за твою доброту. Ты помог мне, когда я должен был скрываться от моих врагов. Хочешь поступить ко мне на службу?

Вопрос разбойника показался мне таким странным, что я не мог не улыбнуться.

- Что ты смеёшься, - спросил он сердито, - или ты не веришь, что я царь? - отвечай прямо.

Положение стало опасным. Я подумал немного и ответил:

- Слушай, я скажу тебе правду. Ты человек умный. Как я могу назвать тебя царём? Ты сразу увидел бы, что я тебя обманываю.

- Кто же я по-твоему?

- Бог тебя знает: но мне кажется, что ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв посмотрел на меня.

- Так ты не веришь, - сказал он, что я царь Пётр Фёдорович? Ну, хорошо, думай про меня, что хочешь, но служи мне верно и я сделаю тебя фельд-маршалом.

- Нет, ответил я твёрдо, - я офицер и присягал царнице, тебе служить не могу. Если ты действительно желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Помолчав немного, Пугачёв сказал:

- А если я отпущу тебя, обещаешь ли ты против меня не служить?

- Как я могу тебе обещать это? - ответил я. - Сам знаешь, если прикажут идти против тебя, - пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник, сам требуешь выполнения своих приказов. Как я могу отказаться от службы, если служба моя будет нужна? Голова моя в твоей власти: если отпустишь меня - спасибо; казнишь - Бог тебе судья.

Мои слова удивили Пугачёва.

- Так и быть, - сказал он. - Казнить, так казнить; прощать, так прощать. Иди на все четыре стороны и делай, что хочешь. Завтра приходи со мной проститься, а теперь иди спать.

Я оста́вил Пугачёва и вы́шел на у́лицу.

Ночь была́ т́хая и холóдная.

8. Отъезд

Ра́но у́тром меня́ разбуды́л бараба́н. Я бы́стро встал и пошёл к Пугачёву. На пло́щади была́ толпа́ наро́да, сто́яли солда́ты, казаки́ сидели на лоша́дях. Все бы́ли гото́вы к выступле́нию и то́лько жда́ли Пугачёва. На-конёц он вы́шел из коменда́нтского до́ма. Наро́д снял ша́пки. За Пугачёвым вы́шли каза́цкие старши́ны, ме́жду ними был Шва́брин. Уви́дев меня́ в толпе́, Пугачёв сказа́л:

- Слу́шай, ва́ше благо́родие, поезжа́й сейча́с же в Оренбу́рг и скажи́ от меня́ губерна́тору, что́бы он ждал меня́ че́рез неде́лю.

Пото́м показáл на Шва́брина и сказа́л, обраща́ясь к наро́ду:

- Вот ваш но́вый команды́р. Слу́шайтесь его́, а он отве́чает мне за вас.

Ему́ подвели́ ло́шадь. Пугачёв сел на неё и уе́хал из крепо́сти. Вся ша́йка двину́лась за ним.

Я пошёл в дом отца́ Гера́сима. Жена́ его́ встрети́ла меня́ с печа́льной но́востью. Но́чью Ма́ше ста́ло ху́же.

Я подошёл к её кровати. Больная меня не узнала. Нельзя было и думать везти её в Оренбург. Мысль о Швабрине больше всего беспокоила меня. Я знал, что Маша теперь в его власти. Что мне делать? Оставалась только одна возможность. Я решил немедленно идти в Оренбург просить помощи.

Простившись с отцом Герасимом, мы с Савельичем вышли из крепости и пошли по оренбургской дороге. Я шёл, занятый своими мыслями, как вдруг, посмотревши назад, я увидел казака, скачущего за нами. У него было две лошади. Я остановился и скоро узнал нашего урядника, Максимыча. Подъехав, он сошёл с лошади и сказал:

- Ваше благородие! Отец наш посылает вам лошадь и шубу.

Тут он передал мне тулуп.

- Он дал ещё рубль денег, да я потерял его по дороге, простите, пожалуйста!

- А ты не положил ли его в карман, разбойник?!
- спросил Савельич.

- Да нет, что ты ... , Бог с тобой! - ответил казак.

- Хорошо, - сказал я, - поблагодари от меня Пугачёва, а потерянный рубль возьми себе на водку, если найдёшь его по дороге.

- Очень благодарен, ваше благородие, - ответил

урядник и поскакáл назáд.

Я надéл тулуп и сел на лóшадь, Савéльич сел позади мeня́.

9. В Оренбúрге

Приéхав в Оренбúрг, я рассказáл генерáлу всё, что случилось в Белогóрской крéпости и просил у него солдат, чтóбы идтí освобождáть её. Но генерáл сказáл, что он не мóжет помóчь мне, так как ему́ нáдо защищáть Оренбúрг и приказáл мне остáться в гóроде под его́ комáндой.

Чéрез нéсколько дней мы узна́ли, что Пугачёв подошёл к Оренбúргу и окружил его́. Жизнь в окружённом гóроде скóро стáла óчень тяжёлой. Бýло máло продúктов, всё бýло óчень дóрого. Жители ждáли решéния своей судьбы́. Онí привыкли к вýстрелам и дáже атакí Пугачёва перестáли интересовáть их. Врéмя шло. Писем из Белогóрской крéпости я не получáл. Все дорóги бýли зáняты бунтовщикáми. Я óчень беспоко́ился за судьбу́ Мáши. Почтí кáждый день мы выезжáли зá город отбивáть атакí Пугачёва, но нáша голо́дная кóнница сражáлась плóхо. Иногда́ выходíла в пóле и пехóта, но глубóкий снег не давáл ей возможности маневрírовать достáточно бýстро.

Однажды во время боя я наехал на казака, отставшего от своих товарищей. Я готов был уже ударить его своей саблей по голове, как вдруг он снял шапку и закричал:

- Здравствуйте, Пётр Андреевич!

Я узнал нашего урядника и очень обрадовался.

- Здравствуй, Максимыч! - сказал я ему. - Давно ли ты из Белогорской?

- Недавно, барин, - ответил казак, - только вчера оттуда вернулся. У меня есть письмо для вас.

- Где же оно? - закричал я.

- Здесь, - ответил Максимыч. - Я обещал Палаше как-нибудь передать его вам.

Тут он передал мне бумагу и сейчас же ускорил. Я начал читать письмо. Маша писала, что Швабрин держит её под арестом и заставляет выйти за себя замуж. Она просила у меня помощи и защиты.

Прочитав письмо, я поскакал в город. По дороге я всё время думал, как помочь Маше, но ничего не мог найти.

Прискакав в город, я бросился к генералу, описал ему положение несчастной девушки и просил дать мне роту солдат и полсотни казаков, чтобы идти освобождать крепость. Генерал долго смотрел на меня, думая, наверно, что я сошёл с ума.

- Нет, молодой человек, - сказал он наконец, - я

понимаю: ты видно влюблен в Марью Ивановну. Но всё-таки я никак не могу дать тебе солдат, риск слишком велик.

Я был в отчаянии. Вдруг счастливая мысль пришла мне в голову. Какая это была мысль, читатель увидит из следующей главы.

10. Опять у Пугачёва

От генерала я прямо пошёл домой. Савельич встретил меня своими обычными словами:

- Опять ты, сударь, ездил сражаться с пьяными разбойниками. Воевал бы лучше с турками или со шведами, а то стыдно сказать с кем.

Я не стал спорить, а прямо спросил его:

- Сколько у нас денег, Савельич?

- Достаточно, - ответил старик с довольным лицом.

С этими словами он вынул кошелёк, полный денег.

- Ну, Савельич, - сказал я ему, - дай мне теперь половину, а остаток возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость.

- Сударь мой, - ответил Савельич, - как можно теперь ехать куда-нибудь! Все дороги полны разбойников. Пожалей ты своих родителей, если себя не жалеешь. Подожди немного, окончится бунт, тогда

поезжай, куда хочешь.

Но моё решение было принято твёрдо.

- Довольно спорить, - сказал я старику. - Я должен ехать. Ты денег не жале́й, покупай себе всё, что будет нужно. Деньги эти я тебе дарю. Если я через три дня не вернусь ...

- Что ты, сударь, - закричал Савельич. - Я тебя одного не пущу. Если ты решил ехать, то я за тобой пешком пойду.

Я знал, что с Савельичем нельзя было спорить и разрешил ему готовиться в дорогу.

Через полчаса я сел на своего коня, а Савельич на старую лошадь, которую ему дал один из жителей города.

Часовые пропустили нас через ворота, и мы въехали из Оренбурга.

Дорога шла мимо села, где, я знал, была главная квартира Пугачёва. Я ехал быстро. У Савельича была плохая лошадь, и он всё время просил ехать медленнее. Было уже темно. Я надеялся объехать село, как вдруг увидел перед собой человек пять казаков. Это был дозор Пугачёва. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо них, но они меня сразу же окружили. Я схватил саблю и ударил одного из них по голове. Казак упал, другие испугались и отбежали. Я ударил свою

лошадь и поскакал. Вдруг я услышал позади шум, крики и голос Савельича. Бедный старик на своей старой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Я поехал назад. Разбойники были очень рады, что я вернулся. Они сразу схватили меня и один из них объявил мне, что сейчас поведёт нас к царю.

- Царь прикажет, - сказал он, - сейчас ли вас повесить или ждать до утра!

Казак повел нас к избе, стоявшей на углу улицы. У ворот стояли две пушки и несколько бочек от вина. Один из казаков пошёл в избу.

- Сейчас мы узнаем, что с вами делать, - сказал он.

Я посмотрел на Савельича: старик крестился, читая молитву. Мы ждали долго; наконец, казак вернулся.

- Царь хочет видеть офицера, - сказал он.

Я вошёл в избу. Пугачёв с важным видом сидел в углу, окружённый своими товарищами. Видно было, что сообщение об аресте офицера его заинтересовало.

Пугачёв сразу же узнал меня, и вся его важность вдруг прошла.

- А, ваше благородие! - сказал он. - Как поживаетесь? Зачем тебя Бог принёс?

Я ответил, что ехал по своему делу.

- А по какому делу? - спросил Пугачёв.

Я не знал, что ответить. Пугачёв, думая, что я не хочу говорить при свидетелях, приказал всем уйти. Все разбойники вышли, кроме двух.

- Говори при них, - сказал мне Пугачёв; - я от них ничего не скрываю.

Я посмотрел на товарищей Пугачёва. Один из них был слабый старик маленького роста. Другой - высокий человек, лет сорока пяти. Первый (как я узнал позже) был дезертир - капитан Белобородов, второй был Хлопуша, известный преступник, три раза бежавший из Сибири.

Пугачёв ждал ответа.

Мне показалось, что судьба, приведшая меня во второй раз к Пугачёву, даёт мне возможность выполнить моё решение.

- Я ехал в Белогорскую крепость, чтобы помочь сироте, которую там обижают, - сказал я.

- Кто из моих людей обижает сироту? - закричал Пугачёв, - говори, кто виноват?

- Швабрин виноват, - ответил я. - Он держит под арестом ту девушку, которую ты видел больную у отца Герасима. Швабрин хочет заставить её выйти за него замуж.

- Я накажу Швабрина, - сердито сказал Пугачёв. - Он узнает у меня, как обижать моих людей. Я его повешу!

- Разрешí сказáть слóво, - замéтил Хлопúша.
- Ты поспешíл назнáчить Швáбрина комендáнтом крéпости, а тепёрь спешíшь его повéсить. Ты ужé обíдел казаков, назнáчив офицёра их начáльником, а тепёрь хочешь казнítь его по пёрвому доно́су.

- Нéчего их жалéть! - сказáл Белоборóдов. - Швáбрина казнítь не плóхо, но хорошó бы и господíна офицёра допросítь. Не прикажешь ли поджéчь ему́ пýтки? Тогда́ узнаём - не шпион ли он.

Морóз пробежáл по моему́ лицу́. Пугачёв замéтил мой страх и сказáл:

- Что, вáше благородíе? Фельдмáршал мой, кáжется говорít прáвду. Как ты дúмаешь?

Я отвéтил, что нахожусь в его́ влáсти и что он мóжет дéлать со мной, что он хочёт.

- Хорошó, - сказáл Пугачёв. - Тепёрь скажí, как делá в гóроде?

- Слáва Бóгу, - отвéтил я, - в гóроде всё хорошó.

- Хорошó? - повторíл Пугачёв. - А нарóд умираёт от гóлода!

Пугачёв был прав, но я по дóлгу слúжбы дóлжен был возразítь, что ёто тóлько слúхи и что в Оренбúрге всего́ достáточно.

- Ты вíдишь! - сказáл старíк, - что он тебя́ обмáнывает. Повéсь его́ лúше вмéсте со Швáбриным.

Пугачёв молчáл. К моему́ счáстью Хлопúша стал

спóрить со своим товарищем.

- Видно ты ещё máло крóви прóлил, старик, - сказа́л он, - самому́ тебе умира́ть порá, а ты други́х убивáть хочешь!

- А что ты спóришь! - закрича́л Белоборо́дов. - Ты сам люде́й не убивáл?

- Конечно́, - отве́тил Хлопу́ша, - но я убивáл их в откры́том по́ле и́ли в тёмном лесу́, а не до́ма, сидя́ за пéчью.

- Господа́ генера́лы, - сказа́л ва́жно Пугачёв, - дово́льно спóрить!

- Расскажи́ лу́чше, почему́ ты е́дешь к той де́вушке, кото́рую Шва́брин обижа́ет? - спроси́л он меня́.

- Она́ моя́ невеста́, - отве́тил я Пугачёву.

- Твоя́ невеста́! - закрича́л Пугачёв, - почему́ ты ра́ньше не сказа́л? Мы тебя́ же́ним и на сва́дьбе твое́й погуля́ем. Слу́шай, фельдма́ршал! Мы с его́ благородием ста́рые прия́тели. Давáйте у́жинать, а у́тром решим, что с ним де́лать.

Мы се́ли у́жинать. По́сле у́жина меня́ повели́ в избу́, где уже́ сиде́л Савельи́ч и за́перли за мной дверь. Всю́ ночь я ду́мал о своём положе́нии и не мог засну́ть.

У́тром меня́ позва́ли к Пугачёву. Когда́ я подоше́л к до́му, Пугачёв сади́лся в кибитку. Он вёсело со мной поздоро́вался и приказа́л мне сесть ря́дом.

- В Белогóрскую крѣпость, - сказа́л Пугачёв.

Мы поѣхали.

Вдруг я услы́шал знако́мый го́лос Савѣльича.

- Стой! Стой! - крича́л дядька. - Су́дарь мой, Пётр Андре́евич, не оставля́й меня́ одно́го с э́тими разбо́йни ...

- А, стары́к! - сказа́л Пугачёв. - Опя́ть мы с тобо́й встрѣ́тились. Ну, садя́сь в кибитку!

- Спаси́бо, оте́ц родно́й! - отве́тил Савѣльич, садя́сь ря́дом с ямщи́ком.

Ло́шади поскака́ли, наро́д на у́лице останáвливался и снима́л ша́пки. Че́рез мину́ту мы вѣехали из села́ и полете́ли по сне́жной доро́ге.

Легко́ предста́вить себе́, что я чу́вствовал в э́ту мину́ту. Че́рез не́сколько часо́в я надея́лся уви́деть Ма́шу. Но я по́мнил о том, что Пугачёв не знал, что она́ дочь капита́на Миро́нова. Шва́брин мог откры́ть ему́ всё. Что тогда́ бу́дет с Ма́шей? Вдруг Пугачёв спроси́л меня́:

- О чём ты ду́маешь, ва́ше благо́родие?

- Как не ду́мать, - отве́тил я ему́: - я офице́р и тво́й враг, вчера́ ещё воева́л про́тив тебя́, а сего́дня я еду́ с тобо́й в одно́й кибитке, и сча́стье всей моё́й жи́зни зави́сит от тебя́.

- А стра́шно тебе́? - спроси́л Пугачёв.

Я отве́тил, что ве́рю в его́ добро́ту́ и да́же наде́юсь на его́ по́мощь.

- И ты прав, ей-Богу прав! - сказа́л Пугачёв. Ты ви́дел, как мои́ ребята смотре́ли на тебя́? Ста́рик ещё сего́дня у́тром говори́л, что на́до пове́сить тебя́, но я не согласи́лся. Я ещё по́мню твой стака́н во́дки и за́ячий тулу́п, - продо́лжа́л он ти́хим го́лосом. - Ты ви́дишь, я не тако́й жесто́кий, как говори́т обо мне.

Я поду́мал о ви́селице в Бело́гёрской кре́пости, но не стал возража́ть.

- До сих пор я воева́л хорошо́, - продо́лжа́л Пугачёв, - но дай мне вре́мя, ещё уви́дишь, как я пойду́ на Москву́.

- А ты ду́маешь и́дти на Москву́? - спроси́л я.

Пугачёв замолча́л.

- Бог зна́ет, - сказа́л он, нелегко́ мне, помо́щники у меня́ плохие. Они́ - во́ры, мо́гут прода́ть меня́.

Кибитка летела́ по зи́мней доро́ге. Ско́ро я уви́дел знако́мую дере́вню на круто́м бере́гу Я́ика. Че́рез ще́тверть часа́ мы въеха́ли в Бело́гёрскую кре́пость.

11. Сирота́

Кибитка подъехала́ к коменда́нтскому до́му. Шва́брин встрети́л Пугачёва и помо́г ему́ вы́йти из кибитки. Уви́дев меня́, он сна́чала испуга́лся, но пото́м сказа́л:

- Ты то́же наш? Давно́ бы так!

Я ничего не ответил. Мы вошли в дом. Пугачёв сел на диван, на котором обычно спал старый комендант после обеда. Швабрин принёс ему водки. Видно было, что Швабрин боялся. Он чувствовал, что Пугачёв был недоволен им. Пугачёв спрашивало положения в крепости и о слухах про неприятельские войска.

Неожиданно он спросил:

- Скажи, какую девушку ты держишь у себя под караулом? Покажи мне её.

Швабрин побледнел.

- Она не под караулом... Она больна... Она в комнате лежит, - ответил он.

- Веди меня к ней! - сказал Пугачёв.

Отказаться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в комнату Маши. Я пошёл за ним.

У двери комнаты Швабрин остановился.

- Государь, я должен сказать вам, что моя жена очень больна, она никого не узнаёт.

- Открывай, - сказал Пугачёв.

Швабрин начал искать в карманах и сказал, что он забыл ключ внизу. Пугачёв ударил дверь ногой, замок упал на пол, дверь открылась и мы вошли.

В пустой комнате на полу сидела Маша, бледная и худая. Перед ней стоял стакан с водой, покрытый куском хлеба.

Увидев меня, она закричала и бросилась ко мне. Пугачёв посмотрел на Швабрина и сказал:

- Хороша у тебя больница! - Потом, обращаясь к Маше, спросил:

- Скажи мне, за что твой муж так тебя наказывает? В чём ты виновата?

- Мой муж! - закричала Маша. - Он мне не муж! Я никогда не буду его женой. Я лучше умру.

- Так ты меня обманывал! - сказал Пугачёв, сердито посмотрев на Швабрина. Швабрин упал к его ногам.

- Ну, хорошо, - продолжал Пугачёв, - прощаю тебя на этот раз.

- Выходи, моя красавица, - сказал он Маше, - даю тебе свободу, я царь.

Маша посмотрела на Пугачёва, она поняла, что перед ней был убийца её родителей. Закрыв лицо руками, она упала на пол. И бросился к ней, но в эту минуту в комнату вбежала Палаша и стала поднимать свою барышню.

- Что, ваше благородие? - сказал Пугачёв, выходя из комнаты. - Освободили красавицу! Теперь пошлём за священником и сделаем свадьбу; ведь она кажется родственница отца Герасима?

Чего я боялся, то и случилось. Швабрин, услышав предложение Пугачёва, закричал:

- Я виноват, государь, я вас обманул, но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не родственница

священника, а дочь капитана Миронова, который был казнён при взятии крепости.

— Это что ещё? — спросил Пугачёв сердито смотря на меня.

— Ты мне этого не говорил.

— Швабрин сказал тебе правду, — ответил я, — но ты сам подумай, можно ли было при твоих людях объявить, что дочь капитана Миронова жива? Ведь они убили бы бедную девушку.

— Правда, — сказал смеясь Пугачёв, — мои пьяницы не пожалели бы её. Хорошо сделала жена отца Герасима, что обманула их.

Увидев, что Пугачёв не сердится больше, я обратился к нему со словами:

— Бог видит, что я готов жизнью заплатить за всё, что ты для меня сделал. Но прошу тебя, кончи начатое доброе дело. Отпусти меня с сиротой к моим родителям.

— Хорошо! — сказал Пугачёв. — Казнить, так казнить; прощать, так прощать: это мой обычай. Возьми свою красавицу и вези её, куда хочешь.

Тут он приказал Швабрину дать мне пропуск во все крепости, которые находились под его властью.

Швабрин ушёл выполнить приказ. Пугачёв вышел за ним. Я опять вошёл в комнату к Маше. Она рассказала мне обо всём, что с ней случилось за это время и спрашивала у меня совета.

— Милая Ма́рья Ива́новна! — сказа́л я. — Я счита́ю тебя́ своёй не́вестой и прошу́ тебя́ по́ехать к мо́им роди́телям. Я зна́ю, что мой оте́ц бу́дет рад приня́ть дочь капита́на Миро́нова.

Ма́ша вы́слушала меня́ прѳосто и не ста́ла возража́ть. Она́ чу́вствовала, что судьба́ её была́ соедине́на с моёй судьбо́й.

— Но, сказа́ла она́, — я бу́ду твоёй же́ной то́лько, е́сли роди́тели тво́и согла́сятся на э́то.

Я не возража́л, мы поцелова́лись, — тепе́рь всё бы́ло реше́но ме́жду на́ми.

Че́рез час каза́к принёс мне про́пуск, подпи́санный Пугачёвым, и позва́л меня́ к нему́. Я пошёл прости́ться с Пугачёвым. Пугачёв был гото́в к отъезду. Мы попроща́лись. Трудно́ описа́ть, что я чу́вствовал в э́ту мину́ту. Э́тот стра́нный челове́к, разбо́йник и убийца́, для всех крѳме меня́, был мо́им дру́гом. Мне хоте́лось спасти́ его́, пока́ ещё бы́ло вре́мя, но что я могь сде́лать?

Пугачёв уе́хал.

Я пошёл в дом священника́, где всё уже́ бы́ло гото́во к отъезду.

Я не хоте́л бо́льше жда́ть. Ма́рья Ива́новна с Пала́шей и я с Саве́льичем се́ли в кибитку́ и наве́гда оста́вили Бело́гѳрскую кре́пость.

12. Арест

Мы подъезжали к городу, где, по словам бунтовщиков, находился сильный отряд Пугачёва. Мы были остановлены дозором. На вопрос: — кто едет? — ямщик громко ответил:

— Приятель государя нашего со своей молодой хозяйкой. Вдруг толпа гусар окружила нас.

— Выходи, чёртов приятель! — кричали они.

Я вышел из кибитки и потребовал, чтобы они отвели меня к своему начальнику. Увидев офицера, солдаты замолчали. Один из них повёл меня к майору. Савельич пошёл за мной. Через пять минут мы пришли к маленькому домику, перед которым стояло двое часовых. Гусар вошёл в дом, оставив меня ждать на улице. Скоро он вернулся и сообщил, что майор приказал отвести меня в тюрьму, а хозяйку мою привести к нему.

— Что это значит? — закричал я. — Разве он с ума сошёл?

— Не могу знать, ваше благородие, — ответил солдат.

Я бросился в дом и прямо вбежал в комнату, где человек шесть офицеров играли в карты. Майор держал банк. Как я удивился, когда, посмотрев на него, я узнал Ивана Ивановича Зурина, моего старого знакомого!

— Возможно ли? — закричал я, — Иван Иванович! ты ли это?

- Ба-ба-ба, Пётр Андреевич! Откуда ты? Здравствуй, брат! Не хочешь ли поставить карту?

- Благодарю, - ответил я. - Прикажи лучше дать мне квартиру.

- Какую квартиру? Оставайся у меня, - предложил Зурин.

- Не могу: я не один, - возразил я.

- Ну, давай сюда и товарища!

- Я не с товарищем; я ... с дамой.

- С дамой!! - при этих словах Зурин сделал такое лицо, что все засмеялись, а я покраснел и не знал, что ответить.

- Ну, хорошо! - сказал Зурин, - найдём тебе квартиру. А жаль ... Мы выпили бы с тобой по-старому.

- А где же приятельница Пугачёва? - вдруг вспомнил он. - Почему её не ведут сюда?

- Что ты говоришь? - сказал я Зурину. - Какая приятельница Пугачёва? Это дочь капитана Мирёнова. Она едет со мной.

- Как! Так это сейчас о тебе говорили? Объясни, пожалуйста, что всё это значит?

- Потом всё расскажу, - ответил я, - а теперь, ради Бога, прикажи отпустить бедную девушку; твои гусары очень её испугали.

Зурин сам вышел на улицу, извинился перед Марьей Ивановной и приказал дать ей лучшую квартиру в городе.

Я остáлся у Зúрина.

Вéчером я сказа́л Савéльичу, что́бы за́втра у́тром он был гото́в éхать с Ма́шей к мо́им родите́лям. Савéльич на́чал протестова́ть, но я сказа́л ему́:

- Друг мой, Ару́ип Савéльич, не откáзывай мне в прóсьбе. По́мни, что служи́ Ма́рье Ива́новне, ты служи́шь мне, потому́ что я твёрдо реши́л жени́ться на ней, как то́лько бу́дет возмо́жно.

Вид у Савéльича был удиви́ленный и испуганны́й.

- Жени́ться! - повтори́л он. - Ребе́нок хо́чет жени́ться! А что ска́жут родите́ли тво́и на э́то? Поду́май, сýдарь!

- Я наде́юсь на тебя́, - отве́тил я. - Оте́ц мой и мать тебе́ ве́рят. Обеща́й, что ты бу́дешь говори́ть за нас!

- Ох-, сýдарь мой, Пётр Андре́евич! - сказа́л ста́рик, - ра́но ты реши́л жени́ться, но Ма́рья Ива́новна така́я хоро́шая де́вушка, что пусть бу́дет по-тво́ему. Скажу́ тво́им родите́лям, что лу́чшей невесты́ нельзя́ найти́.

Я поблагодари́л Савéльича и лёг спать в одно́й ко́мнате с Зúриным.

У́тром я погово́рил с Ма́шей, она́ вы́слушала меня́ и во всём согласи́лась со мной. Я дал ей письмо́ к мо́им родите́лям. Проща́ясь, Ма́ша запла́кала.

- Проща́йте, Пётр Андре́евич, - сказа́ла она́ ти́хим го́лосом. - Уви́жу ли я вас о́пять, Бог о́дин зна́ет, но

я никогда не забуду вас. До самой смерти ты один останешься в моём сердце.

С этими словами она уехала. Я вернулся к Зурину и вечером мы с полком гусар двинулись дальше.

Это было в конце февраля. Наши генералы готовились к наступлению. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом.

Между тем наши войска со всех сторон подходили к окружённому городу. Скоро князь Голицын, под крепостью Татищевой, разбил Пугачёва и освободил Оренбург. Но Пугачёв не был схвачен, он бежал и скоро появился на сибирских заводах. Там он собрал новые шайки и опять начал грабить. Сообщение о взятии Казани серьёзно испугало наших начальников. Зурин получил приказ перейти через Волгу.

Не буду описывать нашего похода и окончания войны. Скажу кратко, время было тяжёлое. Шайки разбойников грабили города и села. Жители должны были скрываться в лесах. Не дай Бог видеть русский бунт — жестокий и кровавый!

Наконец Зурин получил сообщение об аресте Пугачёва, а вместе с тем и приказ остановиться. Война была окончена. Теперь я мог ехать к моим родителям. Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней я должен был опять увидеть мою Машу.

Но неожиданное несчастье ждало меня.

В день моего отъезда Зу́рин вошёл ко мне в избú, держа в руках бума́гу. Вид у него́ был серьёзный. Я испуга́лся, сам не зная́ чего. Он объявил, что до́лжен со мной погово́рить.

- Что случи́лось? - спроси́л я в трево́ге.

- Ма́ленькая неприятность, - отве́тил он, переда́вая мне бума́гу.

Я нача́л чита́ть: это был секретный прика́з всем нача́льникам отря́дов немедленнó аресто́вать меня́ и посла́ть под карау́лом в Каза́нь для допрóса по делу́ Пугачёва. Бума́га чуть не упала́ из мои́х рук.

- Де́лать не́чего! - сказа́л Зу́рин. - Ви́дно, слух о твои́х по́ездках с Пугачёвым дошёл до пра́вительства. Мой долг вы́полнить прика́з. Наде́юсь, что тебе́ дадут возмо́жность всё объясни́ть и де́ло не бу́дет импе́ть плохи́х результа́тов.

Я знал, что я не виноват, и суда́ не боя́лся, но мысль, что я тепе́рь не уви́жу Ма́шу, мо́жет бы́ть не́сколько ме́сяцев, беспоко́ила меня́.

Меня́ посади́ли в кибитку. Со мной се́ли два гу́сара, и мы по́ехали по большо́й доро́ге.

13. Суд

Приѣхав в Казань, гусáры пѣредали меня дежурному офицеру. Мне надѣли на нóги цѣпи и отвели в тюрьму. Тако́е нача́ло не обеща́ло ничегó хорóшего. Но я не теря́л наде́жды и споко́йно засну́л, не ду́мая о том, что со мной бу́дет за́втра. На слѣдующее у́тро меня́ разбу́дил часово́й. Два солда́та повели́ меня́ че́рез двор в коменда́нтский дом. Я воше́л в дово́льно большо́й зал. За столóм, покрь́тым бума́гами, сидѣли два челове́ка: ста́рый генера́л, холо́дного и стро́гого ви́да, и молодóй гварде́йский капита́н лет двадца́ти восьми. У окна́ за отде́льным столóм сидѣл секретáрь, гото́вый записыва́ть мои́ показáния. Начался́ допрóс. Я назва́л своё и́мя и чин. Генера́л спроси́л, не сын ли я Андре́я Петро́вича Гринёва. На мой отве́т он стро́го сказа́л:

- Жаль, что у тако́го хра́брого офице́ра тако́й плохóй сын!

Я споко́йно отве́тил, что наде́юсь всё объясни́ть, рассказа́в всю пра́вду. Мой отве́т понра́вился генера́лу.

Тогда́ молодóй капита́н спроси́л меня́, когда́ и где я поступи́л на службу́ к Пугачёву и какие́ задáния выполня́л. Я отве́тил, что я, как офице́р, ни на како́ю службу́ к Пугачёву поступи́ть не мог и никаки́х задáний не выполня́л.

- Как же, - возрази́л мой допрóсчик, - это́т офице́р

один прощён Пугачёвым, когда все его товарищи убиты?! Как же этот самый офицер по-приятельски пьёт с бунтовщиками и даже принимает от главного разбойника подарки? Что это, если не измена?

Я был глубоко обижен словами гвардейского офицера. Я начал объяснять, как я познакомился с Пугачёвым во время метели в степи, как после взятия Белогорской крепости он меня узнал и поэтому не повесил меня. Я сказал, что тулуп и лошадь я, правда, взял от Пугачёва, но что Белогорскую крепость я защищал честно до последней возможности. Наконец, я просил допросить моего генерала, который мог бы рассказать о моём участии в защите Оренбурга. Я хотел объяснить всё и рассказать также о Марье Ивановне, но тут мне стало ясно, что, если я назову её имя, то и её потребуют на допрос. Что будет тогда с ней? Эта мысль меня так испугала, что я решил молчать.

Судьи мой почувствовали, что я что-то скрываю и перестали мне верить.

Гвардейский офицер приказал привести главного доносчика. Через несколько минут дверь открылась и вошёл Швабрин, худой и бледный. Он повторил свой донос слабым, но твёрдым голосом. По его словам я был послан от Пугачёва в Оренбург шпионом. Каждый день я выезжал за городскую стену, чтобы передавать сведения

о положѣнии в гóроде и, наконецъ, открыто перешёл на стóрону бунтóвщиков.

Я вѣслушал его молча и был доволен однимъ: изменник не назвѣал имени Марьи Ивановны. Я рѣшил молчать дѣльше. Когда судьи спросили меня, что я могу сказать в свою защиту, я отвѣтил, что уже сказѣл всё.

Генерѣл приказѣл нас увести. Меня опять отвели в тюрьму и бóльше на допрóс не вызывали.

Слух о моём аресте óчень испугѣл мою семью. Марья Ивановна так прóсто рассказѣла моим родитѣлям о моём странном знакомстве с Пугачёвым, что они совсѣм не беспокобились и дѣже чѣсто смеѣлись над ѣтим.

Прошлó нѣкоторое время ... Вдруг отѣц мой получил письмо из Петербурга от нашего родственника, князя В. Князь В. писал ему, что подозрѣния насчёт моего участия в бунте бѣли правильны. Что меня сначала хотѣли казнѣть, но царица, жалѣя старого отцѣ, приказѣла сослѣть меня в Сибѣрь до конца моей жизни. Отѣц мой был в отчѣянии, мать плакала, но бóльше всех страдѣла Мѣша. Она знѣла, что я мог бы спастѣсь, ѣсли бы рассказѣл всё, и считѣла себя виновѣтой в моём несчѣстье.

Однажды вѣчером, когда вся семья сидѣла в гостиной, Мѣша объявила, что ей нѣдо поѣхать в Петербург. Моя мать испугѣлась и спросѣла:

- Неужѣли ты хочѣшь от нас уѣхать?

Мáша отвéтила, что вся её бóдущая судьбá завéсит от ётой поёздки и просила отпустить её.

- Поезжай, Мáша! - сказа́л ей печа́льно отёц. - Дай тебе́ Бог хоро́шего и че́стного жениха́, а не преступника и изменника.

С ётими слова́ми он встал и вёшел из ко́мнаты.

Че́рез не́сколько дней Ма́рья Ива́новна вме́сте с ве́рной Пала́шей и с Саве́льичем вёехала в Петербу́рг.

Приёхав на ста́нцию Софи́я о́коло Петербу́рга, Ма́рья Ива́новна узна́ла, что Двор находёлся в Ца́рском Селе́. Она́ реши́ла остано́виться на ста́нции у жени́ смотрётеля.

На друго́й день ра́но у́тром Ма́ша встáла, одёлась и пошла́ в Царскосёльский парк. Подойдя́ к па́мятнику побёды над Ту́рцией, она́ уви́дела да́му, сидёвшую на скаме́йке напра́отив па́мятника. Вдруг ма́ленькая бе́лая соба́чка брёсилась Ма́ше по́д ноги. Ма́рья Ива́новна испугáлась и остано́вилась.

- Не бо́йтесь, - сказа́л прия́тный же́нский го́лос, - она́ не кусáет. Подойдите́ сюда́!

Ма́ша подошла́ и сёла на друго́м конце́ скаме́йки.

- Отку́да вы? - спросила́ незнако́мая да́ма.

Ма́ша объёсни́ла ей, что она́ приёхала проси́ть у ца́рицы по́мощи и защи́ты. Она́ рассказа́ла, что её роди́тели убиты́ Пугачёвым и что жени́х её находётся в тюрме́.

Потом она вынула из кармана прошение и дала его прочитать незнакомой даме. Прочитав бумагу, дама строго посмотрела на Машу и сказала холодным тоном:

- Я бываю при дворе и я думаю, что смогу вам помочь, но Гринёва царица не может простить: он изменник и сообщник Пугачёва.

- Неправда, ей-Богу, неправда! - закричала Маша. - Я вам всё расскажу. Он для меня одной ездил к Пугачёву. Он мог бы всё рассказать, но он боится выдать меня.

Дама слушала Машу с большим вниманием.

- Где вы остановились? - спросила она потом.

Маша дала ей свой адрес.

- Прощайте, не говорите никому о нашей встрече, - сказала дама. - Я надеюсь, вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо. - С этими словами она встала и пошла по аллее. Маша вернулась на станцию.

После обеда, когда Маша с хозяйкой пили чай, к дому вдруг подъехала богатая карета. Вошёл лакей и объявил, что царица хочет видеть Марью Ивановну. Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец. Она чувствовала, что в эту минуту решается её судьба. Сердце её сильно билось.

Через несколько минут карета остановилась у дворца. Двери широко открылись, и лакей повёл её

через ряд пустых, богато декорированных зал, в комнату императрицы.

Войдя в комнату, Маша увидела царницу, сидевшую за туалетом, и, к своему удивлению, узнала в ней даму, с которой она разговаривала утром в парке.

- Подойдите ближе, - сказала императрица, улыбаясь, - я рада, что могла выполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я уверена, что ваш жених невиновен. Возьмите это письмо и передайте отцу вашего жениха.

Марья Ивановна приняла письмо и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала.

В этот же день Марья Ивановна поехала обратно в деревню.

Эпилог

Здесь кончаются записки Петра Андреевича Гринёва. Но из семейных рассказов мы знаем, что он бы освобождён в конце 1774 года по личному приказу императрицы, что он видел казнь Пугачёва, который перед смертью сделал ему знак головой. Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне, и их дети живут в Симбирской губернии. В одной из комнат под стеклом до сих пор висит письмо Екатерины II, которое показывают гостям.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "КАПИТА́НСКАЯ ДО́ЧКА"

Глава́ 1

бе́речь	to safeguard, take care of
вадо́р	nonsense, rubbish
<u>выходи́ть</u> в отста́вку <u>вы́йти</u>	to retire
душа́ в ду́шу	in concord
<u>исполня́ть</u> (ся) <u>исполните́</u> (ся)	to fulfill, accomplish
князь (р1. князья́)	prince
коё-как	perfunctorily, carelessly
ми́рно	peacefully
наде́жда	hope
напро́тив	contrary, opposite
<u>нюхатъ</u> <u>пону́хатъ</u>	to smell
по́рох	gunpowder
посло́вица	saying
прия́тель	friend, comrade, chum
<u>пуга́ть</u> <u>напуга́ть</u> <u>испуга́ть</u>	to frighten, scare
<u>роня́ть</u> <u>урони́ть</u>	to drop, lose the hold of
судьба́	fate, destiny
честь (f.)	honor

Глава 2

бунт	uprising, mutiny
<u>возражать</u> возразить	to contradict, object
запах	scent, smell
<u>засыпать</u> заснуть	to fall asleep
заяц (заячий-adj.)	hare, rabbit
крепость (f.)	fort, stronghold
лишний	extra, spare, odd
навстрéчу	towards
обóз	train (of vehicles)
проводник	guide
<u>сверкать</u> сверкнуть	to sparkle, glitter, twinkle
тулуп	sheepskin overcoat

Глава 3 и 4

верста́	verstá (Russian measure of length appr. 2/3 of a mile)
изба́	hut, cabin
имени́ны (pl. only)	name day
караул	guard duty, guard
круто́й	steep, severe, sharp (turn)
куша́нье or еда́	food
ме́жду тем	meanwhile
<u>моли́ться</u> помоли́ться	to pray

щи	Russian cabbage soup
страх	fright
трус (трусиха - f.)	coward
храбрый	brave
честный	honest

Глава 5

беспасность (f.)	safety
<u>вешать</u> повесить	to execute by hanging, hang
<u>ерать</u> соврать	to lie
выдать за себя	to impersonate, pass for
дозор	patrol
замок	lock
<u>обижать</u> обидеть	to hurt, offend, insult
разбойник	brigand, bandit, outlaw
сарай	barn
скучный	boring, tedious
<u>удивляться</u> удивиться	to be surprised
угрожать	to threaten, menace
угроза	threat
часовой	sentry, guard
<u>чистить</u> вычистить	to clean
шайка	gang

Глава 6

бараба́н	drum
вал	rampart, earthbank
ве́рный	trustworthy, dependable
вса́дник	horseman, rider
залп	volley, salvo
пи́ка	spear
<u>плева́ть</u> плюну́ть	to spit
прися́га	oath of allegiance
<u>присяга́ть</u> присягну́ть	to take an oath
<u>проща́ть</u> прости́ть	to forgive, pardon
са́бля	sword
ту́рецкий	Turkish
<u>хвата́ть</u> схвати́ть	to grab, seize
шве́дский	Swedish

Глава 7 и 8

<u>гра́бить</u> разгра́бить	to loot, rob
казни́ть	to execute
необыча́йный	unusual, uncommon, rare
те́ло	body
трево́жный	disturbing, alarming
шу́ба	fur overcoat

Глава 9

<u>заставля́ть</u> застави́ть	to force, compel
ко́нница	cavalry
отча́яние	despair, despondency
полсо́тни	50 (lit. $\frac{1}{2}$ of 100)
<u>сража́ться</u> сра́йться	to combat, fight

Глава 10

бо́чка	barrel
доно́с	denunciation, malicious information
доно́сить	to report
<u>жа́леть</u> пожа́леть	to pity, sympathize
жесто́кий	cruel, brutal, savage
зави́сеть	to depend
кошеле́к	purse, wallet
<u>крести́ться</u> перекрести́ться	to cross oneself
моли́тва	prayer
<u>нака́зывать</u> наказа́ть	to punish
пя́тка	heel
сирота́	orphan
слух	rumor

Глава 11 и 12

кратко	briefly, concisely, in short
кро́вный	bloody
обы́чай	custom
похо́д	campaign, march
свяще́нник	priest
уби́йца	murderer

Глава 13

дворе́ц	palace
доно́щик	informer, denunciator
изме́на	treason, treachery
<u>куса́ть</u> укуси́ть	to bite
подозре́ние	suspicion
показа́ние	testimony
соо́общник	accomplice
сосла́ть	to exile
цепь (f.)	chain

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

—
1 8 2 8 + 1 9 1 0

Лев Николаевич Толстой – граф, великий русский писатель. Родился в усадьбе Ясная Поляна. Уже в ранних повестях ("Детство", "Отрочество", "Юность", "Севастопольские рассказы", "Казачьи" и др.) обнаружилось великое реалистическое мастерство Толстого, глубина его психологического анализа.

В 1863–69 гг. Толстой работал над созданием грандиозной исторической эпопеи – романа "Война и мир" об Отечественной войне 1812 г. Толстой гениально нарисовал духовную жизнь различных представителей дворянского общества, показал их идейные искания, создал реалистические картины русской природы и быта начала 19-го века.

В романе "Анна Каренина" (1873–1877 гг.) Толстой описал трагедию русской женщины, показал социальные противоречия русской жизни в период острой ломки крепостных отношений.

Критический реализм Толстого особенно проявился в его романе "Воскресение" и в его повестях и рассказах ("Отец Сергей", "Крейцера соната" и др.).

Толстой был также и великим драматургом (пьесы "Власть тьмы", "Плоды просвещения", "Живой труп").

В ряде статей 80-х гг. и рассказах Толстой изложил своё религиозно-философское учение. За критику религии в 1901 г. Толстой был отлучён синодом от церкви.

10 ноября 1910 г. Толстой тайно ушёл из дому. В дороге он заболел и умер на станции Астапово (теперь ст. Лев Толстой)

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

по Л.Н. ТОЛСТОМУ

Жилин служил на Кавказе офицером. Однажды пришло ему письмо от старухи-матери. "Я уже стара, - писала мать, - и мне хочется увидеть любимого сына, может быть, в последний раз. Приезжай!"

Жилин подумал: "Правда, мать сильно постарела и, может быть, мы в последний раз увидимся. Надо ехать". Он пошел к полковнику, получил отпуск, простился с офицерами и своими солдатами и поехал.

На Кавказе тогда была война. По дорогам нельзя было ездить ни днем, ни ночью. Если кто-нибудь из русских отходил или отъезжал от крепости, татары или убивали, или уводили в горы в плен.

Обычно два раза в неделю из крепости ходили солдатские конвои и с ними ездил народ. Жилин поехал с таким конвоем на лошади.

Было лето, погода была жаркая, и обоз шел очень медленно. кругом была степь, ни одного дерева на дороге. Жилин решил ехать один, без солдат. "Лошадь у меня хорошая и быстрая", - подумал он и поехал вперед.

Когда степь кончилась и дорога пошла между горами, Жилин подумал: "Надо посмотреть, нет ли где-нибудь татар; они могут так выехать из-за горы, что и не заметишь". И он повернул налево в гору. Въехав на гору, Жилин увидел человек 30 татар на лошадях. Он поскакал назад, но татары его увидели и погнались за ним. Жилин надеялся доскакать до своих солдат, но вдруг увидел, что навстречу ему едут ещё шесть татар и один татарин с рыжей бородой скачет прямо на него.

Жилин вынул саблю и пустил лошадь прямо на этого татарина, подумав: "Или лошадью, или саблей его убью". Но лошадь не доскакала: кто-то выстрелил сзади, и пуля попала в неё. Лошадь упала, и вместе с ней упал Жилин. Он хотел встать, но не мог: два татарина уже сидели на нём и били его винтовками по голове. Потом татары связали Жилина и повезли в горы.

Они ехали долго, переехали реку и выехали, наконец, на дорогу. Жилин хотел запомнить дорогу, но его глаза были в крови, и он ничего не видел.

Было уже темно, когда они приехали в аул. Татары сошли с лошадей. Собрались татарские дети и стали бросать в Жилина камни. Татарин снял Жилина с лошади, развязал ему руки и запер в сарае. Жилин не спал почти всю ночь. Ему очень хотелось пить, но воды не было.

Утром пришёл рыжий татарин и с ним другой, чёрный. Жилин показал руками, что он хочет пить. Чёрный татарин понял, засмеялся и позвал: "Дина!" Прибежала девочка лет тринадцати с красивыми чёрными глазами, по-видимому, дочь чёрного. Татарин сказал ей что-то, и она убежала. Скоро она прибежала опять и принесла воды. Пока Жилин пил, она большими глазами смотрела на него. Когда Жилин выпил воду, она убежала так быстро, что даже отец засмеялся.

Через некоторое время пришёл работник и повёл Жилина в дом чёрного татарина. Комната, куда его привели, была хорошая, чистая. На стенах винтовки, пистолеты, сабли. На полу - ковры. На коврах сидели татары: чёрный, рыжий и трое гостей. Перед ними стояло татарское пиво.

Татары поговорили по-своему, и один стал говорить с Жилиным по-русски.

- Тебя взял в плен Казий-Мухамед, - сказал он, показывая на рыжего татарина, - и он отдал тебя Абдул-Мурату, - и он показал на чёрного. - Теперь Абдул-Мурат твой хозяин. Он хочет получить за тебя деньги. Пиши письмо домой.

- А сколько денег он хочет? - спросил, подумав, Жилин.

- Три тысячи рублей.

- Нет, столько я не могу заплатить.

- Сколько же ты можешь?

- 500 рублей.

Теперь татары быстро заговорили между собой.

Абду́л стал крича́ть на рыжего татарина.

- 500 рублей - это мало, - сказа́л перево́дчик.

- Он сам за тебя заплати́л 2000 рублей. Если ты не заплатишь 3000 рублей, будешь сидеть в яме.

Жи́лин подумал: "Если они́ уви́дят, что я бою́сь их, то будет ещё хуже" - и он закрича́л:

- Скажи́ этой соба́ке, что если ему́ 500 мало, то я ни копе́йки не дам и писа́ть не буду. Я не боя́лся и не буду боя́ться вас, соба́к.

Тогда́ Абду́л дал ему́ кусо́к бума́ги, перо́, черни́ла и приказа́л: "Пиши́! Пусть будет 500 рублей".

Жи́лина отвели́ в сара́й. Ему́ принесли́ туда́ води́, хлеба́, две ста́рых шинели́ и ста́рые солда́тские сапоги́ с како́го-то уби́того солда́та.

Так он жил це́лый ме́сяц. Давали́ ему́ то́лько хлеб и во́ду. Жи́лин знал, что мать не получи́т его́ писа́ма, потому́ что он написа́л непра́вильный а́дрес. Он знал, что у его́ ма́тери нет де́нег, но он наде́ялся убежа́ть из плéна.

Ка́к-то раз Жи́лин сде́лал куклу́ в тата́рской оде́жде и поста́вил её о́коло до́ма. Дочь хозя́ина, Ди́на,

увидела её и позвала́ других де́вочек. О́ни до́лго разговаривали и смея́лись. Жи́лин хоте́л дать им куклу, но де́вочки не взяли её — о́ни боя́лись ру́сского. Он оста́вил куклу, ушёл в сара́й и стал смотре́ть, что бу́дет да́льше.

Ди́на подбежа́ла, взяла́ куклу и бы́стро убежа́ла.

На друго́й день у́тром Жи́лин ви́дел Ди́ну с куклой в рука́х. О́на держа́ла её, как ребёнка. Вдруг из до́ма вы́шла стару́ха, взяла́ у Ди́ны куклу и слома́ла её. Жи́лин сде́лал но́вую куклу, лу́чше пре́жней, и дал её Ди́не. С того́ вре́мени о́ни ста́ли друзья́ми. О́на ста́ла носить ему́ молоко́ ка́ждый день, когда́ други́е не ви́дели.

Про́жил Жи́лин в ау́ле уже́ ме́сяц. Днём ходи́л по ау́лу и рабо́тал: то куклы́ для дете́й де́лал, то часы́ поправля́л, а о́дин раз да́же больно́го вы́лечил. По но́чам он копа́л в сара́е под стено́й ды́ру. Когда́ он, наконец, вы́копал большу́ю ды́ру, он подумал: "Тепе́рь всё гото́во, на́до то́лько узна́ть, в каку́ю сто́рону иди́ти".

Одна́жды, когда́ хозя́ин уе́хал, сын хозя́ина, ма́льчик, оста́лся смотре́ть за Жи́линым. Жи́лин поше́л за ау́л на́ гору с ма́льчиком, кото́рый сна́чала не хоте́л иди́ти с Жи́линым так далеко́. Но Жи́лин сказа́л, что на э́той горе́ есть трава́, кото́рая ему́ нужна́, что́бы лечи́ть люде́й. С горы́ он уви́дел ещё́ две горы́ и далеко́, далеко́ за э́тими горы́ми, на откры́том ме́сте, как бу́дто дым по земле́

идёт. Жилин понял, что там должна быть его крепость. Значит, надо будет бежать между этими двумя горами.

"Сегодня ночью надо бежать", — решил Жилин. Вечером он раскопал дыру шире и стал ждать, когда в ауле наступит тишина. Как только народ в ауле заснул, Жилин полез под стену и вылез из сарая. Он перекрестился и пошёл. Он стал смотреть по звёздам, в какую сторону идти. Было холодно, и потому ему было легко идти, только сапоги у него были плохие. Жилин снял сапоги и пошёл дальше. Шёл он довольно долго и вдруг услышал направо лай собак. "Эх, — подумал он, — я сделал ошибку, взял слишком направо. Тут аул, я его видел с горы. Надо идти назад, налево. Там должен быть лес". И Жилин побежал назад, к лесу.

Прошёл он по лесу версты четыре. В лесу был такой густой туман, что он почти ничего не видел.

Вдруг слышит Жилин — впереди идёт лошадь прямо к нему. Жилин сошёл с дороги и спрятался в кусты. К кустам подъехал татарин на лошади. Он остановился около кустов, за которыми сидел Жилин. Наверно, татарин слышал шум. Вдруг он схватил винтовку и выстрелил, потом что-то закричал по-своему и ускакал.

"Ну, — подумал Жилин, — теперь он, собака, позовёт других татар. Надо бежать".

Но но́ги у него́ бы́ли в крови́, и бежа́ть он не мог. Он проше́л версту́ и услы́шал, что сза́ди е́дут на лоша́дях. Он о́пять лёг в кусты́, но с тата́рами была́ соба́ка. Соба́ка зала́яла и пра́мо бро́силась к кусту́, где лежа́л Жи́лин. Тата́ры окружи́ли его́, связа́ли, посади́ли на ло́шадь и повезли́.

По доро́ге их встрети́л Абду́л. Он взял Жи́лина на свою́ ло́шадь и повёз наза́д в ау́л. Тепе́рь он бо́льше не смея́лся и не разгова́ривал.

Когда́ они прие́хали в ау́л, Абду́л посади́л его́ на у́лице. Тата́ры собра́лись в круг и ста́ли гово́рить.

Пото́м хозя́ин подоше́л к Жи́лину и сказа́л: — Е́сли ты о́пять убежи́шь, то я тебя́ убью́, как соба́ку. Пиши́ письмо́, хорошо́ пиши́!

Жи́лин снова́ написа́л письмо́. На́ ноги ему́ надели́ це́пи и повели́ в ау́л. Там его́ посади́ли в я́му. Тепе́рь ста́ло совсе́м пло́хо жить. Це́пей с него́ не снима́ли ни днём, ни но́чью и не выпуска́ли из я́мы. Ему́ броса́ли ту́да пи́щу, как соба́ке.

Оди́ раз, когда́ он сиде́л в я́ме и мечта́л о свобо́де, к нему́ swéрху упали́ ви́шни и хлеб. Он посмотре́л на́вeрх: там стоя́ла Ди́на.

— Что ты давно́ не приходи́ла? Тепе́рь я уже́ не могу́ сде́лать тебе́ ку́клу.

- Не надо куклол, - сказала Дина и, помолчав минуту, продолжала: - Иван, они хотят убить тебя, - и Дина показала рукой себе на шею.

- Кто хочет убить?

- Отец. Ему наши старики приказали. Мне жаль тебя.

- А если тебе жаль меня, то принеси мне длинную палку.

Она только покачала головой - нельзя.

- Дина, пожалуйста, принеси!

- Нельзя: увидят.

И ушла.

Вечером Жилин сидел и думал о том, что будет. Наверху были звезды. Вдруг на голову ему упала земля. Он посмотрел вверх и увидел, что сверху ему дадут длинную палку. Он видел эту палку раньше у хозяина на крыше. А над самой ямой горели глаза Дины, как у кошки.

- Иван, Иван!

- Что?

- Все уехали, только два человека дома.

Жилин взял палку, попросил Дину поддержать её и полёз вверх.

Цепи очень мешали ему. С трудом он влез вверх. Дина, как могла, помогала ему ручонками.

Жилин дал ей палку и сказал:

- Унеси на место, а то, если узнают, будут тебя бить. Прощай, Дина! Большое спасибо тебе!

Жилин в цепях с большим трудом шёл вперёд по дороге. Теперь он уже знал дорогу: надо идти прямо вёрст восемь. Только бы дойти до леса раньше, чем выйдет луна! Когда он стал подходить к лесу, луна вышла и стало светло, как днём. Жилин нашёл камень и стал отбивать цепи. Одну цепь он отбил, а другую не смог отбить.

Он встал и пошёл дальше. Он шёл всю ночь. Уже луна стала бледнеть, но Жилин не дошёл ещё до конца леса. "Ну, - подумал он, - пройду ещё 30 шагов и сяду".

Прошёл 30 шагов и видит, что лес кончается, а налево под горой степь и крепость; огни горят и люди сидят у костра. Посмотрел внимательно и узнал казаков и солдат.

Жилин собрал свои последние силы и пошёл с горы вниз, а сам в это время думал: "Помоги Бог! Если тут в поле татарин на лошади увидит меня, то я не уйду, хотя уже и близко".

Только он подумал это, посмотрел налево и увидел на холме трёх татар. Как только татары увидели его,

оні сразу поскакали к нему. Сердце Жилина остановилось. Он закричал своим, что было силы: "Братцы, помогите!"

Наши услышали и бросились навстречу татарам. Казаки далеко, а татары близко. Жилин схватил рукой цепь и что было сил побежал к казакам.

Казаков было человек пятнадцать. Татары испугались и остановились. Так Жилин добежал до казаков.

Казаки окружили его, спрашивают, кто он, откуда. А Жилин сам себя не помнит и всё повторяет: "Братцы, братцы!"

Из крепости выбежали солдаты. Кто ему хлеба несёт, кто — каши, кто — водки, кто шинелью покрывает, кто цепь отбивает.

Офицеры узнали его, посадили на лошадь и повезли в крепость. Собрались все его товарищи. Жилин рассказывал, что с ним было, и прибавил: "Вот как я домой съездил! Значит, не судьба была домой ехать".

Так и остался Жилин служить на Кавказе.

СЛОВА́РЬ
К РАССКА́ЗУ "КАВКА́ЗСКИЙ ПЛÉННИК"

люби́мый	beloved, loved, favorite
увиде́тся	to get together, see each other
кре́пость (f.)	fort, stronghold
тата́рин (pl. тата́ры)	Tartar, Tatar
конво́й	convoy, escort, guard
обо́з	train (mil.), train of carts with food & supply
сте́пь (f.)	steppe
<u>скака́ть</u> <u>поскака́ть</u>	to gallop
<u>гна́ться</u> <u>погна́ться</u>	to pursue
ры́жий	red-haired
са́бля	saber
<u>связа́вать</u> <u>связа́ть</u>	to tie up
ау́л	Caucasian village
<u>развяза́вать</u> <u>развяза́ть</u>	to untie
сара́й	barn
по-ви́димому	apparently, seemingly
рабо́тник	worker
по-сво́ему	in one's own way
я́ма	pit, hole (in the ground)
шинéль (f.)	army overcoat

сапо́г (pl. сапоги́)	boot(s)
ку́кла	doll, dummy
<u>лома́ть</u> сломáть	to break
<u>поправля́ть</u> поправи́ть	to fix, mend
копа́ть	to dig
дыра́	hole
<u>выка́пывать</u> выкопа́ть	to dig up (out)
как бу́дто	as if
<u>раска́пывать</u> раскопа́ть	to excavate
<u>наступáть</u> наступи́ть	to come (time), step on
тишина́	stillness, tranquility, silence
<u>лезть</u> полéзть	to crawl, climb
<u>вылезáть</u> вылезти́	to crawl out, come out
перекрестíться	to cross oneself
лай	bark, barking
верста́	verst (approx. 2/3 of a mile)
<u>прятáть</u> спря́тать	to hide, conceal
<u>ла́ять</u> зала́ять	to bark
<u>о́кружа́ть</u> о́кружи́ть	to encircle, surround

це́пь (f.,pl. це́пи)	chain(s)
пи́ща	food, nourishment
<u>мечта́ть</u> <u>помечта́ть</u>	to (day) dream
па́лка	stick
<u>кача́ть</u> <u>покача́ть</u>	to shake, swing
ко́шка	cat
ручо́нка	dimin.affect. of рука
с трудóм	with difficulty
<u>отбива́ть</u> <u>отбítь</u>	to break off
<u>бледне́ть</u> <u>побледне́ть</u>	to turn pale
шаг	step, pace
костёр	campfire, bonfire
каза́к	cossack
что бы́ло сил	with utmost effort
бра́тeц	dimin.affect. of брат
ка́ша	porridge, gruel
<u>прибавля́ть</u> <u>прибави́ть</u>	to add
судьба́	fate, destiny

Антон Павлович

ЧЕХОВ

—
1 8 6 0 - 1 9 0 4

Антон Павлович Чехов - русский писатель. Родился в Таганроге. В 1884 г. окончил медицинский факультет Московского университета и занимался врачебной деятельностью.

Начал печататься в 1880 году. Уже в ранний период творчества в юмористических рассказах Чехов высмеивал мещанскую психологию, обывательщину, подхалимство, самоуверенность, тупость ("Толстый и тонкий", "Хамелеон", "Унтер Пришибеев" и др.).

В произведениях конца 80-х и 90-х годов Чехов пишет об идейных исканиях русской интеллигенции, о недовольстве обывательской жизнью, о тоске по идеалам ("Дуэль", "Анна на шее", "Дом с мезонином" и др.).

В рассказе "Палата №6" Чехов выступил против идеологии смирения, фатализма, равнодушия к человеческим страданиям.

Чехов выступил как новатор в драматургии. Пьесы "Чайка", "Дядя Ваня", "Три сестры", "Вишнёвый сад" и др. проникнуты глубоким лиризмом. В них изображается столкновение пошлости с мечтами о красоте, правде и творческом труде.

Творчество Чехова оказало большое влияние на развитие русской и мировой литературы и театра.

Чехов умер от туберкулёза в городе Баденвейлер (Германия) и похоронен в Москве.

НА ДАЧЕ

по А. П. ЧЕХОВУ

"Я вас люблю. Вы моя жизнь, счастье — всё! Я не могу больше молчать. Будьте сегодня в восемь часов вечера в старой беседке. Имя своё не подписываю, но я молодая, хорошая собой, чего же вам ещё нужно?"

Дачник Павел Иванович, человек семейный и положительный, читая письмо, удивился. "Я женатый человек, и вдруг такое странное, такое глупое письмо! Кто это написал?"

За все 8 лет своей женатой жизни Павел Иванович не получал никаких писем, кроме поздравительных. Поэтому письмо его сильно взволновало. Через час он лежал на диване и думал: "Конечно, я не мальчишка и не побегу на это дурацкое свидание, но всё-таки интересно было бы знать: кто его писал ... Почерк несомненно женский. Письмо написано искренне, а поэтому едва ли это шутка. Вероятно, какая-нибудь вдова. Вдовы вообще легкомысленны. Кто бы это мог быть?"

Решить этот вопрос было тем более трудно, что во всём дачном посёлке у Павла Ивановича не было ни одной знакомой женщины, кроме жены. Ему не от кого было получать такие письма. "Странно, — думал он. — Я вас люблю. — Когда же она успела полюбить, даже не познакомившись, не узнав, что я за человек ..."

Должно́ быть, она́ слишком ещё молодá и неопытна, е́сли способна́ влюбиться так бы́стро. Но кто она́?"

Вдруг Па́вел Ива́нович вспомнил, что вчера́ и позавчера́, когда́ он гуля́л по да́чному посёлку, он не́сколько раз встреча́л молóденькую блонди́нку в све́тло-голубо́м пла́тье. Блонди́нка ча́сто смотре́ла на него́, а когда́ он сел на скаме́йку, она́ се́ла ря́дом с ним... "Она́..." - подумал Па́вел Ива́нович. - "Нет, это невозмо́жно".

За обе́дом Па́вел Ива́нович, гля́дя на жену́, размышля́л. "Она́ пи́шет, что молодá и хороша́ собо́й ... Гм... Говоря́́ искренне, я ещё́ не так стар и плох, и в меня́ ещё́ мо́жно влюбиться... Любит же меня́ жена́!"

- О чём ты задумался? - спроси́ла жена́.

- Так ... голова́ что́-то бо́лит... - отве́тил Па́вел Ива́нович.

Он реши́л, что глупо́ обраща́ть внима́ние на любовное письмо́ и смея́лся над ним и его́ а́втором. Но чем бы он ни занима́лся, ни о чём друго́м он не мог ду́мать. По́сле обе́да Па́вел Ива́нович лежа́л у себя́ на кровати́ и ду́мал:

"А ведь она́, пожа́луй, наде́ется, что я приду́! Впрочем, мо́жет быть, пойти́ из любопы́тства? Интере́сно посмотре́ть изда́ли, кто бы она́ ни была́. А в бесе́дку входи́ть не́зачем". Па́вел Ива́нович подня́лся с постели́ и на́чал одева́ться.

- Куда ты собираешься? - спросила его жена, заметив, что он надевает чистую рубашку и новый галстук.

- Так ... хочу погулять. Голова что-то болит...
Ну, я пошёл.

Павел Иванович вышел из дому. В конце аллеи была видна старая беседка. У него вдруг забилось сердце. Он представил себе блондинку в светло-голубом платье. "Кажется, никого нет", - подумал он, входя в беседку, и тут же увидел в углу какого-то человека. Но это был мужчина. Павел Иванович узнал в нём брата своей жены студента Митю, жившего у них на даче.

- А, это ты? ... - сказал он недовольно, снимая шляпу и садясь.

- Да, я, - ответил Митя.

Минуты две прошло в молчании.

- Извините меня, Павел Иванович, - начал Митя, - но я просил бы вас оставить меня одного ... Я обдумываю свою диссертацию, некоторые сложные вопросы, и присутствие кого бы то ни было мне мешает.

- А ты иди куда-нибудь в тёмную аллею, - попросил Павел Иванович. - На свежем воздухе легче думать. Я хочу поспать тут на скамейке. Здесь не так жарко...

- Диссертация важнее, - сказал Митя. Опять наступило молчание...

Павлу Ивановичу нужно было во что бы то ни стало заставить Митю уйти.

- Ну, я прошу тебя, Митя! Раз в жизни прошу! Ты моложе меня и должен уважать ... Я болен ... и хочу спать ... Неужели ты не можешь уйти?

Митя не уходил.

- Послушай, Митя, я прошу тебя в последний раз ... Докажи, что ты умный, гуманный и образованный человек!

Митя тихо отвечал:

- Ни за что! Я сказал, не войду, значит, не войду.

В это время у входа в беседку они увидели женское лицо. Увидев их, оно исчезло ... "Ушла!" - подумал Павел Иванович. - "Увидела этого подлеца и ушла. Она больше не вернется". Подождав немного, Павел Иванович встал, надел шляпу и сказал Мите:

- Подло ... и глупо! Между нами всё кончено. Нам не о чем больше разговаривать!

- Очень рад, ответил Митя, тоже вставая и надевая шляпу. - Знайте, что вы сейчас вашим присутствием сделали мне такую гадость, которую я вам до самой смерти не прощу.

Павел Иванович вышел из беседки и быстро зашагал к своей даче ... За ужином Павел Иванович и

Митя глядели на свои тарелки и молчали. Оба всей душой ненавидели друг друга. Жена Павла Ивановича смотрела на них и улыбалась.

- Какое письмо ты получил сегодня утром? - спросила она мужа.

- Я ... ? Никакого, - ответил Павел Иванович, испугавшись, что жена кое-что подозревает.

- Признаться, что получил. Ведь это письмо я тебе послала! Честное слово, я! Что же делать? Нам нужно было сегодня полить помидоры, но как заставить вас уйти из дома? Только таким способом можно. Но ты не сердись, глупый. Чтобы тебе в беседке не было скучно, я и Мите такое же письмо послала! Митя, ты был в беседке?

Митя улыбнулся и перестал глядеть с ненавистью на своего соперника.

СЛОВÁРЬ К РАССКÁЗУ "НА ДА́ЧЕ"

бесéдка	summer house
она́ хороша́ собо́й	she is goodlooking
да́чник	summer resident
поздравíteльный	congratulatory
пóчерк	handwriting
и́скренне	sincerely
вдова́	widow
легкомы́сленный	light-headed
способен	capable, able
влюби́ться (в кого́?)	to fall in love (with)
размышля́ть	to reflect
любо́вный	amorous
любопы́тство	curiosity
и́здали	at a distance
прису́тствие	presence
заби́лось се́рдце	the heart started to beat
недово́льно	displeased
во что́ бы то ни ста́ло	at any cost
ни за что́	never
подле́ц	rascal
сде́лать (кому́?) га- дость	to play a dirty trick on somebody
ненави́деть, -жу, -ишь	to hate

подозре́вать, -ю, -ешь	to suspect
признава́ться, я призна́юсь, -ёшься	to confess
ску́чно	to feel bored
сопе́рник	rival

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

по А. П. ЧЕХОВУ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале. От него пахло хорошим вином и духами. Тонкий же только что вышел из вагона и нес несколько чемоданов и коробок. Пахло от него ветчиной и кофе. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист — его сын.

— Порфирий! — закричал толстый, увидев тонкого.

— Ты ли это? Сколько лет, сколько зим!

— Миша! — радостно закричал тонкий. Друг детства!

Приятели трижды поцеловались. Они стояли и смотрели друг на друга, в глазах у них были слезы.

— Милый мой! — начал тонкий. Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, дай я посмотрю на тебя хорошенько! Такой же красавец, как и был! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанайл, ученик третьего класса. Это, Нафанайл, друг моего детства. В гимназии вместе учились.

Нафанайл немного подумал и снял фуражку. Не бойся, Нафанайл, подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанайл немного подумал и спрятался за спину отца.

- Ну, как живёшь, друг? - спросил толстый, восторженно смотря на друга. - Служишь ли?

- Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и орден имею. Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки даёт, а я в свободное время портсигары из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку. Если кто берёт десять штук и более, тому скидка. Живём кое-как. Теперь буду здесь служить, перевели меня. Ну, а ты как? Наверно уже статский советник? А?

- Нет, милый мой, поднимай повыше, - сказал толстый. - Я уже тайный советник... Ордена имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро пришёл в себя и начал почтительно улыбаться. Сам же он как-то согнулся и как-будто стал меньше... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанайл застегнул все пуговицы своего мундира...

- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг такое высокое положение! Хи-хи-с.

- Ну, довольно, зачем же! - поморщился толстый. -
Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства, к чему
тут такая формальность!

- Что вы, что вы... заговорил быстро тонкий, ещё
более сгибаясь. - Внимание вашего превосходительства
для нас много значит. Это вот, ваше превосходитель-
ство, сын мой Нафанайл... жена Луиза, лютеранка, не-
которым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице
у тонкого было написано столько почтения и сладости,
что тайного советника начало тошнить. Он отвернулся
от тонкого и подал ему руку.

Тонкий пожал три пальца, глубоко поклонился.
Жена улыбнулась, у Нафанайла упала фуражка. Все трое
были приятно ошеломлены.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ТО́ЛСТЫЙ И ТО́НКИЙ"

па́хнуть	to smell
духи́	perfume
<u>выгля́дывать</u> <u>вы́глянуть</u>	to peep out, emerge
подборо́док	chin
гимнази́ст	high schooler (in tsarist Russia)
Ско́лько лет, ско́лько зим!	It's been a long time!
краса́вец	handsome
урождённая	born
люте́ранка	Lutheran
гимна́зия	high school (in tsarist Russia)
<u>пря́таться</u> <u>спря́таться</u>	to hide
востóрженно	enthusiastically
колле́жский асе́ссор	civil rank in tsarist Russia (middle rank)
жа́лованье (теперь зарпла́та)	pay, salary
портсига́р	cigarette case
де́рево	wood
шту́ка	piece
ски́дка	discount
ста́тский сове́тник	civil rank in tsarist Russia (executive)
та́йный сове́тник	civil rank in tsarist Russia (high executive)
<u>бледне́ть</u> <u>побледне́ть</u>	to turn pale

окаменѣть	to become petrified
почтительно	respectfully
<u>сгибаться</u> согнуться	to bend
<u>застёгивать</u> застегнуть	to button up
мундир	tunic (school uniform)
<u>морщиться</u> поморщиться	to frown, knit one's brow
ва́ше превосходительство (used in tsarist Russia)	your excellency
<u>возражать</u> возразить	to object
почтѣние	respect
сла́дость (f.)	sweetness
его́ начало тошнить	he felt sick
<u>отвращиваться</u> отвернуться	to turn away (from smb.)
<u>подавать</u> подать	to hold (stretch) out one's hand
<u>пожимать</u> пожать	to shake (a hand), squeeze
<u>кланяться</u> поклониться	to bow
<u>ошеломлять</u> ошеломить	to stun

Леонид Сергеевич Ленч (настоящая фамилия Попов) -
родился в 1905 году. Советский писатель. С 1934 г.
сотрудник журнала "Крокодил". Выпустил несколько
сборников юмористических рассказов, фельетонов и
сказок.

ШТРАФ

По рассказу Леонида Лэнча

Инженёр-конструктор Игорь Николаевич Шагáлов, молодой, но уже начавший полнеть блондин с красивыми, добрыми, голубыми глазами, стоял со стаканом воды в руке у дивана, на котором лицом вниз лежала и громко плакала его жена Елена Васильевна, и повторял:

- Лёля!.. Елена!.. Выпей водички!.. Это же всё неправда, даю тебе честное слово!.. Ну выпей же воды, я тебя прошу!

Однако Елена Васильевна продолжала плакать. Смотреть на неё было тяжело, и Игорь Николаевич, незаметно для себя, чтобы успокоиться, сам выпил всю воду.

И тут Елена Васильевна приподнялась, села, вытерла платочком слёзы и, не глядя на мужа, сказала резко:

- Дай воды!

- Пожалуйста! Вот!

- Боже мой, - даёт пустой стакан! Сядь! И, пожалуйста, не улыбайся. Всё это гораздо серьёзнее, чем ты думаешь!

Игорь Николаевич перестал улыбаться и послушно сел рядом с женой.

- Значит, ты говоришь, - спокойно сказала после паузы Елена Васильевна, - что позавчера после работы ты остался у себя в бюро на сверхурочную работу и работал три с половиной часа?

- Это я не говорю, а это так и было! Спроси Попова, Палкина, позвони Ивану Сергеевичу ...

- Зачем мне звонить твоим друзьям, которые, конечно, никогда не выдадут тебя? У меня есть документ. Вот! Что ты на "это" скажешь?

Елена Васильевна взяла лежавшую на диване бумажку с официальным штампом и помачала ею перед самым носом мужа. "Это" действительно было необъяснимо. Бумажка с официальным штампом отдела контроля энской железной дороги предлагала гражданину Шагалову Игорю Николаевичу немедленно уплатить тридцать рублей штрафа за безбилетный проезд в пригородном поезде. Число, месяц, фамилия, имя, отчество, постоянное местожительство - всё было правильно.

- Я ... не знаю, что это такое! - наконец сказал Игорь Николаевич. - Какое-то недоразумение!.. Ошибка! Я не ездил за город! И вообще ... зачем мне ездить за город?! К кому?!

Елена Васильевна саркастически посмотрела на него тёмными, как туча, глазами. Начинаясь гроза.

- К кому?! Я тебе скажу, к кому! Ты ездил в

Надѣльную к Вáлечке — к этой своей ... волейболистке!...
Думаешь, я не замечала, как ты всё лето глядел на неё
масленными глазками?!

— Что ты говоришь, Лэля! — сказал Игорь Николаевич, начиная сердиться. — Снá уже зáмуж вíшла, нáша Вáлечка. За хорóшего пáрня. Тóже спортсмен, как и она́. Тóлько он лыжник, чемпион.

— Да-а, хорóшо это Вáлечка устрóилась: сразу двух чемпионов получила, — один по лыжам, а другой по моральной распу́щенности.

— Фу, какáя по́шлость! Чéстное слóво, птíчка, с тобой невозможно разговáривать!

— Недéлю томú назáд, — продолжала Елéна Васíльевна с ледяным, как ей казалось, спокойствием, — мне принесли тóчно такую же бумáжку. Знáчит, ты и тогда ёздил к своей волейболистке. И опя́ть без билéта. Ёсли вам не стýдно обмáнывать женú, Игорь Николаевич, постыд́ились бы хоть желéзную доро́гу обмáнывать, — государство!..

Игорю Николаевичу захотéлось кричáть, выть, бить посуду. Чтóбы взять себя в рúки и успоко́иться, он решил про себя сосчитáть до двадцатí. Он нáчал считать: "Раз, два, три, четýре, пять ...". Елéна Васíльевна продолжала говорить, и то, что она́ говорила, бýло таким обíдным и несправедливым, что констрúктор,

громко выкрикнув "шесть", выбежал на улицу и долго ходил по городу без пальто и шляпы, несмотря на мороз.

Когда, успокоившись, он вернулся домой и открыл своим ключом дверь в квартиру, Елены Васильевны уже не было. На столике в передней лежала записка. Игорь Николаевич взял её и прочитал нервные крупные строки:

"Уехала к маме. Не пытайся звонить, объясняться. Своё решение сообщу. Елена".

Утром Игорь Николаевич позвонил в своё конструкторское бюро, сказал, что плохо себя чувствует и поэтому немножко опоздает на работу, взял такси и поехал в управление энской дороги по адресу, указанному на бумажке.

В отделе контроля его внимательно выслушали. Да, к сожалению, такие печальные факты — не редкость. По-видимому, неизвестный безбилетный пассажир, так называемый "заяц", назвал фамилию и адрес уважаемого товарища Шагалова. Почему не проверяют документы? Видите ли, по существующей инструкции, железнодорожные контролёры не обязаны проверять документы. "Заяц", отказавшийся уплатить штраф в вагоне, называет фамилию, имя, отчество и адрес. По этому адресу и посылается бумажка. Игорю Николаевичу посоветовали уплатить тридцать рублей — деньги небольшие, а то ведь кресты железной дороги —хе-хе! — народ острый. Если они возьмутся за дело, вас никакой суд не

оправдѣет. Всё равно придётся заплатить!

- Позвольте! - заволновѣлся конструктор. - Дѣло же не в деньгах! Из-за вашей инструкции от меня жена ушла!

- Сожалѣю, но интересы желѣзной дороги от этого не пострадали.

- Как вы можете так говорить! Не человек для дороги, а дорога для человека.

- Это уж, извините, литература, философия. Есть такой журнал "Вопросы философии" - обратитесь с этим туда, а нам это не подходит!..

Трудно было работать в этот день Игорю Николаевичу. Несколько раз он звонил матери жены, но каждый раз старуха тихо говорила в сторону: "Что сказать? "Он" звонит!" И после паузы сообщала, что "Леночка только что опять ушла и ничего не сказала".

Уже в конце рабочего дня в голову конструктору пришла счастливая мысль, которая его сразу успокоила: "Надо после работы поехать в Надельную к Вале, взять волейболистку и её лыжника с собой, привезти их к жене и доказать, что всё это недоразумение".

"Куплю шампанского, - думал развеселившийся конструктор, - большой букет цветов, и Лелька поймёт, как всё это было глупо с её стороны".

Народу в пригородном поезде было немного. Игорь Николаевич сидел у окна, смотрел на проносящиеся мимо

поля и высокие, стройные сосны и уже с удовольствием думал о предстоящем примирении с женой. Как все добрые люди, он очень не любил собираться.

В вагоне появился контролёр — мрачный, усатый железнодорожник. Он стал проверять билеты у пассажиров, и вдруг Игорь Николаевич увидел сидящего впереди, через две скамейки от него, Павла Архиповича Линяева, хозяина дачи, которую в прошлом году снимал в Надельной конструктор.

Линяев, важный, бритый старик с красным носом, сидел и читал газету "Вечерняя Москва". Игорь Николаевич хотел заговорить с ним, но тут к Линяеву подошёл контролёр:

— Ваш билет!

Линяев поискал в карманах старого пальто, а потом сказал:

— Очень сожалёю, но билета у меня нет. Потерял.

— Эх, гражданин Шагáлов, гражданин Шагáлов! — нетерпеливо сказал контролёр. — Опять вы попались!.. Сейчас будете штраф платить или прислать вам бумажку домой?

— Присылайте домой.

— Адрес тот же?

— Тот же!..

Игорь Николаевич не верил своим ушам!

Когда контролёр, проверив билеты, ушёл, Игорь Николаевич поднялся, подошёл к Линяеву и сказал:

- Привет, товарищ Шагалов!

Линяев опустил газету, увидел лицо Игоря Николаевича, всё понял и сконфузился. Но тут же взял себя в руки.

- Всё шутки шутите, Игорь Николаевич! Уж не ко мне ли, случайно, едете? Могу вам опять дачу на лето сдать.

- Вряд ли я у вас теперь когда-нибудь сниму дачу. Сейчас сойдём на станции, поговорим.

- Сейчас мне некогда.

- Идёмте! - грозно сказал Игорь Николаевич.

Линяев вздохнул и послушно встал. Поезд замедлил ход, приближаясь к станции.

Они вышли на пустой перрон и сели рядом на скамейку, словно старые друзья, которые давно не виделись и вдруг встретились.

- Ну?! - грозно сказал Игорь Николаевич. - Объясните, почему вы называете мою фамилию, когда вас штрафуют?

Линяев молчал.

- Вот что, - сказал Шагалов. - Вы сейчас поедете со мной в Москву и скажете Елене Васильевне, что вы выдавали себя за меня. Вы обязаны это сделать!

- Игорь Николаевич, дорогой! Не могу! Меня

дóма стáрая женá ждёт!

- А меня́ из-за вас молодáя женá не ждёт. Идíte
возьмите билёт!

Линя́ев поднялся и пошёл к кáссе покупáть билёт.

Че́рез двáдцать мину́т подошёл пóезд в Москвú. Онí
вошли́ в вагóн и о́пять, слóвно хоро́шие друзья́, сéли ря-
дом на скаме́йку. Линя́ев молча́л, отверну́вшись к окну́.

Вдруг в вагóне показáлся тот же уса́тый, мра́чный
контролё́р. Веро́ятно, он возвращáлся в Москвú о́брат-
ным пóездом.

- Ва́ши билéты!

Линя́ев мо́лча по́дал о́дин билёт контролё́ру и побе-
дите́лем посмстрéл на И́горя Никола́евича.

- Поня́тно! - грóмко сказа́л И́горь Никола́евич и сам
заговорíл с контролё́ром, подража́я Линя́еву:

- Я о́чень сожалéю, но билéта у меня́ нет. Потер-
я́л. И дéнег у меня́ при себе́ нет. Так что ...
штрафу́йте!..

- Придётся сойти́ на стáнции, гражда́нн, для про-
ве́рки местожи́тельства.

- За́чём? Моя́ фа́мília Линя́ев, Па́вел Архи́пович,
ста́нция Надéльная, Лугова́я 25. Да вот гражда́нн Ша-
га́лов, кото́рого вы хоро́шо знаéте, мо́жет подтверди́ть,
что я говорю́ пра́вду. Подтверди́те же, това́рищ Шага́лов!..

Нос у Линяева из красного стал фиолетовым. Не глядя на соседа, он мрачно сказал:

- Подтверждаю!..

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ШТРАФ"

<u>вздыха́ть</u> вздохну́ть	to sigh
взя́ться за де́ло	to get busy
взять себя́ в ру́ки	to control oneself
<u>выдава́ть</u> выда́ть	to give away, betray
выдава́ть себя́ за	to impersonate, pass oneself off as ...
<u>вытира́ть</u> выте́реть	to wipe, (rub) dry
голубо́й, -а́я, -о́е, -ы́е	blue (sky blue)
госуда́рство	state
гро́зно	fiercely, menacingly
да́ча	summer cottage
за́яц	jackrabbit; a stowaway
<u>мири́ться</u> помири́ться	to reconcile, make one's peace
местожи́тельство постоя́нное местожи́тельство	(place of) residence permanent residence
нам э́то не подхо́дит	this is not for us
недора́зумение	misunderstanding
оби́дный, -а́я, -о́е, -ы́е	offensive, insulting
<u>обма́нывать</u> обману́ть	to deceive, fool, cheat
<u>опра́вдывать</u> оправда́ть	to acquit, justify
<u>опуска́ть</u> опусты́ть	to lower

обязан, -а, -о, -и Я обязан сделать это.	to have a duty I must do it.
парень	fellow, lad
платок (dimin. платочек)	kerchief
победитель	victor, conqueror, winner
подражать, -ю, -ешь	to imitate
<u>подтверждать</u> подтвердить	to confirm
<u>попадаться</u> попасться	to be caught
по-видимому	it seems, it appears, apparently
послушно послушный	obediently obedient
постоянно постоянный, -ая, -ое, -ие	constantly, continually constant, continual, permanent
посуда	dishes
привет	greetings
пригород	suburb (-ный suburban)
примирение	reconciliation
птица (dimin. птичка)	bird
<u>пытаться</u> попытаться	to attempt, try
редкость (f.)	rarity
словно	as if, as though
случайно	by chance
сосна	pine tree
справедливый, -ая, -ое, -ие несправедливый (не)справедливо	just, fair unjust, unfair (un)justly

стро́йный, -ая, -ое, -ые	well-shaped, trim
<u>страда́ть</u> пострада́ть	to suffer
<u>ссора́ться</u> поссо́риться	to quarrel
суд	court of law
штраф	fine, penalty
<u>успока́ивать (ся)</u> <u>успоко́ить (ся)</u>	to calm, quiet down
ход	run, motion

Илья Арнольдович

ИЛЬФ

1897 - 1937

Евгений Петрович

ПЕТРОВ

1903 - 1942

Илья Ильф (настоящая фамилия Файнзильберг Илья Арнольдович) — советский писатель. В соавторстве с Е.П. Петровым написал сатирические романы "Двенадцать стульев" и "Золотой телёнок", в которых высмеиваются мещанство и пережитки буржуазной психологии, книгу очерков "Одноэтажная Америка" и многочисленные фельетоны.

Евгений Петрович Петров (настоящая фамилия Катаев) — советский писатель. В соавторстве с И.А. Ильфом написал сатирические романы "Двенадцать стульев" и "Золотой телёнок", рассказ "Тоня", фельетоны и книгу очерков "Одноэтажная Америка".

Петров — автор сатирической комедии "Остров мира", киносценариев и фронтowych очерков.

ТОНЯ

по И. ИЛЬФУ И Е. ПЕТРОВУ

Два самых больших события в жизни Тони произошли почти одновременно. Не успела она выйти замуж, как Константина Степановича Говоркова, её мужа, послали на службу в город Вашингтон, и Тоня вместе со своим Костей поехала в Америку.

На Белорусско-Балтийский вокзал Тоню пришли провожать две подружки — Килья и Клава. Они были очень весёлые девушки, но здесь, среди интуристов и носильщиков, стеснялись и всё время спрашивали Тоню:

— Значит, едешь?

Тоне тоже было не по себе, и она уныло повторяла:

— Так вы пишете, девочки.

— Как я тебе завидую, — говорила Килья. — Ты счастливая. Будешь жить в Нью-Йорке.

— Не в Нью-Йорке, а в Вашингтоне, — поправила Тоня. — Нью-Йорк — это не столица, а мы будем жить в столице.

— Ты счастливая, — повторяли Килья и Клава. — Там, наверно, очень интересно.

— Я думаю, — скромно отвечала Тоня.

Муж, Кóстя Говоркóв, ча́сто забегáл в своё купé и смотре́лся в зéркало. Его́ му́чило, что он купи́л сли́шком большúю шля́пу, не по голове́.

Де́вочки и в са́мом де́ле немно́го завидовали. Сейча́с подру́га уе́дет в далёкую тайнственную Аме́рику, а они́ пойдúт на свою́ расфасóвочную фа́брику упакóвывать пéрец, со́ду и шафра́н. И так бу́дет ка́ждый день, в то вре́мя как То́ня ... Лу́чше бы́ло да́же не ду́мать о То́нином сча́стье.

-Так ты пиши́, То́нька! - грóмко и тоскли́во крикнули они́ вслед уходя́щему по́езду.

Е́хать че́рез Евро́пу бы́ло интере́сно и жу́тко. В По́льше из окна́ ваго́на То́ня в пéрвый раз за свою́ жизнь уви́дела поме́щика. Он е́хал верхóм. Кóстя то́же никогда́ ещё не ви́дел поме́щиков. И молодо́жены́ до́лго следили́ за э́той странной фи́гурой, как бы возникшей из учебников политгра́моты.

О́чень ча́сто меня́лись страны́. В ваго́н входили́ то по́льские тамо́женники и жандармы́, то неме́цкие, то бельгийские, то францу́зские. То́ня боя́лась э́тих людей́. Они́ бы́ли грубова́ты и торопли́вы, какими́, ви́дно, уж полага́ется быть тамо́женным чиновникам во всём ми́ре. Но То́не каза́лось, что э́та сурóвость направляется́ специа́льно прóтив неё и Кóсти, что вот они́ аресту́ют её ми́лого Кóстю и куда́-то отведу́т его́ вме́сте с па́спортами,

билётами и деньгами. Что она тогда будет делать? Без паспорта, без денег и билета? Кроме того, она не знала ни польского, ни немецкого, ни французского. Английского она тоже не знала. Английский язык немного знал Костя:

- Шоколад? Сигареты? - прокричал французский таможенник ужасным голосом.

- Нон, нон, - ответил Костя. - Шоколад нон. И сигареты нон.

Тогда француз неожиданно ушёл, даже не посмотрев на чемоданы.

Но самое страшное было впереди. Пароход. Он стоял в Шербурге, высокий, чёрный, с большими трубами. Это был "Маджестик".

- "Кюнард Уайт Стар лайн", - с удовольствием объяснил Костя по-английски, когда молодожёны, устроившись в каюте, вышли на палубу. - Пятьдесят шесть тысяч тонн. Английское пароходство. Теперь, Тонечка, я буду всё время практиковаться в английском языке.

И он стал готовить в уме английскую фразу, с которой собирался обратиться к матросу: "Скажите, пожалуйста, в котором часу отойдёт этот пароход?" Матрос занимался совсем не матросским делом - раздавал пассажирам чашки с горячим бульоном. Не успел Костя составить в уме английскую фразу, как матрос вежливо

пóдал ему́ чáшку и ушёл. Этим прáктика и огрaнiчилась.

Путешéствие чéрез океáн длилось шесть дней. Кáждую пóлночь все парохóдные часы́ автоматiчески перево-дiлись на час наза́д. Кáждый пóлдень пассажи́ры соби-рались у кáрты, где ука́зывалось местонахожде́ние "Ма-джéстика" в океáне; по вечера́м в столо́вой показывали кинокарти́ны, а в сало́не танцевáли.

Два дня стоя́ла све́жая пого́да. "Маджéстик" нем-но́го пока́чивался, и пассажи́ры лежа́ли в свои́х каю́тах. Но на трéтий день океáн вдруг стих, и на па́лубах поя-вилось мно́го но́вых люде́й. Среди́ них супру́ги Говор-ко́вы замéтили трéх молоды́х пассажи́ров в большы́х шля-пах и в соверше́нно одина́ковых но́вых си́них костю́мах с корóткими брýками. Га́лстуки у них тóже бы́ли одина́ко-вые. Молоды́е лю́ди говори́ли ме́жду собо́й по-ру́сски. То́тчас же состоя́лось знако́мство, и Ко́сте так и не приш-ло́сь на парохóде практиковáться в англи́йском языке́. Небольша́я советская колóния уже́ не расставáлась ни на мину́ту. Троё "си́них" молоды́х люде́й — инженéры е́хали в Аме́рику рабо́тать и учи́ться на филадельфи́йском за-во́де Ба́да. Они́ о́чень обра́довались Говорко́вым и пе-ремени́ли сто́лик, что́бы обе́дать ря́дом с ними́.

Заказа́в обе́д, Ко́стя замéтил, что но́вые друзья́ беспóмощно смóтрят в обе́денную кáрточку, что к ним уже́ два ра́за подходíл официáнт и уходíл, не дожда́вшись

заказа. Тут молодые люди сознались, что им известна только одна английская фраза: "Ай эм вери глед ту си ю", что значит: "Я очень рад вас видеть", но до сих пор не могли применить фразу с пользой. Уже два дня как они заказывают еду наугад. Ткнув пальцем в меню и ждут, что из этого выйдет. Ничего хорошего до сих пор не выходило. Какие-то странные получались у них обеды: то одни закуски, то сразу после супа сладкое, а съев сладкое, согласитесь сами, неудобно требовать мясо. К тому же неизвестно, как оно называется, это мясо.

Костя им объяснил, что на правой стороне меню напечатаны вообще все блюда, какие только есть на пароходе — закуски, супы, вторые, сладкие и так далее. А на левой стороне — рекомендованный завтрак или обед. Можно сразу заказать то, что напечатано слева. И получится полный обед без недоразумений.

— Значит, смело заказывать левую сторону? — спросили молодые люди.

— Да, заказывайте смело, — подтвердил Костя.

Так они и сделали. И в первый раз за всю дорогу они съели настоящий обед.

С этого времени, садясь за стол, инженеры громко спрашивали друг друга:

— Значит, берём левую?

- Берём левую.

А после обеда говорили:

- Сегодня левая была ничего.

Или:

- Что-то сегодня левая сплеховала. Не наелся. Молодые инженеры так уверовали в Костю, что в кинозале всё время спрашивали его о действующих лицах.

- А что это за человек? Почему он внезапно ушёл?

На это Костя смутно отвечал:

- Это, наверно, её любовник.

- А что хочет тот толстый?

- Кто его знает! Плохо слышно.

В вечерних балах инженеры не принимали участия, хотя и учились в своё время в школе западных танцев. Они стеснялись.

- Это не для нас, - говорили они. - Тут какие-то банкиры танцуют, фабриканты. Неудобно.

Тоне очень хотелось танцевать. И тут произошёл ужасно неприятный случай.

Однажды вечером вся компания сидела в салоне и смотрела на танцующих. Вдруг к Тоне подошёл седой господин в смокинге. Он поклонился и сказал что-то по-английски. Тоня в ужасе посмотрела на Костю и

пошла танцевать со страшным стариком, по всей вероятности, банкиром.

Пока Тоня танцевала, инженеры смеялись над Говорковым.

Так проходили дни. За завтраком и обедом ели "левую сторону", а вечером сидели в кино. К концу путешествия Тоня во второй раз танцевала с тем же стариком. Прощаясь с Тоней после танца, он вдруг сказал по-руски "трáсите", что, видно, означало "здравствуйте".

Инженеры после этого смеялись над Тоней, утверждая, что старик в неё влюбился.

Утром, перед самым приходом в Нью-Йорк, Тоня взяла в салоне цветную открытку с изображением парохода "Маджестик", и села писать подругам.

"Здравствуйте, дорогие Кля и Клава! Вот мы проехали Атлантический океан и приезжаем сегодня в Нью-Йорк. Всю дорогу было очень весело, пароход такой громадный. У нас появилась масса знакомых, и мы всё время вместе. Я всё время танцую с одним иностранцем и смотрю заграничные кинокартины. Что у вас делается на фабрике? Привёт всем. Ваша Т.

Эта открытка пойдёт из Америки назад на этом же пароходе. Ваша Т."

Она наклеила на открытку английскую марку с головой короля Георга Пятого, и ей даже стало жалко

Килью и Кляву. Она и на пароходе, она и с банкиром танцевала, и вообще столько нового, а они по-старому упаковывают перец и шафран.

Нью-Йорк было ещё едва видно, а близость земли уже чувствовалась во всём. Стюарды выносили на палубы сундуки и чемоданы. Пассажиры были очень взволнованы. Они собирались группами, стараясь увидеть далёкие здания знаменитого города. Все вдруг стали много говорить, заговорили даже те, которые всю дорогу молчали.

К "Маджестику" подошёл пароходик с иммиграционными властями. По трапу быстро поднялись американские чиновники. В высоком золотом салоне первого класса началась проверка паспортов. Пассажиры стали в длинную очередь. "Маджестик" двинулся вперёд малым ходом. Скоро стали видны отдельные дома Нью-Йорка. Среди них инженеры быстро нашли здание в сто этажей.

Последние минуты на пароходе прошли как в лихорадке. Прежде всего потерялись друзья-инженеры. Иммиграционный чиновник что-то громко и сердито говорил Тоне, держа в руках её паспорт. Тоня в это время быстро думала про себя:

"Ну, не пустят в Америку, ну, не надо, поеду домой, честное слово, нисколько не жалко". Но оказалось, что всё в паспорте правильно и что иммиграционный

чинóвник со все́ми разговáривает грóмко и серди́то. По-
то́м Говорко́вы, держа́сь за́ руки, как де́ти, сошли́ вниз
и попада́ли в большо́й тамо́женный зал, где бы́ло стра́шно
шумно. То́ня боя́лась, что в э́той толпе́ им не найт́и
своего́ багажа́. И уже́ ей бы́ло жа́лко своего́ но́вого
пла́тья, кото́рое Ко́стя купи́л ей в Пари́же за сто се́мьде-
сят ф́ранков, и фотогра́фий Ки́ли и Кла́вы.

Ко́стя расте́рянно бормота́л:

- Сейча́с мы возьме́м автомаши́ну и пое́дем пра́мо на
Пенсильве́ния стéйшен.

Внеза́пно чемодáны нашл́ись, и тамо́женный чинóвник
накле́ил на них ярлыќи. Все́ де́лалось само́ собо́й. Че-
модáны попада́ли на конве́йер и пое́хали вниз, в вестибу́ль.

Внизу́ то́же сто́ял крик. Крича́ли носильщи́ки, пас-
сажи́ры, продавцы́ газет. Крича́ли шофе́ры такси́, высóвы-
вая го́ловы из око́шек. Говорко́вых кто́-то толкну́л в
такси́ вме́сте с их багажо́м, и, ошеломле́нный, но не по-
теря́вший прису́тствия духа, Ко́стя крикну́л шофе́ру:

- Пенсильве́ния-сте́йшен!

То́лько че́рез полчаса́, уже́ си́дя в пу́льмановском ва-
го́не по́езда Нью-Йорк - Вашингто́н, То́ня сообрази́ла, что
прое́хала са́мый большо́й го́род в ми́ре. Но что э́то был
за го́род, она́ не смогла́ бы сказа́ть. В па́мяти оста́лся
то́лько грóхот и ста́рое такси́, в кото́ром игра́ло ра́дио.

Ко́стя был дово́лен. Вот и прие́хали, куда́ на́до,
и се́ли в тот по́езд, в како́й на́до бы́ло сесть. Одно́ его́

мучило всю доро́гу до Вашингто́на — ско́лько дать на чай кондуктору, кото́рый о́чень любезно уложил говорко́вские чемоданы в бага́жную се́тку и прико́лол биле́ты к спи́нкам кресе́л.

Впосле́дствии в́яснилось, что Ко́стя сде́лал мно́го оши́бок. Во-пе́рвых, сли́шком бы́стро соше́л с парохо́да и не подо́ждал курье́ра из ко́нсульства, прие́хавшего его́ встреча́ть; во-второ́х, купи́л доро́гой пу́льмановский биле́т, ко́гда по его́ зарпла́те ему́ сле́довало́ взять "коч"; в-тре́тьих, он дал кондуктору до́ллар, а на́до бы́ло дать че́тверть до́ллара.

На ва́шингто́нском вокза́ле Говорко́вых встре́тил секрета́рь посольства́ с же́ной. Все стра́хи ко́нчились.

Прие́хавших усади́ли в большо́ую посольску́ю маши́ну и повезли́ по широ́ким ва́шингто́нским у́лицам.

Же́на секретаря́, Ната́лья Па́вловна, показывала́ То́не на прекра́сные правите́льственные зда́ния и называ́ла их, но в То́ниной голо́ве бы́л уже́ по́лный сумбу́р. Парохо́д, волне́ния на при́стани, шу́мный Нью-Йорк, ста́рый негр в по́езде, тепе́рь Ва́шингто́н — э́того́ бы́ло сли́шком мно́го для одно́го дня.

Говорко́вым уже́ бы́ла пригото́влена ко́мната, о́чень чи́стая, бе́лая, с бе́лой ме́белью, с ва́нной и с со́бственной ма́ленькой ку́хней. Тут бы́ла краси́вая бе́лая га́зовая плита́ и рефрижерато́р. Все́ это ка́зало́сь та́ким привле́кательным, что То́не сразу́ захоте́лось заня́ться

хозяйством. Но их уже тянули показывать парадные комнаты посольства. Они переходили из зала в зал, шаги их были неслышны на толстых коврах. Тоня с удовольствием села в позолоченное кресло. Ноги уже не несли её.

Через полчаса, на вечеринке, которую секретарь устроил в честь новых членов маленькой советской колонии, Костя бойко говорил по-английски, что у него не выходило на "Маджестике", и всё время танцевал. Ему было так хорошо, будто он и не выезжал из Москвы. Он танцевал и с женой советника - Марьей Власьевной, и с секретаршей - американкой мисс Джефи, и хорошенькой Натальей Павловной. Тоня тоже танцевала, несмотря на усталость. Вообще всё было чудесно. Зашёл на минутку военный атташе, и все, кроме, конечно, Говорковых, принялись дразнить его, спрашивая, какое звание будет ему присвоено.

- Да вот жду, - отвечал атташе. - Сам ещё не знаю, кем буду. Хорошо, если в полковники произведут. Вы, товарищи, как видно, не представляете себе, что такое полковник. Это громадный чин по моим годам. Полковник в тридцать шесть лет!

Вечеринка была настоящая, московская. Гости сели за стол, на который было выложено всё, что нашлось в доме. И совсем уже по-московски стояли бутылки с нарязаном. В перерыве между танцами Говорков, томно

опустившись на диван, раздавил две граммафонных пластинки. И так же, как и в Москве, целый час стояли в передней, прощаясь, говоря друг другу: "Так вы заходите!" - "Обязательно". - "Да и вы к нам, смотрите".

Ночью у Тони началась рвота. Утром приехал доктор и сказал, что Тоня беременна.

Тонию уже на вчерашней вечеринке все называли Тонечкой, а когда стало известно, что у неё будет ребёнок, то её окончательно все полюбили.

Костя, начавший работу шифровальщика, сидел в своей шифровальной комнате по целым дням и лишь изредка забегал домой, чтобы поцеловать Тонию. Но Тоня не скучала.

На второй день вашингтонской жизни жена советника, Марья Власьева, большая, немного грустная женщина, повезла Тонию в Маунт Вернон посмотреть домик Джорджа Вашингтона.

Проехав по мосту тихую и широкую реку Потомак, они ощутились на многополосной дороге, которая проходила мимо больших красивых парков. По дороге Марья Власьева расспрашивала Тонию о её жизни в Москве. Она узнала всё про расфасовочную фабрику, где Тоня работала, про её подруг и про знакомство с Костей. Оказалось, что Тоня никогда не выезжала из Москвы. Она окончила только школу-семилетку, любила ходить в театр, играла роли в драматическом кружке и даже хотела стать

актрисой. Так мало произошло событий в жизни Тони, что за полчаса езды до усадьбы Вашингтона она успела рассказать о себе всё.

Марья Власьева равнодушно посмотрела на дом Вашингтона. Когда кто-нибудь приезжал в Вашингтон на один-два дня, его всегда возили в Маунт Вернон, и делала это обычно Марья Власьева как самая добрая.

Здесь было много туристов с фотоаппаратами на животах, которые всё время снимали. Тоня с Марьей Власьевой обошли маленькие комнаты со старинной мебелью, поднялись навёрх в спальню и увидели кровать, на которой отдыхал когда-то великий человек. Здесь было тихо, чисто, давно ушла отсюда бурная жизнь тех времён, когда создавались Соединённые Штаты Америки.

За домом был старинный парк, спускавшийся к реке. К пристани, которой пользовался ещё Вашингтон, вели дорожки. Туристы и здесь фотографировали своих жён и детей.

На обратном пути Марья Власьева сказала Тоне:

— Вам надо, Тонечка, сразу же чём-нибудь заняться. Может быть, учить английский язык, даже поступить в колледж. Или что-нибудь в этом роде. Всё-таки будете меньше скучать. Одного хозяйства вам не хватит, чтоб заполнить весь досуг.

— Почему же я буду скучать? Здесь очень интересно.

Мне кажется, что я никогда не буду скучать в Америке,
— ответила Тоня.

Она так восторженно сказала это, что даже грустноватая Мэрия Власьевна радостно улыбнулась.

И началась Тонина жизнь в Соединённых Штатах.

Утром Тоня шла в лавку, покупала немного зелени, заранее нарезанные бифштексы и упакованные в прозрачную бумагу булочки. Продавец уже знал её в лицо, называл её "леди", и достаточно было Тоне показать на что-нибудь пальцем, как он сразу догадывался о её желаниях.

В своей белой кухне Тоня ходила в тонком резиновом фартуке, который подарила ей на новоселье красивая и светская Наталья Павловна, и готовила обед для Кости. В холодильнике у неё, совсем по-американски, лежали три грейпфрута, яйца, бутылки с молоком, масло. Одна беда, готовить было так легко, что на приготовление обеда уходило не больше часа. Урок английского языка, к сожалению, тоже продолжался только час.

Костя много работал. Быстро пообедав, он снова уходил в свою шифровальную комнату, а Тоня выходила в общий коридор и стучалась к кому-нибудь в дверь, просясь в гости.

За неделю Тоня прочла все русские книги, которые достала у новых друзей. Люди сюда приезжали не на

всю жизнь — библиотеки их были в Москве, Ленинграде, Харькове, только не в Вашингтоне.

Сидя с мужем по вечерам, Тоня удивлённо говорила:

— Знаешь, Костя, мы живём здесь уже целых двенадцать дней.

— Что ты говоришь? — удивился Костя. — А я и не заметил.

Он не заметил, как прошло двадцать дней, потом двадцать пять.

Тоне из канцелярии принесли письмо. Оно было от Кили и Клавы, ответ на открытку с "Маджестика". И тут Тоня вдруг поняла, как далеко она заехала от Москвы.

Подруги были в восторге от фотографии "Маджестика". Они писали, что живут, как прежде, и посылали горячий привет. Тоня заплакала, неизвестно отчего — то ли от радости, то ли от печали, сейчас же села писать ответ и уже весь день ходила скучная, задумчивая.

Вечером Костя с женой и Натальей Павловной пошли в кино.

Кинозал был большой и красивый. По тёмному залу неслышно бегали девушки с электрическими фонариками, показывая вновь вошедшим свободные места. Здесь температура воздуха регулировалась автоматически. На улице была жара, воняло асфальтом и бензином, был

тяжёлый вашингтонский август, а в зале стоял апрель, даже пахло фиалками.

И в первый раз за всё время (они побывали в кино уже десять раз) Тоне не понравилась картина, хотя она была ничуть не хуже других картин — музыкальная комедия, сюжет которой заключался в следующем.

В большом мюзик-холле готовится новая программа. Две соперницы претендуют на главную роль в этой программе — красавица брюнетка с отталкивающим характером и красавица блондинка с привлекательным характером. Директор, комик, не знает, кому отдать предпочтение. Начинается соревнование. В конце концов блондинке удаётся доказать, что она танцует лучше и директор подписывает с ней контракт.

Когда Тоня в первый раз увидела подобную картину (только там блондинка была бедная провинциальная телефонистка, которая приезжает в Нью-Йорк и внезапно, без всякой подготовки, начинает танцевать лучше всех балерин на свете), она была очарована прекрасной техникой, чистотой фотографии и звука. Ей запомнились разные мелодии, их хотелось повторять. И приготавливая Косте брэкфест, она даже пела слабым голоском какие-то куплеты, — совсем американка в своём резиновом фартушке.

Но эта, десятая, картина ничего не добавляла к тому, что Тоня уже видела. Картина начала её как-то

раздражать. Тоня даже не понимала ещё, почему это так вышло.

В этот вечер Тоне многое вдруг не понравилось в столице. Вдруг она заметила, что улицы были без названий. Какая-то алгебра. Улица "М" угол 27-й, или 39-я угол "Б".

- Мы живём на углу А плюс В в квадрате, - сказал Костя. - Хоть бы назвали какую-нибудь улицу Гипотенузой. Всё-таки веселее было бы. Или, например, площадь Пифагоровых штанов.

- Говорков, не говорите гадостей, - сказала Наталья Павловна.

- А я считаю, - вмешалась вдруг Тоня, - что гадость - это улица "Ф", угол улицы номер один. Где вы живёте? Я живу на улице номер два. Очень интересно.

- Вы, Тонечка, не очень спешите со своими выводами, - сказала Наталья Павловна. - Алгебра алгеброй, а на этой самой алгебре стоят очень удобные дома.

- Да нет, я ничего такого не хочу сказать, - ответила Тоня. - Но у меня как-то сегодня вечером настроение неважное; наверное от картины. Позавчера была картина "Е", а сегодня - "Ф". Нет, не нужно больше ходить в кино. Давайте пойдём на будущей неделе в

театр. Посмотрим какую-нибудь серьёзную пьесу.

- Что вы, Тонечка, - сказала Наталья Павловна.
- В Вашингтоне нет ни одного театра. Зимой иногда приезжает на гастроли какая-нибудь труппа, даст несколько спектаклей и уедет. А постоянного театра здесь нет.

- В столице Соединённых Штатов, - с удивлением переспросила Тоня, - нет ни одного театра?

- Ни одного. Только кинотеатры.

- Прямо нахально с их стороны, - заметил Костя.

- С чьей стороны? - сказала спокойная Наталья Павловна. - Живут себе люди, как им нравится - вот и всё. Дётка, тут дело ясное. Если бы театр был выгоден - существовал бы театр. Но оказалось, что кино дело более прибыльное - и театра нет. Ясно?

- У них всё ясно, - сказал Костя. - Ничего, Тонечка, вернёмся в Москву, пойдём в Художественный театр.

Дома Тоня села дописывать письмо.

"Сейчас пришла из кино, где смотрела заграничную кинокартину. Она называется "Так думают девушки". Там много танцуют фокстроты, чарльстоны и другие западные танцы. Вообще было очень весело".

Тоня печально улыбнулась и приписала:

"Я очень смеялась".

Написать иначе было совестно.

Подруги так много ожидали от её заграничной жизни, что просто не поверили бы ей, подумали бы, что она ломается: и то ей не нравится, и это.

Осенью, когда на прекрасных улицах А, Б, В стали падать с деревьев листья, Тоня почувствовала, что её уже не развлекают ни кухня, ни английские уроки. Она стала просить Костю, чтобы он устроил ей какую-нибудь работу.

— Ты же знаешь, Тонечка, — смущённо говорил Костя, — у нас очень маленький штат. Мне даже говорить об этом неудобно. Вот, если бы мы жили в Нью-Йорке, тогда другое дело. Устроилась бы в Амтёрге. Потерпи. Кроме того, тебе уже скоро рожать, вот будет у нас мальчик ...

— Или девочка, — запальчиво вставила Тоня.

— Девочка? Тем лучше. Она вырастет, к ней будут ходить подруги, а я буду за ними ухаживать. Серьёзно, Тоня. Будет ребёнок — тебе станет веселее.

Предстояли большие расходы. Нужно было купить разные вещи для ребёнка: кроватку, коляску, ванночку и т.д. Кроме того, Тоне и Косте нужны были пальто. Молодые супруги решили экономить.

Ещё когда Говорко́вы ехали в Америку, они задумали из первого же жалованья купить проигрыватель с пластинками. Теперь от этого пришлось отказаться.

Тоня перестала ездить на уроки английского языка. в автобусе, и совершала этот путь пешком. Кстати, ей было полезно ходить. Она часто останавливалась у витрины музыкального магазина и рассматривала красивый проигрыватель. Ничего, не страшно — сначала ребёнок, потом проигрыватель.

Костя тоже был такого мнения. Вообще он не терял своей веселости. Только одно его огорчало. Он стал часто простуживаться.

— Привык я к московскому морозу, а здесь зимой тепло. Наверно, от этого, — объяснял Костя.

В январе два раза выпадал снег и сейчас же таял. Килья и Клава продолжали аккуратно писать короткие письма, в которых каждый раз сообщали, что ничего нового не произошло — ходят на каток, в клуб, собираются раз в неделю у Кили на вечеринки. За Клавой стал ухаживать член союза композиторов, командированный на фабрику для ведения музыкального кружка. Открылся зимний однодневный дом отдыха, и кто хочет, может ходить на лыжах. А Лена Бычкова сделалась стахановкой, перевыполнила все нормы и на Октябрьскую годовщину получила в подарок ленинградский проигрыватель и десять пластинок, в том числе "Спасибо, сердце" и "Гопак" из оперы "Сорочинская ярмарка" в исполнении

симфонического оркестра.

"Но тебе это, наверно, всё неинтересно, — писали Килья и Клава. — Ты, конечно, веселишься не так, как мы, и, наверно, нас уже забыла".

Тоне вдруг захотелось в однодневный дом отдыха, так захотелось посмотреть, как композитор ухаживает за Клавой, так захотелось попасть в клуб, что она весь день пролежала в постели. И когда Костя вечером стал звать её в кино, чтобы немного развлечь, она отвечала:

— Никуда я не пойду.

— Это же знаменитый фильм, — уговаривал Костя, — стоил два миллиона долларов. Я сам читал в "Вашингтон Пост".

— Хотя три миллиона. Отстань от меня, пожалуйста.

В конце января с Говорковыми произошло большое несчастье.

Обычно во время приёмов в посольстве, на которые приглашались представители искусства, науки и промышленности, Костя с непривычки чувствовал себя очень стеснённым. Он в смокинге стоял где-нибудь подальше, пил коктейль и много курил. Но в последний раз Костя вдруг осмелел и вступил в разговор с толстым, очень симпатичным американцем. Костя с удовольствием заметил, что уже довольно свободно говорит по-английски.

Не хватало только темы, не о чём, собственно, было говорить с этим американцем. Тут Косте вдруг повезло. Он вспомнил свои вечные простуды и стал жаловаться на вашингтонский климат.

- О, - сказал американец, - вы молодой человек. У вас этого не должно быть. Все простуды происходят от гланд. Их надо немедленно удалить. Поверьте моему опыту, мистер ...

- Говорков.

- Мистер Говорков. Я позволю себе, мистер Говорков, рекомендовать вам своего врача. Американец вытащил блокнот и что-то записал. Костя его поблагодарил.

Потом они выпили ещё несколько коктейлей и расстались очень довольные друг другом.

Придя домой, Костя с удовольствием рассказывал Тоне о своих успехах в английском языке.

- Всему понемножку учимся, - говорил Костя.

Утром Говоркова позвали в канцелярию к телефону, и незнакомый голос сообщил, что говорит секретарь мистера Саммерфильда.

- Слушаю, - с удивлением сказал Костя.

- Вы вчера имели беседу с мистером Саммерфильдом относительно доктора. Доктор с удовольствием приехал бы к вам, но так как удаление гланд - всё-таки операция, хотя и маленькая, то доктор просит вас заехать к

нему́ сегодня в пять часо́в дня.

Кóсте о́чень понравилась э́та чи́сто амери́канская аккура́тность.

В полови́не пя́того, ничего́ не сказа́в и попроси́в для шика́ у завхóза са́мый большо́й посóльский автомоби́ль, Кóстя поё́хал по запи́санному им а́дресу.

До́ктор о́чень понравился Кóсте. Во-пе́рвых, он абсолю́тно не́ был похо́ж на до́ктора. Э́то был элега́нтно одё́тый господа́ин. С кру́глым зе́ркалом на лбу, он был неверо́ятно краси́в и обая́телен.

Наде́в хала́т, до́ктор посмотре́л Кóстино го́рло и сказа́л, что лу́чше всего́ бы́ло бы гла́нды удали́ть, но что, вообще́ говоря́, мо́жно жить с гла́ндами. Но Кóстя, с горя́чностью, кото́рой сам от себя́ не ожида́л, заяви́л, что согла́сен расста́ться с гла́ндами. Уж о́чень ему́ надо́ели просту́ды.

То́тчас же в ко́мнате появи́лись ассисте́нт и мед-сестра́, и до́ктор в о́дин моме́нт вы́резал ми́стеру Го-ворко́ву гла́нды.

То́ня жалéла Кóстю. О́дин день он пролежа́л в постéли, хотя́ чу́ствовал себя́ прекра́сно. Лежа́л и ел то́лько моро́женое. Все́-таки э́то бы́ло собы́тие. То́ня чита́ла ему́ вслух газéты, и о́ба бы́ли сча́сливы.

Че́рез неде́лю на и́мя ми́стера Говорко́ва пришё́л в канце́лярию паке́т. Э́то был сче́т от до́ктора. Взгляну́в

на него, Костя ничего не понял. Счёт был на двести долларов.

- Тут какая-то ошибка, - сказал он Тоне и пошёл к Марье Власьевне узнать, что бы это могло значить.

- Конечно, какая-то чепуха, - сказала Марья Власьевна, - удаление гланд стоит долларов двадцать пять, не больше. Тут наверно, написано двадцать долларов, а лишний ноль попал по ошибке.

- Да и это дорого, - возмущался Костя, - это же громадная сумма, двадцать долларов. Ну, я ещё понимаю, четыре доллара или пять.

- Позвольте, позвольте, - сказала Марья Власьевна, надевшая очки и снова рассматривая счёт. - Вы у кого были? Как? Доктор Пичинелли? Кто вас к нему направил? Алексей Дмитриевич, зайдёте к нам на минутку. Тут прямо беда случилась с товарищем Говорковым.

В комнату вошёл советник. Он взял в руки счёт и с недоумением посмотрел на Костю.

- Слушайте, Говорков, какой дурак послал вас к Пичинелли?

- Во все не дурак, - обиделся Костя за своего нового друга, - а мистер Саммерфильд.

- Ну, знаете, - сказал советник, - вы бы хоть спросили кого-нибудь, посоветовались.

- А что тут советовать? - сказал Костя. - Это же пустяки, какая-то гланда.

- Гланда-то пустяки, а важно здесь, что доктор Пичинелли лечит очень богатых людей. А вы ещё попали к нему по рекомендации Саммерфильда, миллионера. Естественно, что он и вас считает миллионером.

- А я ещё приехал к нему на - "кадиллаке", - пробормотал Костя.

- Вы бы к нему ещё на "ройсе" приехали! - воскликнул советник. - Придётся вам заплатить двести долларов.

- Как двести? Марья Власьевна говорила: двадцать!

- Возможно, что эта операция стоит только двадцать долларов, но Пичинелли берёт за неё двести.

- Не буду я платить! - закричал Костя. - Это абсурд.

- Да, сказал советник, - всё это так, но платить придётся. Тут никаких разговоров не может быть.

- Это грабёж, - простонал Костя. - Да ведь если в Москвѣ рассказать - не поверят.

- Конечно, не поверят. Вы там в Москвѣ привыкли лечиться бесплатно. Но здесь нет советской власти. Это Америка. Будете знать на практике, что такое капитализм.

Доктор Пичинелли произвёл в бюджете Говорковых страшные разрушения. Чтобы ему заплатить, пришлось отказаться от зимних пальто, от коляски и чудной кровати, которую Тоня уже присмотрела в детском магазине. Кроме того, пришлось ещё взять авансом в счёт жалованья восемьдесят долларов. Это была настоящая катастрофа.

Как Тоня ни утешала Костю, сознание того, что он сделал глупость, заставляло его страдать. В светлой комнатке Говорковых сделалось грустно. Вместо замечательной кровати стояла самая обыкновенная люлька, какую покупают для своих младенцев бедные люди.

Денег не было ни копейки, а главное ещё было только впереди: Тоня готовилась рожать.

И опять всё было так не похоже на Москву, что Костя иногда даже хватался за голову. Почему в Москве всё происходило как-то просто, даже думать об этом не надо было? Подходит время — и рожает. И всё бесплатно.

И вообще в представлении Кости роды или болезнь никогда не были связаны с деньгами. Ну, рожает, ну болеет. Кто-то за всё это платит. Кажется, социстрах. Костя никогда об этом не думал.

После трагической истории с гландами Костя сделался осторожным. Он всё узнавал наперёд. Но от

этого ему не стало легче. Хотя Говорковы и выбрали недорогую больницу, всё-таки платить надо было много. В счёт ставили и предварительную консультацию, и сестру, и доктора, и лекарства, ну, одним словом, всё.

— Почему вы сердитесь? — говорила ей Мária Власьева. — Мы живём за границей десять лет. Мы уже привыкли.

Теперь Тóне уже ничего не нравилось. Не нравилось даже то, что совсем недавно казалось ей удобным и красивым. Ей не нравились прекрасные улицы, превосходные магазины, автомобили.

— Я уеду рожать в Москву, — говорила Тóня со слезами. — Честное слово. Вот увидите.

Но никуда она не поехала. Ребёнок родился всё-таки в Вашингтоне, и несмотря на долги, Говорковы очень радовались. Мальчик был большой и весил восемь английских фунтов, что, как всем докладывал Кóстя, равняется девяти старым русским фунтам. Назвали младенца Вóвкой. Как родившийся на американской почве, Вóва по законам мог стать американским гражданином, а впоследствии имел право быть избранным в президенты. Возможный президент Соединённых Штатов и юный советский гражданин, как и полагаётся, всё время спал.

В торжестве приняла участие вся колония.

Первой явилась Мária Власьева, толкая перед собой чудесную коляску, напоминавшую своими формами

междупланетный снаряд. Тоня, усталая, но счастливая, не удержалась и заплакала. Коляска была та самая, которую она видела в магазине.

Потом в передней раздался грохот. Это Наталья Павловна уронила кроватку, которую она купила вместе с женой морского атташе. И это тоже было то, о чём она мечтала. Каждому входящему Костя говорил:

- Товарищи, ну, зачем же! Такие расходы. Что вы, товарищи!

Он ещё больше растрогался, когда вошла совсем мало знакомая, молодая американочка мисс Джефи, которая работала в канцелярии секретаршей и ни слова по-русски не знала. Мисс Джефи подошла к коляске и тоненьким голоском сказала:

- Гау ду ю ду бэби?

Костя развёл руками и сказал:

- Ну, тут я уже ничего не могу сказать!

Мисс Джефи подарила младенцу резиновую игрушку и, улыбаясь, отошла.

Принесли цветы от посла, а через несколько минут пришёл и он сам. Посол торопился на дипломатический приём, был во фраке и держал в руке цилиндр. Он постоял минуту над кроваткой новорождённого, поздравил Говорковых и сказал:

- Прекрасный ребёнок. Теперь, Тонечка, вам уже

нельзя́ будет скучать. Придётся развлекать́ этого ма-
ленького джентльмена.

Так онó в пёрвое время́ и было. Неизвёстно, кто
кого́ развлека́л — То́ня ли Во́вку, или он её, то́лько вре-
мя пошло́ незамётно.

Лётот поехать́ с Во́вкой на да́чу не удало́сь — ока-
за́лось до́рого. Ко́стя то уверя́л То́ню, что Вашингто́н
сам по себе́ да́ча и ехать́ никуда́ не на́до, то вдруг на-
чина́л сердито́ говорить́, что пусть Мо́рган е́дет на да́чу,
но́хает там чи́стый во́здух, а они́ уж ка́к-нибудь проведу́т
ду́шное ле́то в э́том симпатичном го́роде, где двести́
пятьдеся́т ты́сяч автомо́билей без перерыва́ наполня́ют
во́здух бензи́новыми испаре́ниями.

Это́ было́ тяжёлое́ ле́то, и То́ня на це́лые дни уво-
зи́ла Во́вку в его́ "межпланётном снаряде́" в прекра́сный
парк по друго́ю сто́рону реки́ Пото́мак.

О́сенью пришло́ то́лстое письмо́ от Ки́ли и Кла́вы.

"Здра́вствуй, То́ня, — писа́ли подру́ги, — почему́ от
тебя́ так до́лго ничего́ не слы́шно? Мы так и зна́ли, что
ты про нас забу́дешь в своёй Аме́рике. Но мы тебя́ вче-
ра́ воспомина́ли и всё-таки́ реши́ли написа́ть. У нас нет
ничего́ но́вого, живём как жи́ли, без осóбых интере́сов.
Ты, наве́рно, чита́ла в амери́канских газе́тах, что в
Москве́ откры́лся теа́тр На́родного твóрчества. У нас на
фа́брике ещё́ весно́й образова́лся самоде́ятельный кол-
лекти́в, и на про́шлой неде́ле он выступа́л в э́том теа́тре.

Исполнили несколько русских танцев. Страшно было, просто ужас. И Килья танцевала sólo с тов. Передышкиным. А так ничего нового нет, только я, Клава, вышла замуж за композитора, который руководит у нас музыкальным кружком. Его зовут Миша Григорьев. Пока он ещё кандидат в члены Союза композиторов, но его обязательно примут, так как он пишет симфонию из моей жизни. Он сказал мне, что я представляю тип новой женщины. Вообще он очень веселый и всё время над всеми смеётся. И я его люблю довольно сильно. В общем, как видишь, ничего особенного у нас не происходит. В августе мы вдвоём поехали с экскурсией в Крым. Мы обошли весь южный берег и подымались на Ай-Петри. Такой там ветер был на вершине, ужас. Но восход солнца действительно прекрасный. Мы уже все взрослые. Киле уже девятнадцать лет, а мне скоро будет восемнадцать. Просто ужас. По этому случаю у нас будет большая вечеринка. Жаль, тебя не будет. Жаль, что мы ещё не видели твоего Вову. Он, наверно, красивый мальчик, и мы шлём ему сердечный привёт. Тонечка, ты веселись, но всё-таки нас не забывай. Твой К. и К.

Прочитав письмо, она заплакала. Почему она сейчас не в Москве, а в этом провинциальном Вашингтоне!

В Москве у неё всегда было много дел, и никогда

не было времени. Она вспомнила, что всегда куда-то торопилась, боялась опоздать. И дела были какие-то интересные, весёлые. А здесь она жила, как в больнице - чисто, удобно, и так хочется на свободу.

Когда Костя вернулся, Тоня ещё плакала. Говорков ужасно испугался. Тоня была всегда сдержанным и терпеливым человеком, никогда ни на что не жаловалась. И тут Костя прочёл письмо и сразу понял, что Тоня несчастна и надо что-то сделать.

Встревожена была вся маленькая советская колония.

- А всё потому произошло, - говорил советник, - что на Тонечку обращали мало внимания.

- Если бы у неё была работа, или если бы она училась, то было бы легче, - сказала Наталья Павловна.

- Оставьте, пожалуйста. Легко вам говорить, когда у вас нет детей. Вам хорошо, вы скоро колледж кончите. Нет, с Тонечкой что-то надо сделать. Но что, никто не знал.

Тоня уже не скрывала своего отчаяния, ходила заплаканная.

- Я её отлично понимаю, - говорил военный атташе. - Этому, товарищи, есть специальное название. Ностальгия. Тоска по родине. В конце концов мы все этим больны. Все мы живём тем, что когда-нибудь отсюда уедем. Честное слово, товарищи, если бы мне сказали,

что я здесь должен остаться на всю жизнь, — я, вы знаете, товарищи, восемь лет воевал и человек не сентиментальный, — я бы заплакал. Что же вы хотите от Тонечки, которая привыкла к советским условиям жизни? Конечно, ей здесь трудно.

Костя всячески старался проводить дома как можно больше времени. Он заставлял Тоню ходить в кино, а сам оставался с Вовкой.

В кино Тоня ходила с милой, всегда приветливой и весёлой мисс Джеффи. Тоня очень подружилась с ней. После кино они заходили вместе в аптеку, ели мороженое и разговаривали. Тоня ещё не очень свободно говорила по-английски, поэтому они часто друг друга не понимали и, найдя ошибку, долго и сердечно смеялись.

Тоня рассказывала о своей жизни в Москве, о своих подружках Киле и Клаве, рассказала однажды, что они недавно были в Крыму.

— Краймиа! — воскликнула мисс Джеффи. — Но ведь это очень далеко от Москвы.

— Ну, что ж такое? — сказала Тоня. — Они были в отпуске. С экскурсией.

— Они поехали туда на автомобиле?

Тоня даже засмеялась.

— Что вы, мисс Джеффи! Откуда у них автомобиль?

Потом, у нас ведь пока нет таких хороших дорог, как у вас. В Крым едут поездом. Очень удобно и быстро. А уж в самом Крыму есть всё для туристов - и автобусы и специальные туристские базы. Вот вам хорошо, Линни. У вас превосходные дороги, автомобили. Вы, наверно, уже объездили всю Америку.

К удивлению Тони, мисс Джеффи сказала, что не только не объездила Америки, но даже ни разу не была в Нью-Йорке, хотя до него лишь четыре часа. Была она только в Филадельфии, в гостях у тети, провела у неё Рождество.

- Это не так-то легко, Тониа, - сказала мисс Джеффи. - Чтобы поехать в Калифорнию или во Флориду, надо много денег и времени.

Американка всегда провожала Тонию домой и поднималась с ней навёрх, чтобы посмотреть ребёнка. И всегда они видели одну и ту же картину: Вовка спал, а рядом с ним сидел серьёзный Костя и читал "Вашингтон Пост".

Мисс Джеффи наклонялась над кроваткой и говорила: "Гуд найт, бэби", - и уходила домой.

На Октябрьскую годовщину Тоне был приготовлен большой сюрприз. Вся колония снова и долго обсуждала судьбу Тони, и все единогласно решили, что за Вовкой будут смотреть Мэрья Власьева и Костя, а Тоня с Натальей Павловной поедут на два дня в Нью-Йорк

и праздник проведут среди сотрудников Амтёрга.

Программа была очень интересная. Утром седьмого ноября они отправятся на детский праздник в советскую школу, днём будут осматривать город, а вечером состоится торжественное заседание и танцы в генеральном консульстве. Там будет человек триста советских людей. После скучного Вашингтона поездка в Нью-Йорк казалась почти поездкой на родину.

Приехали вечером шестого числа и ночевали у друзей Натальи Павловны. Это были пожилые люди, муж и жена Ведмёдевы. Тоня им обрадовалась, словно это были её дядя и тётя. Ведмёдевы сейчас же повели молодых женщин на Бродвэй. От бродвэйского света и шума Тоня затихла. Гуляли долго, и всё это время супруги смотрели на Тоню с таким видом, будто это они, Ведмёдевы, зажгли над Бродвеем миллиарды электрических огней и сами построили небоскрёбы.

После прогулки ужинали у гостеприимных хозяев. Молодые женщины уже собирались идти спать, когда в комнату вошёл одиннадцатилетний мальчик и серьёзно сказал с лёгким английским акцентом:

— А теперь вы можете осмотреть мои игрушки.

Он, как видно, терпеливо ждал конца ужина.

Игрушек было много, но все они представляли собой огнестрельное оружие: револьверы, ручные пулемёты, маленькие винтовки.

- Вот так он целый день и стреляет - жаловался старый Ведмёдев. - Американские мальчики только этим и занимаются. Других игр у них нет. Просто с ума сошли. Бегают в кино смотреть гангстерские картины, а потом сами изображают бандитов. И мой Ленька туда же.

- Нет, я только в свободное от школьных занятий время, - серьёзно ответил мальчик.

- Школу мы устроили хорошую, - продолжал Ведмёдев. - Не пожалели денег. Но ведь после школы не запрешь его дома. Особенно этот Дэвид, сын парикмахера, обучает моего сына.

- Ты ошибаешься, папа, - серьёзно сказал Ленька, - Дэвид хороший мальчик. Тут виноваты условия капиталистического общества.

- Слышали? - радостно закричал Ведмёдев. - Это уже влияние нашей школы. А рядом с этим игрушечные пулемёты. Какой у меня мальчик вырастет в этой Америке, я даже не понимаю.

- Ох, - простона́ла Ведме́дева, - скорей бы уж до-
мой, в Ха́рьков!

У́тром поехали в Бру́клин. По коридо́рам и ле́стни-
цам шко́лы бе́гали де́ти с кра́сными пионе́рскими га́лсту-
ками. Все́ шло там так, как бу́дто вокру́г не́ было ни-
како́го Нью-Йо́рка и что торже́ство происхо́дит где-нибу́дь
в СССР, то́лько малы́ши из пе́рвого кла́сса, говори́ли
по-ру́сски с насто́ящим нью-йо́рским акце́нтом, что сви-
де́тельствова́ло о том, что де́ло все́-таки происхо́дит
не в Москве́.

Торже́ственное собра́ние нача́лось в са́мом большо́м
кла́ссе. Председа́тель Амто́рга сказа́л коро́ткую речь, в
кото́рой объясни́л де́тям, что за день они́ пра́зднуют.
Пото́м выступáл генера́льный ко́нсул, речь кото́рого все́
вре́мя прерывáл его́ двухле́тний сын Ви́тя.

- Па́па, я хочу́ к тебе́!

Он крича́л до тех пор, пока́ ему́ срóчно не пона́-
добило́сь в́йти. То́лько это́ обстоя́тельство да́ло ко́н-
сулу возмо́жность зако́нчить свою́ речь.

- А тепе́рь, това́рищи, - сказа́л заве́дующий шко́-
лой, - присту́пим к весе́лью.

Нача́лись выступле́ния дете́й. Са́мые ма́ленькие
деклами́ровали англи́йские стихи́, бо́лее взро́слые пе́ли
хо́ром ра́зные ру́сские пе́сни и да́же разыгра́ли коро́ткую
пьёсу.

Затём лучшим ученикам начали давать подарки. Лёня Ведмёдев тоже получил подарок. Но про него завё-
дующий школой сказа́л, что он учи́лся то́лько хоро́шо,
в то вре́мя как по спосо́бностям мог бы учи́ться отли́ч-
но. Тогда́ Лёня вѣступил вперѣд и, держа́ в руках́ две
кни́ги Дже́ка Ло́ндона на англи́йском языке́, кото́рые ему́
поднесли́, серьёзно сказа́л:

— Тепе́рь я обещаю́ учи́ться отли́чно, потому́ что
у меня́ действите́льно хоро́шие спосо́бности.

Все ста́ли смея́ться.

Вече́ром ста́ли весели́ться и ве́рбслые. Торже́ствен-
ное заседа́ние открѣлось в большо́м за́ле ко́нсульства.
Пришли́ все, кто то́лько мог яви́ться. И сотру́дники
Амто́рга, и инже́неры, находя́щиеся в командиро́вке по
разли́чным техни́ческим дела́м, и кома́нда сове́тского па-
рохода́, кото́рый неда́вно пришѣл из СССР и стоя́л в нью-
йо́ркском порту́.

Сно́ва председа́тель Амто́рга сказа́л речь; ко́нсул
то́же говори́л о́пять, но никто́ не меша́л ему́ на э́тот ра́з,
потому́ что Вѣтя уже́ спал. Хоро́шо бы́ло в э́тот вече́р.

По́сле официа́льной ча́сти, как во́дится, начала́сь
неофициа́льная. До́лго танцева́ли, ве́село и шу́мно. То́-
ня весели́лась, как когда́-то у себя́ на пе́рвой расфа́с-
вочной фа́брике. Е́сли бы то́лько её подру́ги Ки́ля и Кла́-
ва э́нали, что она́ танцу́ет в пе́рвый ра́з за всю свою́

американскую жизнь. Ничего бы они не поняли и, наверно, очень удивились бы.

Вашингтонские красавицы, Наталья Павловна и Тоня, пользовались большим успехом. В соседнем зале на длинных столах стояли закуски, водка, нарзан. Но Тоня ничего не ела и не пила. Не было времени: её всё время приглашали танцевать и ей жалко было отказываться. Когда-то она ещё увидит живых людей в таком количестве!

Вдруг она заметила в толпе своих старых знакомых — трёх неразлучных инженеров, с которыми когда-то Говорковы познакомились на "Маджестике". И они её увидели и сразу узнали.

— Ну, как "левая"? — уже заранее хохоча, спросила Тоня.

— Замечательно! — в один голос ответила троица. — Всё в полном порядке. Олл райт.

— Гау ду ю лайк Америка? — спросила Тоня.

Она ожидала услышать знакомое: "А Бог с ней, с этой Америкой. Скорее бы уж попасть домой". Но, к её удивлению, молодые инженеры в один голос закричали:

— Замечательная страна. Отличная техника. А как работают!

— Честное слово, посмотришь на какой-нибудь завод — и как всё у них просто получается. А за этой простотой такая организация производства, что нет слов, ну, я вас уверяю, Тоня, просто нет слов.

- Мы тут кое-чему научились. У них есть чему учиться.

Вообще от встречи с Тоней они были в полном восторге. Они, перебивая друг друга, рассказывали о своей работе, о поездках, часто вставляли английские слова и целые фразы, мешали друг другу. С Тоней они танцевали по очереди.

На другой день вечером американизировавшиеся молодые люди явились к Ведмедевым и потребовали, чтобы Тоня и Наталья Павловна пошли вместе с ними "развлекаться".

- Надо, надо развлекаться, - деловито говорили они. - Что же, мы так и уедем ничего не увидев? Просто безобразие. Полтора года работали в этой Филадельфии, как звери, позавчера приехали, а завтра уже уезжаем.

- Снова в Филадельфию? - спросила Тоня.

- Какая там Филадельфия, - радостно сказал инженер с усиками. - Домой, а не в Филадельфию! Я - в Москву, Коля - в Свердловск, а Семён - в Златоуст.

Завтра в два тридцать садимся на "Иль-де-Франс". Сбрею свои знаменитые усики, и уже через девять дней в Москве.

Инженерам очень хотелось "развлекаться", но они не знали, как и где это делается. Помочь им взялся

ста́рый Ведме́дев.

- Сла́ва Бо́гу, - объясни́л он, уже́ пять лет в Нью-Йо́рке и зна́ю его́ о́чень хоро́шо. Снача́ла мы е́дем в Га́рлем, негритя́нский райо́н, и зайдём в како́й-нибу́дь "найт-клуб", где́-нибу́дь в райо́не 126-о́й у́лицы. Или, ка́жется, 127-о́й. Там на ме́сте разберёмся.

- Ся́дем в такси́! - крикну́л инже́нер с у́сиками. - В че́м де́ло? Веселі́ться, так веселі́ться!

Но ста́рый Ведме́дев не допу́стил э́того.

- Слу́шайте меня́, ста́рого нью-йо́рка. В такси́ бу́дем е́хать це́лый час. Вы нахо́дитесь в го́роде, где це́лый миллио́н автомоби́лей. Сле́довательно, по́льзоваться автомоби́лем здесь бессмы́сленно. Э́то са́мый ме́дленный вид тра́нспорта. Ся́дем в "собве́й", и бу́дем в Га́рлеме че́рез пятна́дцать мину́т.

Но́чью Га́рлем со свои́ми безнаде́жно прямы́ми, грязноваты́ми и сла́бо освещёнными у́лицами всё-таки со́здал у экскурсáнтов впечатле́ние та́йны. На Се́дью́ авеню́ светі́лись электри́ческие рекла́мы но́чных рестора́нов.

В конце́ концо́в друзья́ попада́ли в но́чное заведе́ние под назва́нием "Чёрная ко́шка". Ста́рик Ведме́дев сна́чала заше́л оди́н и, узна́в, что шампа́нского здесь мо́жно не тре́бовать и что обяза́тельный зака́з равняется двум до́ллара́м на челове́ка, пригласи́л всех войти́.

Компа́ния вошла́ в небольшо́й зал, посре́дине кото́рого помеща́лась площа́дка для та́нцев. Люде́й бы́ло ма́ло,

только шесть-восемь столиков были заняты. Любезный негр отвёл компанию к столику у самого барбера.

Опытный Ведмёдев заказал для всех "джин-фис", крепкую смесь джина с лимонным соком.

- Развлекайтесь, - уговаривал он. - Всё равно, даже если вы закажете только содовую воду, возьмут по два доллара с человека. Так что пейте.

На эстраде заиграл негритянский джаз; на площадке выбежал невероятно толстый мулат в цилиндре и быстро застучал ногами в лаковых туфлях. За ним выскочило несколько голых мулаток с перьями на поясе. Они тоже стучали каблукáми и вращали бёдрами. Потом три негра в белых цилиндрах виртуозно отбивали чётку.

Ведмёдев заказал вторую порцию "джин-фиса". Инженеры тихо сидели и иногда подмигивали друг другу, как бы говоря: "Здорово мы развлекаемся".

Когда вышли на мокрую и темную улицу, Семён из Златоуста бодро сказал:

- Теперь всё в порядке. Программа выполнена полностью. Если спросят, будет что ответить. Не только учились на заводе. Видели и кое-что другое.

Прощались долго. Семён всё уговаривал Тонию обязательно съездить в Златоуст, который якобы необычайный город.

- Чего вы тут сидите? - доказывал он. - Зачем вам Америка? Ведь тут страшная скука.

Все трое повернули в сторону своего отеля, и долго ещё над тихими "стритами" слышался их шумный разговор.

Вернувшись в Вашингтон, Тоня нашла, что Вовка немного вырос, хотя она не видела его только два дня. Но вообще больше ничего не изменилось, и Тонина жизнь сделалась ещё труднее. За два нью-йоркских дня Тоня от всего отвыкла. Надо было привыкать с самого начала. Но Тоня чувствовала, что никогда не привыкнет к американской жизни.

Она завидовала мисс Джеффи, всегда весёлой и энергичной.

"Ей хорошо, - думала Тоня, - она у себя на родине".

Тоня не любила жаловаться посторонним людям, но

однажды вѣчером, когда Кóстя ушёл разбирáть диплома-
тическую пóчту, а Вóвка ужé спал, она́ рассказáла мисс
Джéфи о своей тоскé.

Обычная улыбка сошла́ с лица́ мисс Джéфи. Она́ с
удивлénием смотре́ла на Тóню, дóлго молча́ла и сказа́ла
наконéц:

- Дорога́я Тóния, вы счастливая молодáя жéнщина.
Да, Амériка о́чень скучная страна́. Но ведь вы в кон-
це́ концов отсю́да уéдете. Мне х́уже чем вам, Тóния.
Мне да́же éхать нéкуда. Э́то моя́ рóдина. Куда́ я могу́
поéхать? Я проживу́ здесь всю́ свою́ жизнь. Я, на-
вёрно, никогда́ не вй́ду за́муж. Мужчи́ны не лóбят же-
ниться. Э́то дóрого.

Тёплая мо́края зима́ подходила́ к концу́.

Как-то тёмным у́тром, Тóня подошла́ к окну́ и уви-
дела, что идёт снег. Он б́ыстро тáял и лежал́ то́лько
на кры́шах автомоби́лей. Всё шло́ обы́чно. Кóстя позав-
тракал и ушёл. Вóвка, как всегда́, не хоте́л мы́ться и
пла́кал. Предсто́ял обыкнове́нный день.

И вдруг Кóстя верну́лся. Он верну́лся назад так
скóро, что вряд ли успе́л дойти́ до канцеля́рии. Но
нет. Он был там. И да́же принёс оглуши́тельную но́-
вость. Его́ перево́дят в Москвú.

- Тут я ужé ничего́ не могу́ сказа́ть! - возбуж-
дённо крича́л он.

Вот и всё. Так просто, неожиданно, а главное быстро решилась Тóнина судьба. Вóвка не мог понять откúда пришло к нему такое счастье: ма́ма так и не помы́ла его в это у́тро, и он весь день гулял с немýтой физионо́мией, спотыка́ясь о разло́женные на полу́ чемоданы, таща́ за собо́й ма́мины пла́тья и па́пины галстуки.

Че́рез две неде́ли по́езд Пари́ж — Негорéлое вы́шел с по́льской ста́нции Столбцы́ и двину́лся к сове́тской гра́нице.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ТО́НЯ"

одновременно	simultaneously, at the same time
носильщик	porter
<u>стесняться</u> постесняться	to feel shy, be ashamed
уныло	despondently, dolefully
<u>завидовать</u> позавидовать	to envy
<u>поправлять</u> поправить	to correct
скромно	modestly
смотре́ться в зёркало	look at oneself in the mirror
его́ му́чило	he felt unhappy
тайнственный	mysterious
расфа́сочная фа́брика	packing factory
<u>упако́вывать</u> упако́вать	to pack
со́да	baking soda
шаф́ран	saffron
тоскли́во	drearily, sadly
жу́тко	awesome, weird, eery
ве́рхом	on horseback
молодожёны	newlyweds
сле́дить	to watch
<u>возника́ть</u> возни́кнутъ	to arise, spring up, appear

политгра́мота	rudiments of political knowledge
ме́няться	to change
тамо́женник	customs official
жандáрм	gendarme
грубова́т	somewhat rough, rude
торопли́в	harried, hasty
тамо́женный	customs
чино́вник	official, clerk
полага́ется	it is the custom
суро́вость	severity
<u>устрáиваться</u> устро́иться	to establish oneself, settle
<u>сграни́чиваться</u> ограни́читься	to limit (oneself)
дли́ться	to last
танцева́ть	to dance
пока́чиваться	to rock
<u>стиха́ть</u> стихну́ть	to calm down
супру́ги	husband and wife
одина́ковый	identical, same
состо́яться	to take place
<u>расстава́ться</u> расста́ться	to part
беспо́мощно	helplessly
<u>сознава́ться</u> созна́ться	to admit, confess

<u>применя́ть</u> примени́ть	to apply, use
науга́д	at a guess, at random
<u>ты́кать</u> ткну́ть	to poke, point
недо́разуме́ние	misunderstanding
сме́ло	boldly, bravely, fearlessly
внеза́пно	suddenly, all of a sudden
смúтно	vaguely, dimly
де́йствующее ли́цо	character (in a play)
любо́вник	lover
принимáть уча́стие	to take part, participate
смо́кинг	dinner jacket
у́жас	horror, terror
утвержда́ть	to insist, affirm
<u>влю́бля́ться</u> влю́бится́	to fall in love (with)
изображе́ние	picture, representation, portrayal
грома́дный	huge, enormous
<u>накле́ивать</u> накле́ить	to paste, stick
иммиграцио́нные вла́сти	immigration authorities
трап	ship's ladder
вперё́д	ahead
ма́лый ход	slow speed
прошли́ как в лижора́дке	were feverish

<u>пуска́ть</u> пусти́ть	to allow, permit
че́стное сло́во	word of honor
стра́шно шу́мно	awfully noisy
бормота́ть	mumble, mutter
я́рлы́к	label, tag
вестибу́ль	entrance hall, lobby
<u>высо́вывать</u> вы́сунуть	to show oneself, lean out, put out
<u>ошеломля́ть</u> ошеломи́ть	to stun
прису́тствие ду́ха	presence of mind
<u>сообража́ть</u> сообрази́ть	to understand, grasp quickly, consider
гро́хот	roar, thunder, crash
<u>дава́ть</u> на чай да́ть	to give a tip
<u>прика́лывать</u> приколóть	to pin, fasten
любе́зно	politely, kindly
<u>выясня́ться</u> выясни́ться	to find out, determine, clarify
посо́льство	embassy
сумбу́р	confusion
привлекáтельный	inviting, attractive
позолоти́ть	to gild
бо́йко	fluently
сове́тник посо́льства	councillor of the embassy

<u>дразнить</u>	to tease
<u>подразнить</u>	
нарзан	kind of mineral water
раздавить	to crush, smash
рвота	vomiting
быть беременной	to be pregnant
шифровальщик	cipher clerk
окончательно	finally, once and for all
очутиться	to find oneself
кружок	circle
драматический кружок	dramatic circle
усадыба	country estate
равнодушно	indifferently
старинная мебель	antique furniture
бурная жизнь	turbulent life
пристань (f.)	pier, landing-stage, dock, wharf
дорожка	walk, path
досуг	leisure, spare time
восторженно	enthusiastically
резиновый фартук	rubber apron
светский	worldly
светская женщина	woman of the world, woman of fashion
новоселье	housewarming
одна беда	the trouble is that ...
<u>стучаться</u>	to knock
<u>постучаться</u>	
восторг	delight, enthusiasm

электрический фонарик	flashlight
вновь	anew, again
вонять	to stink
фиалка	violet
сюжет	subject, topic
соперница	rival
отталкивающий характер	unpleasant personality
привлекательный характер	pleasant personality
предпочтение	preference
подобный	similar, like
она была очарована	she was charmed
куплет	verse, couplet
<u>раздражать</u> <u>раздражить</u>	irritate, annoy
гипотенуза	hypotenuse
Пифагоровы штаны	Pythagorean pants (Pythagorean proposition)
не говорите гадостей	don't be nasty
вывод	conclusion
пьеса	play
гастроль (f.)	tour
спектакль	play
нахально	indecent (ly)
прибыль (f.)	profit
совестно	shame
ломаться	to pose, clown

смущённо	with confusion, shyly
рожа́ть	to give birth
Амтóрг	Amtorg Trading Corporation
уха́живать	to court, look after
<u>перевыполня́ть</u> <u>перевыполнить</u>	to exceed
отста́нь от меня́	leave me alone
приём	reception
стеснённый	straitened, be hard up
глáнда	tonsil
<u>уделя́ть</u> <u>уделить</u>	remove, ablate
для ши́ка	to impress
обая́телен	charming
хала́т	doctor's gown
горя́чность (f.)	warmth
чепуха́	nonsense
грабе́ж	robbery
разруше́ние	destruction
<u>утеша́ть</u> <u>утешить</u>	to comfort
лю́лька	cradle
младёнец	baby, infant
ро́ды	childbirth, delivery
соцстра́х (социа́льное страхова́ние)	social insurance
ю́ный	youthful

растрога́ться	be (deeply) moved, touched
<u>разводи́ть</u> рука́ми	to make a helpless gesture
<u>развести́</u>	
игру́шка	toy
фра́к	tailcoat
цили́ндр	top hat
ду́шный	sultry
испа́рение	exhalation, evaporation
наро́дное твóрчество	people's art
самоде́ятельный коллекти́в	amateur troupe
сде́ржанный	restrained, reserved
встрево́жить	to worry, make uneasy
отча́яние	despair
вся́чески	in every possible way
<u>накло́наться</u>	to bend
<u>наклони́ться</u>	
единогла́сно	unanimously
небоскре́б	skyscraper
гостепри́имный	hospitable
<u>стона́ть</u>	to moan, groan
<u>простона́ть</u>	
<u>присту́пать</u>	to start
<u>приступи́ть</u>	
высту́пление	performance
<u>деклами́ровать</u>	to recite
<u>продеклами́ровать</u>	
<u>разы́грывать</u>	to play, perform
<u>разыгра́ть</u>	

способнóсть (f.)	ability, aptitude
вѣстóупитъ вперѣд	to come forward
<u>подносѣть</u> поднести	to present
как вóдится	as usual
развлéкаться	to have a nice time
разберёмся	will see
подпéвать	to join in a song, echo
смéсь (f.)	mixture
каблѣк	heel
вращáть	to turn, rotate, revolve
бедрó	hip, thigh
подмѣгивать	to wink
скѣка	boredom
тоскá	melancholy, depression
оглушѣтельная нóвость	terrific news
спотыкáться	to stumble

Константин Георгиевич,

ПАУСТОВСКИЙ

1892 - 1968

Константин Георгиевич Паустовский - известный советский писатель. Родился в Москве. Сначала учился в Киевском университете, а потом перевёлся в Московский университет.

Жизнь его была весьма разнообразна. До первой мировой войны работал рабочим и кондуктором трамвая. Во время войны был санитаром, матросом, репортёром и редактором газет.

Первое свое произведение Паустовский напечатал в 1912 г., профессиональным писателем стал в 1927 году. Повести его проникнуты романтикой покорения природы: "Кара-Бугаз", "Чёрное море", "Повесть о лесах", "Рождение моря". Он также писал исторические и биографические повести: "Судьба Шарля Лонсевиля", "Тарас Шевченко" и др.

К циклу автобиографических произведений принадлежат: "Далёкие годы", "Повесть о жизни", "Бросок на юг", "Книга скитаний" и др.

Нужно отметить, что Паустовский, будучи писателем досоветской формации, был сравнительно сдержан в применении в своих произведениях навязчивой советской пропаганды, которая обязательна для современных советских писателей.

СНЕГ

по К.Г. ПАУСТОВСКОМУ

Старик Потапов умер через три месяца после того, как Татьяна Петровна въехала в его дом. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой няней.

Маленький дом — всего в три комнаты — стоял на горе, над рекой, на самом въезде из города.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к маленькому городу.

"Какая я дура! — думала Татьяна Петровна, — зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няне в Пушкино — там не было никаких налетов, — а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!"

Но возвращаться в Москву было уже поздно. Татьяна Петровна решила выступать в госпиталях — их было несколько в городе — и успокоилась. Город начал ей даже нравиться, особенно, когда пришла зима и покрыла всё снегом. Привыкла она и к дому, и к расстроенному пианино, и к старым фотографиям на стенах, которые изображали корабли береговой обороны. Старик

Потапов был когда-то корабельным механиком. На его письменном столе стояла модель крейсера "Громобой", на котором он плавал. Варе не разрешали трогать эту модель. И вообще не разрешали ничего трогать.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын моряк, что он сейчас в Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его фотография. Иногда Татьяна Петровна долго смотрела на неё. Ей казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, ещё до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Моряк смотрел на неё спокойными, немного насмешливыми глазами, будто спрашивал: "Ну что же? Неужели вы так и не помните, где мы встречались?"

- Нет не помню, - тихо отвечала Татьяна Петровна.

- Мама, с кем ты разговариваешь? - кричала из соседней комнаты Вара.

- С пианино, - смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходить письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна клала их на письменный стол.

Однажды ночью Татьяна Петровна проснулась, накинула халат и пошла в кабинет. Она зажгла свечу на

столé и сéла в крéсло. Потóм она́ осто́рожно взяла́ одно́ из пи́сем, распеча́тала его́ и нача́ла чита́ть.

"Милый мой старик, — читала Татьяна Петровна, — вот уже́ ме́сяц, как я лежу́ в го́спитале. Ра́на не о́чень тяжёлая и уже́ зажива́ет. Ра́ди Бо́га, не волну́йся и не кури папи́росу за папи́росой. Умоляю!"

"Я ча́сто вспомина́ю тебя́, папа, — чита́ла да́льше Татьяна Петро́вна, — и наш дом, и наш городо́к. Все́ это́ где-то о́чень далеко́, как бу́дто на краё́ света. Я закрыва́ю глаза́ и тогда́ ви́жу: вот я открыва́ю калитку, вхожу́ в сад. Зима́, снег, но доро́жка к ста́рой бесéдке над обры́вом расчи́щена, а кусты́ сирéни все в и́нее. В ко́мнатах тепло́. Пиани́но, наконец, настро́ено, и ты вста́вил в подсвёчники жёлтые́ свёчи — те, что я привёз из Ленингра́да. И те же но́ты лежа́т на пиани́но: увертю́ра к "Пи́ковой да́ме". Звони́т ли колоко́льчик у дверей? Я так и не успе́л его́ почини́ть. Неужели́ я всё это́ уви́жу о́пять? Эх, е́сли бы ты знал, как я полюбил всё́ это́ отсю́да, издали! Ты не удиви́ляйся, но я говорю́ тебе́ соверше́нно серьёзно: я вспомина́л об это́м в са́мые стра́шные мину́ты бо́я. Я знал, что защища́ю не то́лько всю́ страну́, но и наш ма́ленький дом — и тебя́, и наш сад, и да́же ко́та Архи́па, не сме́йся и не кача́й голово́й.

Мо́жет быть, когда́ ви́йду из го́спитала, мне даду́т

отпуск. Не знаю. Но лучше не жди".

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела за окно, где уже начинался рассвет.

Утром она сказала Варе, чтобы она расчистила дорожку к беседке над обрывом. А сама Татьяна Петровна поцинила колокольчик над дверью.

Днём Татьяна Петровна привела из города одного старика, обрусевшего чеха, который умел настраивать пианино. Чех, настроив пианино, сказал, что оно старое, но очень хорошее. Татьяна Петровна и без него это знала.

Когда он уехал, Татьяна Петровна открыла письменный стол и нашла в нём несколько жёлтых свечей. Она вставила свечи в подсвечники и поставила их на пианино.

Вечером она зажгла свечи, села за пианино, и начала играть. Когда она кончила, Вarya не выдержала:

- За чем ты трогает чужие вещи? - сказала она матери. - Мне не позволяешь, а сама трогает? И колокольчик, и свечи, и пианино - всё трогает. И чужие ноты на пианино положила.

- Потому что я взрослая, - ответила Татьяна Петровна.

Вarya недоверчиво посмотрела на неё. Сейчас

Татьяна Петровна меньше всего была похожа на взрослую. Она была больше похожа на ту девушку с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфлю во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Варе.

В поезде лейтенант Потапов думал о том, что дома он будет не больше суток. Отпуск был очень короткий, и большую часть его он должен был провести в дороге.

Поезд пришёл в город днём. Тут же на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад и что в их доме живёт с дочерью молодая певица из Москвы.

- Эвакуированная, - сказал начальник станции.

Потапов молчал, смотрел за окно, где бежали с чайниками пассажиры. Голова у него кружилась.

- Да, - сказал начальник станции, - хороший был человек. Так и не удалось ему ещё раз увидеть сына.

- Когда обратный поезд? - спросил Потапов.

- Утром, в пять часов, - ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: - Переночевать вы можете у меня. Жена моя вас накормит. Домой вам идти незачем.

- Спасибо, - ответил Потапов и вышел. Он прошёл через город к реке. "Ну что же! - подумал Потапов. - Опоздал. И теперь это всё для меня чужое -

и город этот, и река, и дом!

Он посмотрел на обрыв за городом. Там стоял в инее сад, и был виден дом. Из трубы его поднимался дым.

Потапов медленно шёл в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, может быть только заглянуть в сад, постоять в старой беседке.

Ему было очень тяжело думать о том, что в доме живут совсем для него чужие люди. Лучше ничего не видеть, уехать и забыть о прошлом!

"Ну что же, - подумал Потапов, - с каждым днём делаешься старше, всё строже смотришь вокруг".

Потапов подошёл к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку. К беседке вела расчищенная от снега дорожка. Потапов прошёл в беседку. Далекó за лесом поднималась луна. Потапов снял фуражку. Было очень тихо. Потапов тихо сказал:

- Как же это так?

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечó. Он оглянулся. Позади него стояла молодая женщина. Она молча смотрела на Потапова тёмными внимательными глазами.

- Наденьте фуражку, - тихо сказала она, - вы простудитесь. И пойдёмте в дом. Не надо здесь стоять.

Потапов молчал. Женщина взяла его под руку, и

повелá по расчищенной дорожке. Около дома Потáпов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог дышать.

- Это ничего. Сейчас это пройдет.

Она постучала ногами, чтобы сбить снег с ботинок. На дверях, как бы в ответ, зазвенел колокольчик.

Потáпов вошел в дом, снял шинель, почувствовал слабый запах дыма и увидел Архипа. Архип сидел на диване и зевал. Около дивана стояла девочка и радостными глазами смотрела на него, но не на его лицо, а на золотые нашивки на рукаве.

- Пойдемте! - сказала Татьяна Петровна и повелá Потáпова в кухню.

В кухне стоял кувшин с холодной водой из колодца, висело знакомое полотенце.

Татьяна Петровна вышла. Девочка принесла Потáпову мыло и смотрела, как он мылся.

- Кто же твоя мама? - спросил он девочку и покраснел.

Вопрос этот он задал только для того, чтобы что-нибудь спросить.

- Она думает, что она взрослая, - тихо сказала девочка. - А она совсем не взрослая. Она больше девочка, чем я.

- Почему? - спросил Потáпов.

Но девочка не ответила, засмеялась и выбежала из кухни.

Потапов весь вечер был как во сне. Всё в доме было таким, каким он хотел его видеть. Те же ноты лежали на пианино, те же свечи горели и освещали маленький отцовский кабинет. Даже на столе лежали его письма из госпиталя — лежали под тем же старым компасом, под который отец всегда клал письма.

После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца. Луна поднялась уже высоко.

А потом, поздно вечером, Татьяна Петровна, сидя у пианино, сказала Потапову:

— Мне всё кажется, что где-то я уже видела вас.

— Да, может быть, — ответил Потапов.

Он посмотрел на неё, потом прошёл по комнате из угла в угол, остановился.

— Нет, не могу вспомнить.

Татьяна Петровна посмотрела на Потапова, но ничего не ответила.

Потапов лёг спать в кабинете на диване, но долго не мог заснуть. Он думал о каждой минуте, проведённой в этом доме.

В четыре часа утра Татьяна Петровна тихо открыла дверь и позвала Потапова.

— Пора, вам надо вставать, — сказала она. — Мне

очень жаль вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ещё спавший город. После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки и сказала:

- Пишите. Мы теперь как родственники. Правда? Потапов ничего не ответил, только кивнул головой.

Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

"Я вспомнил, конечно, где мы встречались, - писал Потапов, - но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в 1927 году? Осень. Ливадийский парк. Я шёл по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было лет шестнадцать. Она увидела меня, встала и пошла навстречу. Когда она проходила мимо меня, я взглянул на неё. Я остановился и долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Тогда я уже знал, что должен найти вас. С тех пор я любил Крым и эту тропу, где я вас видел только мгновение и потерял навсегда. Но к счастью я встретил вас опять. И если всё кончится хорошо и вам нужна будет моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашёл на столе у отца своё распечатанное письмо. Я понял всё и могу только благодарить вас издали".

Татьяна Петровна положила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном и сказала:

— Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение? И стоит ли разувярять его? И себя?

Она засмеялась и закрыла глаза.

СЛОВАРЬ К РАССКАЗУ "СНЕГ"

няня	nurse
дура	fool, stupid
выступать	to give performances
успокаиваться	to calm down, put one's mind at rest
<u>покрывать</u> покрыть	to cover
расстроенное	out of tune
изображать	to picture, represent
корабли береговой обороны	coastal defense ships
корабельный механик	ship's engineer
крейсер	cruiser
<u>трогать</u> тронуть	to touch
Черноморский флот	Black Sea Fleet
неудачное замужество	unsuccessful marriage
насмешливый	mocking, derisive
среди зимы	in the middle of the winter
<u>накидывать</u> накинуть	to slip on
халат	dressng gown
<u>зажигать</u> зажечь	to light
свеча	candle
осторожно	carefully, cautiously

<u>распеча́тывать</u> распеча́тать	to open, unseal
<u>зажива́ть</u> зажи́ть	to heal
ра́ди Бо́га	for goodness'/God's sake
умоля́ть	to beg
кали́тка	gate
доро́жка	path, walk
бесе́дка	summer house
обры́в	bluff
<u>расчища́ть</u> расчи́стить	to clear
сире́нь (f.)	lilac
и́ней	hoar frost
нако́нѐц	at last, finally
<u>настра́ивать</u> настро́ить	to tune
<u>вставля́ть</u> вста́вить	to put (into, in), place
подсвѣ́чник	candystick
но́ты	music sheets
уверт́юра	overture
Пи́ковая да́ма	The Queen of Spades
колоко́льчик	little bell
и́здали	from afar, from a distance
<u>удивля́ться</u> удиви́ться	to be surprised. wonder

кот	cat (tomcat)
кача́ть голово́й	to shake one's head
рассвѣт	dawn, daybreak
обрусѣвший	Russianised
недоверчиво	distrustfully, mistrustfully
хруста́льная ту́фля	glass slipper
дворѣц	palace
ча́йник	teakettle
не́зачем	there is no need/point
<u>загля́дывать</u> загляну́ть	to take a look
про́шлое	the past
су́мерки (pl. only)	dusk, twilight
плечо́	shoulder
<u>огля́дываться</u> огляну́ться	to turn round
позади́	behind
<u>просту́жаться</u> простуди́ться	to catch cold
<u>брать</u> по́д руку взя́ть	to take somebody's arm
судоро́га	cramp
<u>сжима́ть</u> сжать	to clench
дыша́ть	to breathe
о́на посту́чала нога́ми	she stamped her feet
сбить снег с боти́нок	to knock the snow off shoes

зазвенѐть	to start ringing
за́пах	smell
<u>зевáть</u> зевну́ть	to yawn
наши́вка	stripe
кувши́н	jug
коло́дец	well
полоте́нце	towel
<u>освещáть</u> освети́ть	to light up, throw light
ко́мпас	compass
моги́ла	grave
<u>засыпа́ть</u> засну́ть	to fall asleep
<u>протя́гивать</u> ру́ку протяну́ть	to stretch out one's hand
<u>кива́ть</u> кивну́ть	to nod
тропа́	path, trail
навстрѐчу	towards
<u>взгля́дывать</u> взгляну́ть	to glance.
смотре́ть всле́д	to follow somebody with one's eyes
<u>ошибáться</u> ошиби́ться	to be mistaken
мгнове́ние	instant, moment
значение	significance, meaning
<u>разуве́рять</u> разуве́рить	disabuse, dissuade

Михаил Александрович

ШОЛОХОВ

1905 -

Михаил Александрович Шолохов - известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии, лауреат Нобелевской премии по литературе. Родился в 1905 году в казачьей семье в станице Вешенской на Дону.

Начал печататься с 1923 года. Автор романов "Тихий Дон", "Поднятая целина", рассказа "Судьба человека" и других рассказов.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

По М. ШОЛОХОВУ

Глава 1

Первая послевоенная весна пришла на Верхний Дон неожиданно. В конце марта из Приазовья подул тёплый ветер, и уже через двое суток всё начало таять. Степные речки сильно разлились, и по дорогам стало почти невозможно ездить.

Как раз в эту погоду пришлось мне ехать в станцию Букановскую. До станции было недалёко — всего лишь около шестидесяти километров. Мы с товарищем и шофёром въехали до восхода солнца. Пара сытых лошадей едва тянула нашу тяжёлую бричку. Колёса глубоко проваливались в грязь. Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички и шли пешком. Только через шесть часов мы подъехали к переправе через речку Еланку, покрыв расстояние в тридцать километров.

Небольшая, летом совершенно сухая речка, разлилась на целый километр. Переезжать на ту сторону надо было в маленькой лодке, в которой могло поместиться только два человека. Мыпустили лошадей. На той стороне нас ожидал старый автомобиль "Виллис",

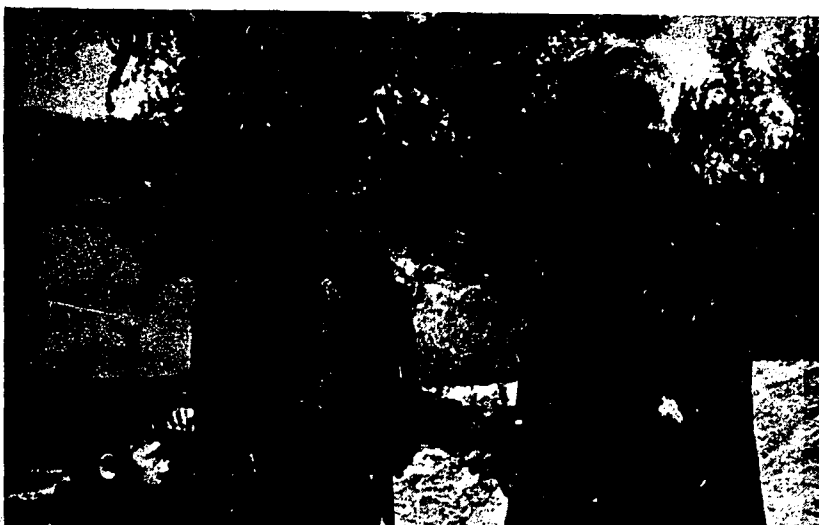
оставленный в колхозном сарае. Едва мы отъехали от берега, как в лодке появилась вода. Её пришлось всё время вычерпывать руками, пока не доехали. Через час мы были на той стороне Еланки. Скоро шофёр приехал на машине. Он подошёл к лодке и сказал мне, берясь за весло:

— Если всё будет в порядке, через два часа приедем, раньше не ждите.

Хутор находился в стороне. Там стояла такая тишина, какая бывает только поздней осенью и в самом начале весны.

Недалеко от берега лежал старый забор. Я присел на него, хотел закурить, но, положив руку в правый карман, к большому огорчению нашёл, что пачка "Беломора" совершенно размокла. Во время переправы волна по пояс облила меня водой. Я осторожно вынул мокрые папиросы из кармана и начал раскладывать их на заборе.

Был полдень. Солнце светило горячо, как в мае. Я надеялся, что папиросы скоро высохнут. Солнце светило так горячо, что я уже пожалел о том, что надел в дорогу теплую одежду. Это был первый после зимы по-настоящему тёплый день. Хорошо было сидеть на заборе вот так, одному, и, сняв с головы старую солдатскую шапку, сушить на ветёрке волосы, не думая ни о чём, следить за белыми облаками.

Скóро я уви́дел идúщего по дорóге мужч́ину. Он вё́л за́ руку ма́ленького ма́льчика, котóрому мóжно б́ло дать не бóльше пят́и-шест́и лет. Он́и устáло шли по направл́ению к перепрáве, но, уви́дев маш́ину, поверну́ли ко мне. Высóкий мужч́ина, подойд́я б́лизко, сказа́л ба́сом:

- Здорóво, братóк!

- Здра́вствуй! - Я пожа́л прот́янутую мне большúю рúку.

Мужч́ина наклон́ился к ма́льчику и сказа́л:

- Поздорóвайся с д́ядей, сынóк. Он такóй же шофё́р, как и твой па́пенька. Тóлько мы с тобóй на грузовикé ё́здили, а он вот на ё́той ма́ленькой маш́ине.

Смотр́я мне прýмо в глаза́ свётлыми, как нёбо, глаза́ми, чуть-чуть улыба́ясь, ма́льчик сме́ло прот́яну́л мне рóзовую холóдную ручóнку. Я пожа́л её и спроси́л:

- Что же ё́то у теб́я, стар́ик, рука́ такáя холóдная? На дворé теплó, а ты замерза́ешь!

Мальчик удивлённо посмотрел на меня и сказал:

- Какой же я старик, дядя? Я совсем мальчик, а руки холодные - снежки катал.

Отец снял со спины почти пустой вещевой мешок, усталое сел рядом со мной и сказал:

- Беда мне с этим пассажиром! Из-за него и я устал. Вместо одного шага - три приходится делать. Да ещё смотреть за ним всё время надо. Нет, не мужское это дело с такими пассажирами путешествовать, да ещё пешком. Он помолчал немного, потом спросил:

- А ты что же, браток, своё начальство ждёшь?

Мне было неудобно разуверять его, что я не шофёр, и я ответил:

- Приходится ждать.

- С той стороны подъедут?

- Да.

- Не знаешь ли, скоро ли подойдёт лодка?

- Часа́ через два.

- Долго. Ну что же, пока отдохнём, спешить мне некуда. А я иду мимо, смотрю: свой брат шофёр загорает. Дай, думаю, зайду, перекурим вместе. Одному и курить и умирать плохо. А ты богато живёшь, папиросы куришь. Мокрые они у тебя, что ли? Лучше давай моего табачку закурим.

Он достал из кармана штанов шелковый старый кисет, развернул его, и я успел прочитать вышитую на

уголке надпись: "Дорогому бойцу от ученицы 6-го класса Лебедянской средней школы".

Мы закурили крепкого табаку и долго молчали. Я хотел было спросить его, куда он идет с ребенком, но он опередил меня вопросом:

- Ты что же всю войну за рулем?

- Почти всю.

- На фронте?

- Да.

- Ну, и мне пришлось там много горя увидеть.

Он положил на колени большие темные руки и сгорбился. Я посмотрел на него, и мне стало не по себе. Видели ли вы когда-нибудь глаза, наполненные такой смертной тоской, что в них трудно смотреть?

Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Он немного помолчал и потом заговорил:

- Иногда не спишь всю ночь, смотришь в темноту пустыми глазами и думаешь: "За что же ты, жизнь, меня так наказала?" Нет мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке ... И вдруг вспомнив, что здесь его сыншкка, сказал:

- Ну, иди, милый, поиграй в воде воды. Только смотри ноги не промочи!

Глава 2

Ещё когда мы молча курили, я, рассматривая отца и сына, с удивлением заметил про себя одно странное, на мой взгляд, обстоятельство. Мальчик был одет просто, но хорошо; и в том, как сидел на нём пиджачок, и в том, что маленькие сапожки были сшиты с расчётом надевать их на шерстяной носок, — всё говорило о женской заботе, об умелых материнских руках. Отец выглядел иначе. На нём был старый, плохо заштопанный ватник, шерстяные носки были порваны, видно было, что их не коснулась женская рука ... Ещё тогда я подумал: "Или вдовец, или плохо живёт с женой".

Но вот он снова заговорил, и я стал внимательно слушать.

— В начале жизнь моя была обыкновенная. Сам я уроженец Воронежской губернии, тысяча девятисотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии. В голодный двадцать второй год ушёл на Кубань, а отец с матерью и сестрой дома умерли от голода. Остался один. Родственников никого не осталось. Ну, через год вернулся с Кубани, хату продал, поехал в Воронеж. Сначала работал плотником, потом пошёл на завод, выучился на слесаря. Скоро женился. Жену воспитывалась в детском доме, сиротой была. Хорошая попалась мне девушка! Тихая, весёлая и

умная, не то, что я! С детства она узнала тяжёлую жизнь, это и отразилось на её характере. Если со стороны на неё смотреть, — не была она очень красивой, но я не со стороны на неё смотрел, а прямо в глаза. И не было для меня красивее и лучше её, не было и не будет!

Придешь с работы усталый, а иногда и злой, как черт. Но она никогда не отвечала мне на грубые слова. Всегда была ласковая и тихая. Смотря на неё, я быстро уходил, мне становилось легче. Я подходил к ней, обнимал её и просил прощения. Хорошая была моя Ирина.

Приходилось иногда после получки и выпивать с товарищами. Никогда меня Ирина не ругала за это.

Вскоре у нас дети пошли. Сначала сын родился, через год ещё две девочки... После этого я перестал часто встречаться с товарищами. Вся получку домой приносил — семья стала большая, не до выпивки. В выходной день кружку пива выпью и на этом ставлю точку.

В двадцать девятом году увлёкся я машинами (автомоби́лями). Изучи́л автоде́ло, сел за руль (барáнку) на грузови́к. Потóм мне автоде́ло так понра́вилось, что я не захотёл возвраща́ться на завóд. За рулём показáлось мне веселее́. Так и про́жил де́сять лет и не замéтил, как о́ни про́шли. Про́шли, как бу́дто во сне. Да что де́сять лет! Спроси́ у любóго челове́ка, замéтил он, как жизнь про́жил? Ни́чего он не замéтил!

Рабо́тал я э́ти де́сять лет и день и ночь. Зараба́тывал хоро́шо, и жи́ли мы не ху́же други́х. И де́ти ра́довали: все трóе учи́лись на "отли́чно", а ста́рший, Анато́лий, оказа́лся таки́м спосо́бным к матемáтике, что про него́ в центра́льной газéте писа́ли. О́чень я им горди́лся.

За де́сять лет скопи́ли мы немно́го де́нег и пе́ред войно́й постро́или себе́ до́мик в две ко́мнаты с кладо́вой и коридóром. Ири́на купи́ла двух коз. Чего́ ещё бо́льше на́до? Де́ти кашу е́дят с молоко́м, крýша над голово́й есть, оде́ты, обу́ты, ста́ло быть, всё в поряд́ке. То́лько постро́ил я дом на плохóм ме́сте. Отвели́ мне уча́сток недалёко́ от авиазавóда. Е́сли бы мой дом был в други́м ме́сте, мо́жет быть, и жизнь сложи́лась бы ина́че.

Глава 3

Война началась неожиданно. На второй день пришла повестка из военкомата, а на третий — пожалуйста в эшелон. Провожала меня вся семья: Ирина, Анатолий и дочери — Настя и Оля. Все держались довольно хорошо, но Ирина моя ... Такой я её за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видел. Ночью и утром она очень плакала. Пришли на вокзал, а я на неё от жалости смотреть не могу: губы от слёз распухли, волосы из под платка выбились и глаза такие мутные, как у ненормального человека. Командиры объявляют посадку, а она меня обняла, за шею держит, не пускает. И дети её уговаривают и я, — ничего не помогает! Другие женщины с мужьями, с сыновьями разговаривают, а моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова сказать не может. Я и говорю ей: "Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье!" Она и говорит и за каждым словом всхлипывает: "Родненький мой ... Андрюша ... не увидимся ... мы с тобой ... больше ... на этом ... свете".

У меня самого сердце на части разрывается, а тут она мне такие слова говорит. Должна же понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться.

Рассердился я тогда и легко оттолкнул её от себя, а сила то у меня была большая. отошла она от меня шага на три и опять назад идёт и руки протягивает, а я кричу ей:

"Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени живо хоронишь?!"

Ну, опять её обнял, вижу, что она не в себе.

Он на полуслове оборвал рассказ, и мне показалось, что он зарыдаёт. Чужое волнение передалось и мне. Посмотрел я на рассказчика, но ни одной слезы не увидел в его словно бы мёртвых, ничего не видящих глазах.

Он сидел, склонив голову, только большие, безвольно опущенные руки мелко дрожали, дрожал подбородок, дрожали твёрдые губы.

- Не надо, друг, не вспоминай! - тихо проговорил

я, но он, наверно, не слышал моих слов и каким-то огромным усилием воли, поборов волнение, вдруг сказал охрипшим, странно изменившимся голосом:

- До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прошу себе, что тогда её оттолкнул!

Он снова и надолго замолчал. Пытался свернуть папиросу, но газетная бумага рвалась, табак сыпался на колени. Наконец он всё же кое-как сделал папиросу, несколько раз затянулся и, покашливая, продолжал:

- Взял я лицо Ирины в ладони, целую, а у неё губы, как лёд. Попрощался с детёшками и уже на ходу вскочил в вагон. Из окна вагона я ещё раз увидел детей и Ирину, стоящую с прижатыми к груди руками. Губы у неё были белые, как мел, что-то она шептала, смотря на меня, а сама всё вперёд клонилась, будто хотела шагнуть против сильного ветра ... Такой она и осталась на всю жизнь в моей памяти: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза полные слёз ... Такой я её почти всегда и во сне вижу ... Зачем я её тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут ...

Глава 4

Формировали нас под Белой Церковью. Дали мне "ЗИС-5". На нём я и поехал на фронт. Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видел и знаешь, как было в самом начале. От своих письма получал часто, а сам отвечал редко. Писал, что пока всё в порядке, помаленьку воюем и хотя сейчас отступаем, но скоро соберёмся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что ещё можно было писать? Тяжёлое время тогда было, не до писем было.

Только не пришлось мне и года повоювать ... Два раза за это время был ранен, но оба раза легко: один раз в руку, другой раз - в ногу; первый раз пулей с самолёта, другой - осколком снаряда. Везло, везло, да недолго. В мае 1942 года я попал в плен. Вот как это случилось: немец тогда сильно наступал, и оказалась вся наша гаубичная батарея почти без снарядов. Нагрузили мою машину снарядами, и командир автороты спросил: "Проскочишь, Соколов?" А тут и спрашивать нечего было. "Ну, что за разговор!" - говорю я. "Надо проскочить, значит, проскочи!" "Ну, говорит, дуй! Жми на газ!"

Я и дунул. В жизни так не ездил, как на этот раз! Знал, что не картошку везу, что с этим грузом

осторожность нужна, но какая же тут может быть осторожность, когда там ребята с пустыми руками воюют. Проехал я километров шесть, доехал до дороги, которая на батарею ведёт, как вдруг рядом с моей машиной тяжёлый снаряд разорвался. Не слышал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как я остался в живых тогда - не понимаю, и сколько времени пролежал - не помню. Очнулся я, а встать не могу: голова болит, в глазах темно, и во всём теле страшная боль. После многих попыток, мне, наконец, удалось встать. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как дерево в бурю.

Когда я пришёл в себя, опомнился и осмотрелся как следует: кругом снаряды лежат, какие я вёз, а неподалёку моя разбитая машина вверх колёсами лежит, а бой-то уже сзади меня идёт ... Это как?

Вдруг у меня но́ги са́ми собо́й подкоси́лись, и я упáл, потому́ что по́нял, что я в окру́жении, в плену́ у фаши́стов. Вот оно́ как на войне́ бывáет.

Ну вот, лежу́ я и слы́шу: та́нки иду́т. Потóм полевáя кúхня про́ехала, потóм пехóта пошла́. Посмотрю́ на них одním гла́зом и опя́ть прижму́сь щеко́й к земле́, глаза́ закро́ю: тяжело́ мне на них смотре́ть, и на се́рдце тяжело́ ...

Ду́мал, все прошл́и, по́днял го́лову, а их шесть автомáтчиков - вот они́, шага́ют ме́трах в ста от меня́. Гляжу́ - свора́чивают с доро́ги и пра́мо ко мне. Вот, ду́маю, и сме́рть моя́ пришлá. Я встал. Оди́н из них, не доходя́ не́скольких шаго́в, снял автомáт. Никако́й пáники у меня́ не́ было. Я то́лько стоя́л, смотре́л на них и ду́мал: "Сейча́с он даст по мне корóткую оче́редь, а куда́ бу́дет бить? В го́лову и́ли попере́к груди́?"

Так оно́ и есть: це́лится он из автомáта, а я ему́ пра́мо в глаза́ смотре́ю, молчу́, - а друго́й, ефре́йтор, что ли, что́-то кри́кнул, отодви́нул его́ в сто́рону, подошё́л ко мне, говори́т что́-то по-сво́ему, а сам му́скулы на моёй пра́вой руке́ про́бует. Попрóбовал и говори́т, показывáя на доро́гу в напра́влении на захо́д со́лнца: "Иди́, рабо́тать бу́дешь на наш тре́тий райх". Сняли́ с меня́ сапоги́ и отпра́вили на за́пад, в плен.

Идти́ было́ тяжело́, в час по киломе́тру де́лал, не бо́льше. Кача́ло меня́ из сторо́ны в сто́рону, как пьяно́го. Проше́л немно́го, и догоня́ет меня́ коло́нна на́ших плённы́х, из той же дивизи́и, в како́й я был. Коло́нну вело́ челове́к де́сять автома́тчиков. Тот, кто впе́реді коло́нны шёл, уда́рил меня́ ру́чкой автома́та по голо́ве. Если́ бы я упáл, о́н меня́ сразу́ бы уби́ли, но на́ши подхвата́ли меня́ и с полчаса́ вели́ по́д руки.

Как то́лько со́лнце се́ло, не́мцы усй́лили конво́й. Прика́зано бы́ло идти́ быстрее́. На́ши тяжелора́ненные не могли́ поснева́ть за оста́льными, и их пристре́ливали пра́мо на доро́ге. В по́лночь мы пришл́и в како́е-то село́. Ночевáть нас заста́вили в це́ркви с разби́тым ку́олом. На ка́менном полу́ соло́мы не́ было, а все мы бы́ли в гимнасте́рках, без шинэ́лей. Ко́е на ко́м да́же гимнасте́рок не́ было, о́дни ни́жние руба́шки. В бо́льшинстве́ э́то бы́ли мла́дшие команди́ры. Ките́ля и гимнасте́рки о́ни сня́ли, что́бы их от рядо́вых не́льзя бы́ло отличи́ть.

Но́чью по́лил тако́й си́льный дождь, что все мы промо́кли. Среди́ но́чи о́лышу кто́-то тро́гает меня́ за руку, спра́шивает: "Това́рищ, ты не ра́нен?". Отвеча́ю ему́: "А тебе́ что на́до, брато́к?" Он и говори́т: "Я военвра́ч, мо́жет быть, могу́ че́м-нибу́дь помо́чь?" Я пожа́ловался ему́, что у меня́ си́льно бо́лит ле́вое

плечо. А он и говорит: "Снимай гимнастёрку и нижнюю рубашку". Я снял всё это с себя, а он начал мне руку щупать около плеча, да так, что у меня всё в глазах потемнело. "Ты, видно, ветеринар, а не доктор. Что же ты мне так больно делаешь, бессердечный ты человек?" - говорю я ему. А он на меня только посмотрел и говорит: "Не разговаривай! Сейчас ещё больнее будет". Тут он меня так дернул за руку, что у меня искры из глаз посыпались.

Очнулся я и спрашиваю: "Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука разбита, а ты её тынешь". Слышу он засмеялся тихо и говорит: "А руку ты не разбил, а вывихнул, вот я её на место и поставил. Ну, а как теперь, лучше тебе?" И в самом деле, я почувствовал, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его сердечно, а он дальше пошёл в темноте, тихо спрашивает: "Раненные есть?" Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену, и в темноте своё великое дело делал.

Глава 5

Ужасная это была ночь. Выходить из церкви никому не разрешалось. Когда один из наших начал стучать в дверь и стал просить, чтобы его выпустили, немецкий часовый открыл огонь и убил его и ещё трёх человек, а одного тяжело ранил.

Убитых сложили мы в одно место, а сами сели и вполголоса стали разговаривать: кто откуда, какой области, как в плен попал. В это время я слышу рядом с собой такой разговор. Один говорит: "Если завтра, перед тем как нас поведут дальше, нас выстроят и будут вызывать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, командир взвода, не прятаться! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастёрку снял, то тебя за рядового примут? Не выйдет! Я за тебя не хочу отвечать. Я первый скажу, кто ты! Я же знаю, что ты — коммунист и меня агитировал поступить в партию, вот и отвечай за свой дела". На это цей то молодой голос отвечает: "Я всегда подозревал, что ты, Крыжнёв, нехоробший человек. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем".

Замолчали они, а мне от их разговора плохо стало. "Нет, — думаю, — не дам я тебе подлецу выдать

своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вынесут тебя!" Под утро, когда стало светлее — вижу: рядом со мной лежит молодой здоровый парень, а около него сидит в одной рубашке худенький и очень бледный парнишка. "Ну, — думаю, — ничего не сделает этот парнишка с этим толстым парнем. Придется мне его кончать!"

Тронул я его рукой, спрашиваю шепотом: "Ты — командир взвода?" Он ничего не ответил, только головой кивнул. "Этот хочет тебя выдать?" — показал я на толстого парня. Он опять кивнул головой. "Ну, — говорю, — держи ему ноги, да смотри, чтобы не двигался!" — а сам я упал на этого парня и начал душить его. Он и крикнуть не успел, как всё было кончено.

После этого мне стало очень плохо и страшно захотелось руки помыть, как будто я не человека, а змею задушил ... Первый раз в жизни убил, и то своего ... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал я и говорю взводному командиру: "Пойдём отсюда, товарищ, церковь большая".

Утром всех нас выстроили около церкви, окружили автоматчиками и трое эсэсовских офицеров начали искать среди нас коммунистов, командиров и комиссаров. Но таких не оказалось. Взяли только четырёх из двухсот человек. Одного еврея и трёх русских

рядовых. Русских взяли потому, что все были чёрные с курчавыми волосами. Вот подходят к такому и спрашивают: "Юде?" Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят: "Выходи!" - всё. Расстреляли их бедных, а нас погнали дальше в Познань.

Видишь, какое дело, браток, ещё с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. А в Познанском лагере такой случай нашёлся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, - много тогда людей умерло от дизентерии. Рблю я тогда познанскую землю, а сам смотрю кругом.

Вскоре я заметил, что двое наших охранников сели поесть, а третий заснул на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошёл за куст ... А потом побежал прямо на восход солнца ...

За пёрвые сўтки я прошёл почти с́рок киломе́тров. Тóлько ничегó из э́того у меня́ не вы́шло: на четвёртые сўтки, когда́ я уже́ был далеко́ от прокля́того ла́герь, прайма́ли меня́. Соба́ки шли по моему́ слéду, о́ни меня́ и нашли́.

На двух мотоци́клах подьёхали нёмцы. Сначала́ о́ни меня́ би́ли, а потóм пусти́ли на меня́ соба́к. В ла́герь меня́ привезли́ го́лого и всегó в кровí. Ме́сяц я отси́дёл в ка́рцере за побéг, но всё-таки живóй ... живóй я оста́лся!

Тяжелó мне, братóк, вспоми́нать, а ещё́ тяжелее́ рассказыва́ть о том, что пришлóсь мне пережítь в плену́. Как вспо́мнишь всех друзе́й - това́рищей, поги́бших в лагерьа́х Герма́нии, так тяжелó на се́рдце ста́нет.

Куда́ меня́ то́лько не вози́ли за два го́да плéна! Полови́ну Герма́нии объёхал за э́то вре́мя: и в Саксо́нии на заво́де раба́тал, и в Ру́рской о́бласти на уго́льной ша́хте, и в Бава́рии на земля́ных раба́тах му́чился, и в Тюрингии побыва́л и че́рт те где то́лько не пришлóсь по неме́цкой земле́ походíть. Приро́да вездé там, братóк, ра́зная, но стреля́ли и би́ли нас вездé одина́ково. И кулака́ми би́ли, и нога́ми, и рези́новыми па́лками ... Би́ли за то, что ты ру́сский. Би́ли за то, что не так на них смóтришь, что не так хо́дишь, не так поворачива́ешься ...

Кормили вездé одинаково: полтора́ста грамм эрза́ц-хле́ба и жидкий суп. Кипя́ток — где да́вали, а где нет. Да что там говори́ть, суди́ сам: до войн́ы ве́сил я вб́семьдесят шесть килогра́мм, а к о́сени уже́ не бо́льше пяти́дести. А рабо́ту да́вали тако́ю, что и ло́шади тяжёло бы́ло бы.

Глава́ 6

В нача́ле сентя́бря из ла́герьа под Кю́стрином перебро́сили нас, сто со́рок два челове́ка советских во́еннопле́нных, в ла́герь Б-14, недалекó от Дре́здена. В э́то вре́мя в э́том ла́гере бы́ло о́коло двух ты́сяч на́ших. Все рабо́тали в каменоло́мне. Но́рма — четы́ре кубо-ме́тра в де́нь на челове́ка, — заме́ть, на тако́го чело-ве́ка, кото́рый едва́ на нога́х стои́т. Че́рез два ме́сяца от ста сорока́ двух челове́к на́шего эшелóна ос-та́лось пяти́дсят семь.

Как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день шёл дождь. Все мы были мокрые и голодные. Снял я с себя мокрую одежду и говорю: "Немцам четыре кубометра надо, а на могилу каждому из нас и одного много". Какбй-то подлец из военнопленных донёс об этом коменданту лагеря.

Комендантом лагеря был у нас немец Миллер. Невысокого роста и весь какбй-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы. По-русски говорил он прекрасно, но как человек был очень плохой. Проходя мимо строя военнопленных, он бил каждого второго в нос, кровь пускал. Это он называл "профилактикой от простуды". И так каждый день.

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня к себе.

Прощался я с товарищами - все они знали, что на смерть иду, - и пошёл.

В канцелярии коменданта, за большим столом, сидело всё лагерное начальство. Все пили водку (шнапс) и закусывали. Прямо передо мной вижу сидит Миллер, пистолетом играет, а сам смотрит на меня. Ну, я стою смиренно и громко докладываю: "Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился". Он спрашивает меня: "Так что же, Иван, четыре кубометра - это много?" - "Так точно, - говорю, герр

комендант, вполне хватит и даже останется".

Он встал и говорит: "Я тебе сделаю большую честь -- сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно -- пойдём во двор". -- "Как прикажете", -- говорю я. Он постоял, подумал, а потом бросил пистолёт на стол и наливает полный стакан водки, кусочек хлеба с салом взял и всё это подаёт мне и говорит: "Перед смертью выпей, Иван, за победу немецкого оружия".

Как только я услышал эти слова, поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: "Спасибо, герр комендант, но я не пью". Он улыбается. "Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою смерть". А что мне было терять? "За это я выпью", -- говорю ему. Затем взял стакан и сразу выпил, а закуску не тронул. "Спасибо, герр комендант, пойдёмте, расстреляйте меня".

Но он смотрит внимательно так и говорит: "Ты хоть закуси перед смертью". Я ему на это отвечаю: "Я после первого стакана не закусываю". Наливает он второй, подаёт мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогая: "Хоть напьюсь перед тем, как на двор идти". А комендант смотрит на меня и спрашивает: "Что же ты, Иван, всё пьёшь, а не закусываешь? Не бойся! Ешь!". А я ему опять говорю:

"Извините, герр комендánt, я и после второго стака́на не привы́к заку́сывать". Миллер вдруг нача́л смеяться и что́-то нача́л быстро говорить по-неме́цки - ви́дно, перево́дит мои́ слова́ своим дру́зьям. Те то́же засмея́лись и уже́, замечаю́, как-то ина́че на меня́ сме́трят, не так стро́го.

Налива́ет мне комендánt тре́тий стака́н. Э́тот стака́н я пил не торопя́сь. Вы́пив, я откусил ма́ленький кусо́чек хлеба́, а оста́ток положи́л на стол. Захоте́лось мне им, фаши́стам, показа́ть, что хотя́ я и умираю́ с го́лоду, но их еду́ я есть не собираю́сь.

После э́того комендánt стал серьёзны́й, вы́шел из-за стола́ и говори́т: "Вот что, Соколов, ты - настоя́щий ру́сский солда́т. Ты хра́брый солда́т. Я - то́же солда́т и по́тому я тебя́ не расстреляю́. К то́му же се́годня у нас большо́й пра́здник - на́ши войска́ взяли Сталингра́д. Э́то - на́с большая́ ра́дость, а по́тому я дарю́ тебе́ жизнь. Ступа́й в свой бара́к, а э́то тебе́ за хра́брость", - и подаёт мне со стола́ небольшо́й хлеб и кусо́к са́ла.

И на э́тот раз смерть прошла́ мимо́ меня́.

Глава́ 7

Вскóре перебро́сили нас, челове́к триста са́мых здоро́вых, в Ру́рскую о́бласть на ша́хты. Там и про́был я до 1944 го́да. К э́тому вре́мени не́мцы уже́ нача́ли

проигрывать войну и стали лучше относиться к военнопленным. Как-то построили нас, всю дневную смену, и какой-то немецкий офицер говорит через переводчика: "Кто служил в армии или до войны работал шофёром, - шаг вперёд". Вышло нас семь человек. Дали нам старую рабочую одежду и послали под охраной в город Потсдам.

Меня там назначили работать в "Тодте" - учреждении по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на машине "Опель-адмирал" немца инженера в чине майора армии. Ох, и толстый же был фашист! Целый день, бывало, ест, да коньяк пьёт. Кое-когда и мне кусочек давал: в дороге остановится, колбасы нарежет, сыру, закусывает и выпивает; когда в хорошем настроении, - и мне кусок бросит, как собаке. В руки никогда не давал, всё бросал. С лагерем такую

жизнь не сравнить, и стал я понемногу поправляться.

Недели две возил я своего майора из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его в прифронтовую полосу на строительство оборонительных рубежей против наших. И тут я совсем спать перестал: все ночи думал, как бы мне к своим, на Родину, бежать.

Приехали мы в город Пёлоцк. Рано утром услышал я в первый раз за два года, как стреляет наша артиллерия и, знаешь, браток, как сердце забилось? Бой шли восточнее Пёлоцка, уже километрах в восемнадцати. Немцы в городе очень нервными стали, а мой майор всё чаще выпивать стал. Днём со мной ездит, а ночью один пьёт.

"Ну, — думаю, — ждать больше нечего, пришёл мой час! И надо мне не одному бежать, а и майора с собой взять, нашим он нужен будет!" За два дня перед тем, как я от немцев бежал, наоблил я бак бензином и еду домой, вижу — идёт пьяный немецкий сержант. Остановил я машину, отвёл немца в разбитый дом и снял с него форму. Положил я её в машину под сиденье и быстро уехал.

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет. Ехал я

быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вышел и посмотрел кругом — никого. Взял я камень и ударил майора два раза по голове, но убивать до смерти не хотел. Мне его живого надо было доставить, — он нашим много кое-чего должен был рассказать. Пистолет майора я положил себе в карман, надел немецкую форму и быстро поехал прямо туда, где бой шёл.

Немецкий передний край обороны тянулся между двумя дзобтами. Из одного дзобта выбежали автоматчики, и я нарочно поехал медленнее, чтобы они видели, что майор едет. Но они начали кричать, что дальше нельзя ехать. Я сделал вид, что не понимаю, и быстро поехал вперед. Пока они поняли в чём дело и начали стрелять из пулемётов, я уже на ничьей земле был. С одной стороны немцы стреляют, а с другой — свой. Стекло и радиатор пробили ... Но вот уже лес над озером, наши бегут к машине, а я машину остановил, дверь открыл, упал на землю и целую её, и дышать мне нечем ...

Сначала наши подумали, что я немец, но я снял с себя немецкую форму и говорю им: "Какой же я немец, когда я настоящий русский?! В плену я был, вот и всё. А сейчас ведите меня и этого толстого немца к вашему командиру".

Меня сразу допросили, выдали новое обмундирование, а вечером отвели к полковнику — командиру дивизии. Полковник встал из-за стола, пошел мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит:

"Спасибо тебе, солдат, за дорогой подарок, который ты привез от немцев. Твой майор с портфелем нам доробе двадцати военнопленных. Немедленно же представляю тебя к правительственной награде". Мне так стало тепло от его ласки, но от волнения я смог только сказать: "Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в строевую часть".

Но полковник засмеялся и сказал: "Какой из тебя боец, если ты едва на ногах стоишь? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Полежи там, а когда поправишься, — на месяц в отпуск к семье съездишь, а потом посмотрим, что будем с тобой делать".

И полковник, и все офицеры, какие у него были, попрощались со мной за руку, и вышел я довольный и счастливый, потому что за два года не видел я хорошего человеческого обращения.

Глава 8

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал всё коротко, как было в плену, как бежал вместе с немецким майором, и даже о награде написал. Две недели спал и ел. Кормили меня понемногу, но час-то, иначе, как сказал доктор, я мог бы умереть, если бы сразу начал много есть.

Долго я ждал, но ответа из дому не было. И стало мне очень тяжело ... На третьей неделе получаю я письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай Бог никому таких писем получать! Сообщает он, что ещё в июне сборок второго года немцы бомбили авиазавод, и одна тяжёлая бомба попала прямо в мой дом. Ирина и дочери как раз были дома ... Ну, пишет, что их не нашли, а вместо дома — глубокая яма ... Не дочитал я в этот раз письма до конца. Плохо мне стало. Лёг я на кровать; немного полежал, а потом дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбёжки был в городе. Вечером пришёл домой, посмотрел на яму и ночью опять ушёл в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и всё.

Когда мне легче стало, вспомнил я, как тяжело расставалась со мной моя Ирина на вокзале ... Была семья, свой дом, всё это создавалось годами, а теперь

остался один я.

Рассказчик на минуту замолчал, а потом сказал уже другим, тихим голосом:

- Давай, браток, закурим, а то мне что-то плохо.

Мы закурили и долго сидели тихо, не разговаривая. Молчать было тяжело и я спросил:

- Что же дальше?

- Дальше-то? - нехотя отозвался рассказчик. -

Дальше я получил от полковника месячный отпуск. Через неделю был уже в Воронеже. Пешком дошел до места, где когда-то с семьей жил. Глубокая яма была полна водой, кругом трава и тишина, как на кладбище. Ох, и тяжело же мне было, браток! Поставил я там немного и опять пошел на вокзал. В этот же день уехал я обратно в дивизию.

Неожиданно, через месяца три, нашлся Анатолий. Прислал мне письмо на фронт. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Попал он сначала в

артиллерийское училище. Окóнчил его с отличием, по-
шёл на фронт и вот уже пишет, что получил звание ка-
питана, командует батареей, имеет шесть орденов и
медали. Очень я этому обрадовался. Что ни говори,
а мой родной сын — капитан и командир батареи, это не
шутка! И начал я по ночам мечтать: как война кончит-
ся, как я сына женю и сам при них жить буду, рабб-
тать и с внуками играть. Но и тут ничего не вышло.
Зимой мы всё время наступали, и часто писать друг дру-
гу было невозможно. К концу войны, уже возле Бер-
лина, утром послал Анатолию письмо, а на другой день
получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сы-
ном к германской столице в одно и то же время, толь-
ко разными дорогами. С нетерпением начал я ждать на-
шей встречи. Ну, вот и встретились ... Точно, де-
вятого мая утром, в День Победы, убил моего Анатолия
немецкий снайпер ...

Во второй половине дня вызывает меня командир ро-
ты. Смотрю, сидит у него незнакомый мне артиллерий-
ский подполковник. Я вошёл в комнату, а подполков-
ник встал, подошёл ко мне и говорит: "Будь храбрым,
отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на
батарее. Пойдём со мной!"

Когда я услышал это, у меня закружилась голова,
и я чуть не упал. Не помню, как мы доехали. Помню
только солдатский строй и гроб.

Подошёл я к гробу. Мой сын лежит в нём и не мой. Мой — был всегда улыбающийся, худой мальчик, а тут лежит молодой, красивый мужчина ... Поцеловал я его и отошёл в сторону. Подполковник речь сказал. Товарищи — друзья моего Анатолия слёзы вытирают, а у меня даже и слёз не осталось.

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду ... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут скоро меня демобилизовали. Куда идти? В Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живёт мой друг, — он когда-то приглашал меня к себе, — вспомнил и поехал в Урюпинск.

Глава 9

У моего приятеля и у его жены не было детей, жили они в собственном домике на краю города. Он хотя и был инвалид, но работал шофёром в автороте; устроился и я туда же. Они меня хорошо приняли, и стал я у них жить. Разные грузы перевозили мы в районы, а осенью возили хлеб. В это время я и познакомился с моим новым сыном, вот с этим, который в песке играет.

Из рейса, бывало, вернёшься в город, пойдёшь первым делом в столовую поесть чего-нибудь, ну, конечно, и водки выпить. Надо сказать, что пил я тогда много. И вот один раз вижу возле столовой этого мальчика, на другой день — опять вижу. Маленький такой, лицо грязное, одёт плохо, а глаза большие, как звездочки. И до того он мне понравился, что я без него скучать начал, спешу домой из каждого рейса, чтобы поскорее его увидеть. Около столовой он и ел, кто что даст.

На четвёртый день прямо из совхоза подъезжаю к столовой. Мальчишка мой там, сидит и ждёт, чтобы кто-нибудь поесть дал. Открыл я окно в машине и кричу: "Эй, Ванюша! Садись скорее ко мне в машину, поедем на элеватор, а оттуда вернёмся сюда, пообедаем". Он быстро прибежал, сел в машину и говорит: "А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?" Глаза большие широко открыты, ждёт, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я всё знаю.

Через некоторое время я его спрашиваю: "Где же твой отец, Ваня?" А он шепчет: "Погиб на фронте" — "А мама?" — "Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали". — "А откуда вы ехали?" — "Не знаю, не помню..." — "И никого у тебя тут из родственников нет?" — "Никого". — "Где же ты спишь?" — "Где придётся".

Как услышал я всё это, мне так больно стало, что решил я его своим сыном сделать. И сразу у меня на душе так хорошо стало. Наклонился я к нему и спрашиваю: "Ванюша, а ты знаешь, кто я такой?" А он шепчет: "Кто?" Я ему и говорю: "Я твой отец".

Боже мой, что тут случилось! Начал он меня целовать и в щеку, и в щёки, и в губы, и в лоб, а сам всё кричит: "Папенька мой дорогой! Я знал! Я знал, что ты меня найдёшь!" А у меня в глазах туман и руки трясутся. Так разволновался, что даже в канаву въехал. Постоял я так минут пять, а потом вместо того чтобы ехать на элеватор, повернул машину и поехал на свою квартиру.

Оставил я машину у ворот. Взял его на руки и понёс в дом. Хозяин с хозяйкой были дома. Вошёл я, моргаю обоими глазами, и быстро говорю: "Вот и нашёл я своего Ванюшу!"

Хозяева сразу поняли в чём дело. Вымыл я Ване руки и посадил за стол. Хозяйка ему супу в тарелку налила. Увидев, как он быстро ест суп, хозяйка заплакала. Ванюша мой увидел, что она плачет, подбежал к ней и говорит: "Тётя, зачем же вы плачете? Папа нашёл меня возле столовой, тут всем радоваться надо, а вы плачете!"

После обеда повёл я Ваню в парикмахерскую, постриг, а потом купил ему в городе одежду.

Вечером я лёг вместе с ним спать и в первый раз за долгое время уснул спокойно.

Первое время Ваня со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так нельзя. Одному мне что надо? Кусок хлеба и лука с солью — вот и сыт солдат на целый день. А с ним дело другое: то молока ему надо достать, то чего-нибудь горячего. Оставил я его дома с хозяйкой. Но он долго не выдержал, убежал вечером на элеватор встречать меня. До поздней ночи ожидал там.

Один раз легли мы спать рано — днём я много работал и очень устал. Ваня всегда любил поговорить,

а тут что-то лежит и молчит. Спрашиваю: "Ты о чём думаешь, сыночек?" А он меня спрашивает, сам в потолок смотрит: "Папа, где твоё кожаное пальто?" В жизни у меня никогда кожаного пальто не было! Пришлось что-то быстро придумать. "В Воробнеже осталось", - говорю я ему. "А почему ты так долго меня искал?" Отвечаю ему: "Я тебя, сыночек, и в Германии искал, и в Польше, и всю Белоруссию прошёл и проехал, а ты в Урюпинске оказался". "А Урюпинск ближе к Германии? А до Польши далеко от нашего дома?" Так и разговаривали с ним, пока не заснули.

А что ты думаешь, браток, почему это он меня про кожаное пальто спрашивал? Значит, когда-то настоящий отец носил такое пальто, вот он и запомнил.

В Урюпинске мы прожили до ноября. В ноябре случилось несчастье: в одном колхозе занесло мою машину, и я ударил корову. Ну, известное дело, бабы начали кричать, собрался народ, и автоинспектор появился. Коровы встала и пошла дальше, как будто бы ничего не случилось, а у меня отобрали шофёрскую книжку.

Зиму я проработал плотником, а потом написал письмо другу - шофёру в Кашарский район. Друг меня пригласил к себе. Пишет, что сначала

поработаешь полгода плотником, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку. Вот мы с сыном и идём пешком в Кашары.

Даже если бы у меня и не случилось этой аварии с коровой, я всё равно бы скоро ушёл из Урюпинска. Не могу я долго жить на одном месте. Вот когда Ванюшу надо будет в школу отдавать, тогда другое дело — придётся жить на одном месте. А сейчас пока ходим мы с ним по русской земле.

— Тяжело ему ходить, — сказал я.

— Так он совсем на своих ногах не ходит, всё больше на мне ездит.

Всё это, браток, ничего, да вот сердце у меня что-то плохое стало. Иногда так болит, что в глазах темно становится. Бойсь, что когда-нибудь умру во сне и напугаю своего сынишку.

В лесу слышался голос моего товарища.

Чужой, но ставший мне близким человек встал, протянул большую, твёрдую, как дерево, руку и сказал:

— Прощай, браток, всего хорошего!

— И тебе тоже, счастливого пути!

— Спасибо.

Отец позвал сына, взял его за руку, и они пошли по направлению к лодке.

Долго я смотрел им вслед, и так тяжело было у
меня на сердце.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "СУДЬБА́ ЧЕЛОВЕ́КА"

Глава́ 1

<u>ДУТЬ</u> ПОДУТЬ	to blow
<u>РАЗЛИВА́ТЬСЯ</u> РАЗЛИТЬСЯ	to overflow
СТАНИ́ЦА	large cossack village
БРИ́ЧКА	carriage
КОЛЕСО́	wheel
<u>ПРОВА́ЛИВАТЬСЯ</u> ПРОВАЛИТЬСЯ	to fall through
ПЕРЕПРА́ВА	crossing
<u>ПОКРЬВА́ТЬ</u> ПОКРЫТЬ	to cover (distance)
<u>ПОМЕЩА́ТЬСЯ</u> ПОМЕСТИТЬСЯ	to be accommodated, be placed
<u>ОТПУСКА́ТЬ</u> ОТПУСТИТЬ	to let go, dismiss
<u>ВЫЧЕ́РПЫВАТЬ</u> ВЫЧЕРПНУТЬ	to scoop out
ХУ́ТОР	cossack farm
ОГОРЧЕ́НИЕ	grief
МО́КРЫЙ, -ая, -ое, -ые	wet
<u>РАЗМОКА́ТЬ</u> РАЗМОКНУТЬ	to get sodden, get soaked
ПО ПО́ЯС	waist high
<u>ОБЛИВА́ТЬ</u> ОБЛИТЬ	to drench

<u>раскла́дывать</u> разложи́ть	to spread out, lay out
<u>высыха́ть</u> высохну́ть	to dry out
<u>пожима́ть</u> пожа́ть	to shake, press
протяну́ть ру́ку	to stretch out one's hand
<u>накло́няться</u> накло́ниться	to bend forward (to)
сме́ло	boldly, bravely
ката́ть снежки́	to roll (to play) snowballs
вещево́й мешо́к	duffel bag
беда́	trouble
<u>разуве́рять</u> разуве́рить	to dissuade
загора́ть	to take a sun-bath
шёлк	silk
кисе́т	tobacco pouch
<u>разве́ртывать</u> разверну́ть	to unfold
<u>опережа́ть</u> опередить	to outstrip
<u>го́рбиться</u> сго́рбиться	to stoop, become bent
Мне ста́ло не по себе́.	I began to feel uneasy.
собесе́дник	companion (in conversation)
Но́ги не промо́чай!	Don't get your feet wet!

Глава 2

<u>рассма́тривать</u> <u>рассмотрѐть</u>	to examine, look
расчѐт	calculation
шерсть (f.)	wool
вы́глядеть	to appear, look
<u>што́пать</u> <u>зашто́пать</u>	to mend
ва́тник	quilted jacket
вдовец	widower
уроже́нец	native
плóтник	carpenter
слѐсарь	metal craftsman/worker
сирота́	orphan
<u>отража́ться</u> <u>отравиться</u>	to have an effect (on), affect
<u>отходи́ть</u> <u>отойти́</u>	to come to oneself, recover
<u>обнима́ть</u> <u>обнять</u>	to embrace
<u>увлека́ться</u> <u>увлечься</u>	to take great interest, be carried away
горди́ться	to be proud
<u>копи́ть</u> <u>скопить</u>	to save money
кладова́я	pantry, storeroom
коза́ (gen.pl. коз)	(she) goat
<u>обува́ть</u> <u>обу́ть</u> (PPP - обу́т, -а, -ы)	to provide with shoes, boots

отводи́ть
отвести́ to allot

скла́дываться
сложиться to be formed

Глава́ 3

пове́стка draft notice

военкома́т (вое́нный
комисса́риат) draft board

провожа́ть
проводить to see off

держа́ться to restrain oneself

совме́стная жизнь life together

распуха́ть
распу́хнуть to swell up

выбива́ться
вы́биться to get out, come out

му́тный, -ая, -ое, -ые turbid, troubled

поса́дка boarding

прижима́ться
прижа́ться to press oneself (to)

Возьми́ же себя́ в ру́ки! Take hold of yourself!

всхлипы́вать
всхли́пнуть to sob

разрыва́ться
разорва́ться to break

расстава́ться
расста́ться to part (with)

отта́лкивать
оттолкнۇть to push away

за́живо while alive

<u>обрыва́ть</u> оборва́ть	to break off
за́рыда́ть	to begin to sob
ме́ртва́я, -а́я, -о́е, -ы́е	lifeless, dead
<u>скло́ня́ть</u> скло́ни́ть	to bend
безво́льно	lifelessly, weakly
<u>опуска́ть</u> опусти́ть	to drop, drop down
ме́лко дрожа́ть	to quiver
подборо́док	chin
губа́	lip
уси́лие	effort
во́ля	will
поборо́ть	to subdue
охри́пши́й, -а́я, -е́е, -и́е	hoarse
<u>пыта́ться</u> попыта́ться	to try
<u>свёртыва́ть</u> сверну́ть	to roll up
рва́ться	to be torn
сы́паться	to pour
коле́но (рl. колéни)	knee
жа́дно жа́дный, -а́я, -о́е, -ы́е	greedily greedy
<u>затя́гива́ться</u> затяну́ться	to inhale (smoke)
ладо́нь (f.)	palm

<u>вскáкивать</u> вско́чить	to jump (into)
<u>шага́ть</u> шагну́ть	to step
тупо́й, -а́я, -о́е, -и́е	dull
ре́зать	to cut
<u>Глава́ 4</u>	
фо́рмирова́ть	to form, organize
<u>собира́ться</u> с си́лами собра́ться	to summon one's strength
пу́ля	bullet
проскочи́ть	to get through
<u>нагружа́ть</u> нагрузи́ть	to load
Дуй!	Go! (slang)
Жми на газ!	Step on gas!
осторо́жность (f.)	caution
<u>разрыва́ться</u> разорва́ться	to explode
<u>ло́паться</u> лопну́ть	to burst
очну́ться	to regain consciousness
те́ло	body
кача́ться	to reel from side to side
бу́ря	storm
опо́мниться	to come to one's senses, collect oneself
<u>осма́триваться</u> осмотре́ться	look about (round)

как слéдует	well, properly
<u>сжимáть</u> сжать	to squeeze
У меня но́ги подкó- сийлись.	My legs went limp on me.
сворáчивать с доро́ги	to swing off the road
кóрòткая óчередь (f.)	short burst
поперёк	across
цéлиться	to aim
му́скул	muscle
сапоги́	boots
<u>подхва́тывать</u> подхва́тить	to catch
<u>поспева́ть</u> поспéть	to keep up with
<u>пристрéливать</u> пристрéлить	to shoot, kill
солóма	straw
гимнасте́рка	field shirt (blouse)
шинéль (f.)	overcoat (military)
кíтель	uniform blouse
<u>отличáть</u> отличíть	to distinguish
поли́ть	begin to pour
промо́кнуть	to get wet, soaked
<u>щупáть</u> пощупáть	to feel, touch
плечó	shoulder

искра	spark
<u>тянуть</u> потянуть	to pull
вывихнуть	to dislocate
<u>Глава 5</u>	
ужасный, -ая, -ое, -ие	dreadful
<u>выпускать</u> выпустить	to let out
полголоса	in a low voice
еврей (gen.pl. евреев)	Jew
<u>прятаться</u> спрятаться	to hide, conceal oneself
<u>принимать</u> принять	to accept, receive
подозревать	to suspect
предатель	traitor, betrayer
подлец	scoundrel
<u>выдавать</u> выдать	to betray
парень (парнишка)	guy, fellow
шепот	whisper
<u>кивать</u> кивнуть	to nod
<u>душить</u> задушить	to strangle
змея	snake
<u>выстраивать</u> выстроить	to form, line up

<u>о́кружа́ть</u> о́кружи́ть	to surround
ку́рча́вый, '-ая, '-ое, '-ые	curly
<u>гна́ть</u> погна́ть	to drive on
наве́рняка́	for sure
ры́ть	to dig
моги́ла	grave
дизе́нтери́я	dysentery
охра́нник	guard
отси́деть	to stay, serve one's time in jail
ка́рцер	solitary cell
побе́г	escape, flight
<u>пережи́вать</u> пережи́ть	to live through, experience, suffer
ша́хта	mine
му́читься	to suffer, worry, feel unhappy
кула́к	fist
рези́новый, '-ая, '-ое, '-ые	rubber
па́лка	stick
<u>повора́чиваться</u> поверну́ться	to turn (round)
э́рза́ц-хлеб	artificial bread
жи́дкий, '-ая, '-ое, '-ие	thin, watery, liquid
кипято́к	boiling water

Глава 6

<u>перебрасывать</u> перебросить	to transfer
каменоло́мня	quarry
но́рма	quota
кубо́метр	cubic meter
бровь (f.)	eyebrow
ресни́ца	eyelash
профи́лактика	preventive inspection, prophylaxis
<u>закусывать</u> закусить	to have a snack
заку́ска	hors d'oeuvre, snack, appetizer
честь (f.)	honor
<u>напиваться</u> напиться	to get drunk
<u>откусывать</u> откусить	to bite off
оста́ток	remainder, rest

Глава 7

вско́ре	soon, shortly after
дневна́я сме́на	day shift
учрежде́ние	institution, establishment, firm
стро́ительство	building, construction
соору́жение	structure, construction
чин (зв́ание)	rank
<u>поправля́ться</u> попра́виться	to get well, recover

рубéж	line
забѣться	to begin to beat
<u>наполня́ть</u> напо́лнить	to fill
разбѣтый, '-ая, '-ое, '-ые	demolished, broken
укреплéние	fortification
дремáть	to doze
<u>сбавля́ть</u> газ сбáвить	to reduce speed
дзот	earth and timber pillbox
<u>представля́ть</u> предста́вить	to recommend
ла́ска	kindness
<u>зачисля́ть</u> зачи́слить	to enlist
едва́	barely, hardly
челове́ческое обра́щение	human/kind treatment
<u>Глава́ 8</u>	
я́ма	hole, pit
доброво́лец	volunteer
<u>создава́ться</u> созда́ться	to be created
не́хотя	unwillingly, reluctantly
<u>отзы́ваться</u> отозва́ться	to respond, answer
кла́дбище	cemetery
учи́лище	military school, school

с отличием	with honors
что ни говори́ строй	say what you like formation
гроб	coffin
<u>хорони́ть</u> <u>похорони́ть</u>	to bury
сам не свой	not self

Глава́ 9

рейс	trip, run
звезда́ (звёздочка)	star (little star)
губа́	lip
лоб	forehead
шепта́ть	to whisper
морга́ть	to wink, blink
ба́ба	(peasant) woman
